

И. М.
ХЕРАСКОВ

М. М. ХЕРАСКОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Соборный
Степано

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 6 1

М. М. ХЕРАСКОВ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. В. Запорова*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

М. М. Херасков — крупнейший русский писатель XVIII века. На своем творческом пути, продолжавшемся более полувека, он был связан со всеми писателями эпохи, от Ломоносова до Пушкина; немало места уделено ему в статьях Белинского. И тем не менее сочинения Хераскова, кроме поэмы «Россиада», ни разу не переиздавались.

В сборник включено лучшее из написанного поэтом за пятьдесят лет непрерывного творческого труда — его анакреонтические оды, басни, эпиграммы, трагедии «Венецианская монахиня» и «Освобожденная Москва», знаменитая поэма «Чесмесский бой» и пять песен героической эпопеи «Россиада», центрального произведения русского классицизма.

Книга представляет интерес не только для специалистов — историков литературы, но и для студентов-филологов, преподавателей средней школы и вообще для широких кругов любителей русской поэзии.

ТВОРЧЕСТВО ХЕРАСКОВА

Свыше полувека продолжалась литературная деятельность Хераскова. Современники почитали его чрезвычайно. И. И. Дмитриев писал:

Пускай от зависти сердца зоилов ноют,
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья приведут.

Поэмы Хераскова «Россиада», где главным действующим лицом был Иван Грозный, и «Владимир» при жизни автора несколько раз переиздавались; кроме них Херасков написал множество других поэм, пьес, романов, стихотворений — однако двери «храма бессмертья» для него так и не открылись. Труженик-поэт оказался скоро и прочно забытым, сочинения его не печатались, за исключением «Россиады», которую еще переиздавали, но уже в порядке учебно-хрестоматийном. Херасков устарел с поразительной быстротой, и главной причиной этого было бурное развитие русской литературы в последней трети XVIII — начале XIX столетия. Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин — в свете этих имен сразу поблекла литературная слава Хераскова.

Между тем творчество Хераскова представляет собой выдающееся явление русской дворянской культуры. В нем сосредоточились и, взаимно перекрещиваясь, соединились основные течения современной автору эстетической мысли. Оставаясь до конца своих дней в теоретических взглядах классицистом, Херасков далеко не был чужд идеям сентиментализма, нашедшим отклик уже в ранних его сочинениях.

Для Белинского поэмы Хераскова были явлением литературы

буквально вчерашнего дня, еще совсем свежим и не переставшим подавать признаки жизни. Можно напомнить, что эпические поэмы, продолжавшие традиции «Россиады» и «Владимира», выходили в двадцатые и тридцатые годы XIX столетия: «Освобожденная Москва» А. Волкова (1820), «Суворов» А. Степанова (1821), «Дмитрий Донской, или Начало российского величия» А. Орлова (1827), «Алексоидра» П. Свечина (1827—1828), «Александр I, или Поражение двадцати язык» А. Орлова (1828). Уже после того как были напечатаны «Литературные мечтания», в 1836 году Д. Кошкин выпустил первый том своей поэмы «Александриада», описывающей спасение России от войск Наполеона I.

Падение литературной славы Хераскова и других поэтов XVIII века Белинский считает фактом бесспорным, но относит его к самому последнему времени. В статье о сочинениях Батюшкова он восклицает: «Сколько пало самых громких авторитетов с 1825 года по 1835?.. Некоторые из них слыли гениями первой величины, как-то: Сумароков, Херасков, Петров и Богданович». ¹ Поэмы Хераскова Белинский называет «длинными и скучными», а самого автора аттестует следующим образом: «Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт». ²

С течением времени Белинский, не изменив своему непризнанию таланта Хераскова, стал видеть историческое значение его литературной деятельности, на что затем неоднократно указывал: «Так как литература не есть явление случайное, но вышедшее из необходимых внутренних причин, то она и должна развиваться исторически, как нечто живое и органическое, непонятное в своих частностях, но понятное только в хронологической полноте и целостности своих процессов; с этой точки зрения не только важны в истории нашей поэзии имена таких, более или менее блестящих и сильных талантов, каковы Ломоносов, Фонвизин, Хемницер... и другие, но даже и ошибавшихся в своем призвании тружеников, каковы: Сумароков, Херасков, Петров, Княжнин, Богданович и пр.» ³ Белинский считал, что эти имена «навсегда останутся в истории русской литературы и будут достойны уважения и изучения. Каждый из них — лицо типическое, выражающее общую идею, под которую подходит целый ряд родовых явлений». ⁴

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1953, стр. 164.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, т. 4. М., 1954, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 28.

С большой проницательностью Белинский выбирает из числа писателей XVIII века именно тех, кто совершил наиболее ценные и оригинальные вклады в русскую литературу, явился важным звеном литературного процесса и положил начало сериям «родовых явлений» — в области эпоса (Херасков), драматургии (Сумароков, Княжнин) и т. д.

Положительно оценивает Белинский и самый факт литературной деятельности Сумарокова, Хераскова, Княжнина как средства расширения читательских кругов и в общем плане — развития просвещения в России. «Эти трудолюбивые люди, — пишет он, — своею деятельностью, хотя и ошибочною, размножали на Руси книги, а через книги — читателей, распространяли в обществе охоту и страсть к благородным умственным наслаждениям литературою и театром — и таким образом, мало-помалу, приготовили для Карамзина возможность образовать в обществе публику для русской литературы». ¹

Карамзин действительно представляет следующий этап развития нашей словесности, в подготовке которого ближайшее участие приняли авторы XVIII века, и едва ли не более всех — именно Херасков. Белинский как-то заметил, что «Бедная Лиза» «убила» роман «Кадм и Гармония». ² Он не сказал только, что «Кадм и Гармония» сначала породили «Бедную Лизу» и что проза Карамзина имеет свои истоки в прозе Хераскова.

1

Михаил Матвеевич Херасков родился 25 октября 1733 года в г. Переяславле Полтавской губернии, где его отец Матвей Андреевич служил в должности коменданта, имея чин майора. Род свой Херасковы вели от валашских бояр Хереско. Дед поэта вместе с семьей переселился из Валахии в Россию при Петре I, подобно тому как в то же время, после Прутского похода царя, в Россию перешла и семья Кантемиров.

Мать Хераскова, Анна Даниловна, в девичестве была княжной Друцкой-Соколинской. Когда умер Матвей Андреевич — а это случилось в 1734 году, — она вышла замуж за князя Никиту Юрьевича Трубецкого, знатного и родовитого вельможу, человека светского и образованного, да вдобавок к тому ж и поэта.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 652.

² Там же, т. 4, стр. 416—417.

Пасынок жил, окруженный заботой не только о его здоровье и забавах: с раннего детства ему прививались умственные интересы.

Когда мальчик подрос, на одиннадцатом году его отдали в Сухопутный шляхетный — то есть дворянский — кадетский корпус в Петербурге. Кадетов готовили не только к военной, но и к статской службе, и хоть науками не изнуряли, все же корпус давал молодым людям известную сумму знаний — разумеется, тем, которые хотели их получить.

Херасков пробыл в корпусе восемь лет, и в 1751 году был выпущен подпоручиком в Ингерманландский пехотный полк. Офицерская служба совсем не привлекала его, она мешала отдаться литературным занятиям, о которых мечтал Херасков, начавший писать еще в корпусных стенах.

Когда в 1755 году в Москве открылся университет, основанный по инициативе Ломоносова, Херасков поспешил подать прошение об отставке и вскоре занял должность в новом учебном заведении, получив статский ранг коллежского асессора. В его ведении находились учебная часть, студенческие дела, библиотека, типография.

Херасков много и с удовольствием трудился на пользу Московскому университету. Немало сил было вложено им в перевод всего преподавания на русский язык вместо латинского, на чем горячо настаивал еще Н. Н. Поповский, ближайший ученик Ломоносова, при самом начале университетских лекций. Понадобилось несколько лет, чтобы добиться этого. Объединив вокруг себя молодых литераторов, преимущественно поэтов, Херасков стал организатором и руководителем нескольких печатных изданий, выходивших в типографии университета, — журналов «Полезное увеселение» (1760—1762), «Свободные часы» (1763), «Невинное упражнение» (1763), «Доброе намерение» (1764). Он был признанным учителем этой группы образованной дворянской молодежи. В 1760 году Херасков женился на Елизавете Васильевне Нероновой, также писавшей стихи, и дом их стал центром литературной Москвы.

После вступления на престол Екатерины II Херасков в 1763 году участвовал в организации и литературном оформлении грандиозного маскарада «Торжествующая Минерва», проведенном в Москве под руководством замечательного русского актера и организатора театрального дела в России Ф. Г. Волкова по случаю коронации новой императрицы. Вслед за этим Херасков был назначен директором Московского университета.

Во время путешествия Екатерины II по Волге в 1767 году Херасков принимал участие в переводах из «Энциклопедии», пред-

принятых кружком придворных императрицы, сопровождавших ее в поездке. Он переводил статьи, касающиеся поэзии, словесных наук и магии. Книга «Переводы из Энциклопедии» вышла в свет тремя частями в 1767 году.

В 1770 году Херасков был назначен вице-президентом Берг-коллегии — учреждения, ведавшего горной промышленностью в России, — и переехал на жительство в Петербург. При тогдашних порядках не могло казаться удивительным, что поэт начальствует над специалистами горного дела, — ведь был же певчий Алексей Разумовский фельдмаршалом русской армии, хотя по этой своей должности он и не занимался ничем, но тут главное заключалось не в том, чтобы назначить Хераскова на новое место, а в том, чтобы удалить его со старого. Херасков был масоном, видным членом религиозной международной организации, не чуждавшейся отнюдь политических интриг, — и масоны всегда были подозрительны Екатерине II. Силой захватив русский престол, она боялась, что ее сын Павел Петрович захочет сделать то же и что масоны будут первыми его пособниками. Следует думать, что императрица опасалась влияния Хераскова на университетскую молодежь и пожелала держать его поближе к себе, чтобы чаще приглядывать.

Херасков и в Петербурге не изменил своим склонностям. В доме его вновь составилось литературное общество, участниками которого, кроме хозяев, были И. Ф. Богданович, В. И. Майков, А. А. Ржевский, А. В. Храповицкий, М. В. Храповицкая-Сушкова и другие поэты и любители словесности. В 1772—1773 годах они издавали журнал «Вечера», печатая в нем свои сочинения и переводы. Карты и придворные праздники составляли главные развлечения светского Петербурга. Хераскову и его друзьям они были чужды. В предисловии к «Вечерам» издатели писали о том, что они «вознамерились испытать, может ли благородный человек один вечер в неделе не играть ни в вист, ни в ломбер и сряду пять часов в словесных науках упражняться». Это было еще в диковинку. Масонские связи Хераскова в Петербурге заметно укрепились, он был деятельным членом организации и вовлек в нее Н. И. Новикова, с которым связала его тесная дружба.

Кончилось это тем, что императрица окончательно разгневалась на Хераскова и в 1775 году распорядилась уволить его в отставку, причем без сохранения жалованья — мера, применявшаяся весьма редко и служившая признаком крайней немилости. Херасков поместий не имел и больно ощутил свое наказание.

В эти годы, начиная примерно с 1771-го, Херасков усиленно работал над своим главным произведением — героической поэмой «Россиада», величественной эпопеей, прославлявшей могущество России и победу ее над царством казанских татар. В 1779 году поэма была издана, и появление ее несколько примирило Екатерину II с автором. Царица отменила опалу и вернула Хераскова в его любимый Московский университет на должность куратора, то есть поставив его над директором университета.

Свои новые права Херасков постарался сейчас же осуществить. Он заключил с Н. И. Новиковым договор о передаче ему в аренду университетской типографии сроком на десять лет. С 1 мая 1779 года Новиков переселился в Москву и развернул изумительную по своему размаху и темпам издательскую деятельность. В его руках типография превратилась в мощный центр русского просвещения, откуда вышли сотни хороших и нужных книг. Херасков создал университетский Благородный пансион, об открытии которого было объявлено уже в декабре 1778 года. Как известно, позже в этом пансионе получили образование В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский, Ф. И. Тютчев, М. Ю. Лермонтов и многие другие выдающиеся представители русской общественной мысли и литературы.

Вся дальнейшая жизнь Хераскова была отдана постоянным литературным трудам и попечениям об университете — он прослужил в нем, не считая вынужденного перерыва, свыше сорока лет. Он не искал никогда ни почестей, ни богатства, его высокие моральные свойства были отлично известны современникам. Херасков охотно помогал людям, был отзывчив и щедр. Умер он 27 сентября 1807 года в Москве и похоронен на кладбище Донского монастыря, где и по сей день стоит его надгробный памятник.

2

Херасков начал писать еще в стенах Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, в первом выпуске которого окончил курс А. П. Сумароков. Нужно думать, что его пример, как и характерная для корпуса атмосфера литературно-театральных интересов, толкали Хераскова на дорогу самостоятельного творчества. В. С. Сопиков в «Опыте российской библиографии» указывает изданную уже в 1751 году «Оду на воспоминание победы Петра Великого над шведами» Хераскова, пометив, что это — «издание редкое». Вторая его «Ода императрице Елисавете Петровне на день

восшествия ее на престол» вышла в 1753 году. Обе они более не перепечатывались.

Когда в 1755 году Академия наук начала издание своего журнала «Ежемесячные сочинения», Херасков сразу же принял в нем участие и напечатал там несколько своих басен, сонетов и эпиграмм, носящих следы подражания Сумарокову. Один из мадригалов Хераскова редактор журнала Г. Миллер, как установил П. Н. Берков, отклонил, и он сохранился только в типографской рукописи, так как тематика его показалась, по-видимому, слишком «соблазнительной»: автор выражает желание стать цветком, для того чтобы украсить грудь прекрасной Фелисы и увянуть на ней.¹ Настроение Хераскова вполне оптимистично, нет и речи о предпочтении загробной жизни житейским хлопотам, о чем он будет писать в дальнейшем.

В августовской книжке журнала за 1755 год Херасков печатает «Оду Анакреонтову», причем вовсе не моралистическую, какие под этим названием он станет сочинять несколькими годами позднее, а полную подлинно анакреонтическим настроением:

Чтоб грозной смерти не страшиться,
Чтоб дух кончиной не крушить,
Я вечно буду веселиться
И вечно буду я любить.²

Вскоре Херасков попробовал свое перо в драматическом жанре, и первый его опыт — трагедия «Венецианская монахиня» (1758) — был весьма замечательным в своем роде и принципиально важным. В трагедиях классицизма обычно изображались размышления и поступки высокопоставленных особ — королей, князей, вельмож или полководцев. Херасков же написал пьесу из жизни частных людей, находящихся под гнетом религиозных и полицейских установлений, изобразил их переживания.

В предисловии к «Венецианской монахине» Херасков сообщил, что в основу сюжета он положил подлинный факт, изменив лишь имена действующих лиц, а если «что и от себя прибавил, то в драме позволено быть может». Ссылаясь на необходимость держаться ближе к подлинности, он объясняет и количество действий в трагедии — три, вместо считавшихся обязательными пяти.

¹ П. Н. Берков. Неизданное стихотворение Хераскова. — «Русская литература», 1960, № 3, стр. 194—195.

² «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 166.

На сцену театра Херасков вывел людей неизвестных и ничем, кроме яркости своих чувств, не замечательных. Отец Коранса — сенатор, начальник городской стражи в Венеции, то есть человек служащий, о родителях же Занеты не сказано ничего, кроме того, что они умерли. Сами герои также не успели совершить значительных поступков, и интерес к ним вызван не их общественным положением, а тем, что они чувствуют и как рассуждают о своих чувствах. Это рядовые люди, чью судьбу Херасков показывает зрителю, такому же, как они, рядовому человеку.

Особенности сюжета потребовали и точных авторских ремарок. Вместо неопределенной пометы места действия в классицистических трагедиях — «в чертогах князя», «во дворце» — Херасков называет город Венецию и указывает, что «театр представляет часть монастыря святыя Иустины и часть дома послов европейских». На этой территории и разворачиваются дальнейшие события.

А заключаются они в следующем. Занета, похоронив родителей и брата, по их завещанию поступает в монастырь, отрекается от брака, чтобы молиться о дорогих покойниках. Таково было их предсмертное желание, которое Занета поклялась исполнить. Жестокость подобного требования родителей очевидна, но Занета согласилась с ним, будучи уверена, что ее возлюбленный Коранс погиб на войне. Между тем Коранс, пробыв в отлучке три года, возвращается и с ужасом узнает, что та, которую он считал своей невестой, заточена в монастырь. Коранс пробирается на свидание с ней, ведет долгую и безуспешную беседу, пытаясь уговорить нарушить данный обет, и на обратном пути подвергается аресту. Его обвиняют в недозволенном пребывании на территории иностранного посольства, за что, по закону, полагается смертная казнь. Коранс мог бы объяснить, что шел из монастыря, но это значило бы скомпрометировать Занету. Острота ситуации усиливается тем обстоятельством, что судьей Коранса выступает его отец, сенатор, по долгу звания своего выносящий сыну смертный приговор.

«Венецианская монахиня» всем своим содержанием направлена в защиту простого человеческого чувства, не стесненного требованиями религиозных обрядов и условностями общественного характера. Вместе с тем в своей первой пьесе Херасков — в дальнейшем он не станет высказываться на эту тему столь определенно — скорбит о том, что религиозные догмы сковывают сознание Занеты и мешают ей обрести свое счастье с любимым, делают ее жертвой ненужного обета.

Мадригалъ

я съ завистью смотрю на розовой цвѣткою
кошторбикъ груда твоею вѣнча украшаетъ
хотя леза на немъ цвѣткою и уядаются
но будешь груда твоя листикомъ твоимъ
я радъ и самъ цвѣткою вѣнча обратится
я радъ болъ обильнѣе вудора прибудетъ
спесеньемъ напоямъ грудамъ бы я завель
къто развѣ умереть въ гробѣ твоемъ вель

*

*

*

М. А.

Коранс весь во власти своего чувства, сильного и свободного. Ради него он готов идти на казнь, нанести позор родному отцу, семье, себе самому, страсть его преодолевает все преграды, кроме сопротивления Занеты. Религиозная фанатичка выкалывает себе глаза, буквально следуя библейскому тексту, ибо они грешили, взирая на Коранса. Коранс же любит ее, несмотря на отказ соединить с ним свою судьбу, и умирает со словами:

Нет жалостней моей и нет счастливей части.

А его отец Мирози заключает трагедию словами:

Вот действие любви! вот плод безмерной страсти!

Ромео и Джульетта гибнут как жертвы феодальной семейной распри. В смерти Занеты и Коранса виноваты монастырские порядки, ложные представления о греховности любовного чувства, утвердившиеся в зараженных религиозными предрассудками умах. И об этой трагедии рассказал Херасков в своей «Венецианской монахине».

Литературный дебют Хераскова был смелым и значительным, но в дальнейшем поэт пошел по другому пути, что стало заметно двумя годами позднее, на страницах журнала «Полезное увеселение». Этот журнал издавался при Московском университете с января 1760 по июнь 1762 года, первые два года еженедельно, последнее полугодие — помесечно.

Основными сотрудниками, кроме самого Хераскова, были И. Богданович, С. Домашнев, В. Золотницкий, А. Карин, А. Нартов, Алексей и Семен Нарышкины, В. Приклонский, А. Ржевский, В. Санковский, Денис и Павел Фонвизины и другие. Журнал был исключительно литературным органом, статьи на естественнонаучные темы в нем не печатались. Наиболее широко был поставлен отдел поэзии.

Группа молодых литераторов, выступившая на страницах журнала «Полезное увеселение», по своим творческим задачам во многом расходилась с Сумароковым. Патриотический дух творчества этого крупного поэта, сатирическая направленность, элемент национальной самобытности притч и песен Сумарокова не находят отклика в кружке Хераскова. Им чужда также общественная активность Сумарокова, его живая, нервная реакция на те или иные вызывавшие его возмущение факты российской действительности. Они предпочитают стоять в стороне, не вмешиваться ни

во что и наслаждаться плодами дворянской культуры, отнюдь не стремясь расширить ее пределы.

Общественно-политические позиции журнала «Полезное увеселение» консервативны. Представители группы ничего не желают менять в российских порядках, положение крепостных крестьян оставляет их равнодушными, даже сетований на жестокосердных помещиков не встречается в журнале. Авторами владеют пессимистические настроения. Для стихов, печатавшихся в «Полезном увеселении», был общим мотив бренности земного, выраженный в стихотворении Хераскова «Прошедшее»:

Все тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет,
В лаврах, рубище, порфире,
Всем должно оставить свет.
...Что такое есть — родиться?
Что есть наше житие?
Шаг ступить и возвратиться
В прежнее небытие.

Обращает на себя также внимание принципиальный отказ от сатиры, объявленный «Полезным увеселением». Упоминание о сатире впервые появляется в восьмом номере журнала, в послании Хераскова «К сатирической музе». Заявляя, что он не хочет быть сатириком, поэт перечисляет объекты возможного обличения, снабжая краткими характеристиками неправедных судей, богачей, картежников, пьяниц, и заключает:

Не лучше ли велишь молчанье мне блюсти?
У нас пороков нет, ищи в других; прости!

Сатирические выпады Хераскова носят весьма общий характер и лишены каких бы то ни было намеков «на лицо». А следом за его стихами помещен выполненный Нартовым перевод стихотворения «О добродетели», прославляющего на разные лады ее достоинства. Херасков считает, что сатира способна озлобить людей и не содействует их исправлению. Эту точку зрения он высказал в своем журнале совершенно отчетливо и во всей дальнейшей деятельности твердо ее придерживался.

При чтении журнала «Полезное увеселение» становится несомненной общность подхода различных авторов к темам, одинаковая манера мышления и аргументации. В стихах поэтов группы Хераскова сказывались уже настроения сентиментализма в том

его религиозном и пессимистическом варианте, который был представлен в творчестве английского поэта Юнга. Поэма «Жалобы, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии», созданная Юнгом в 1742—1745 годах, явилась источником вдохновения для многих авторов «Полезного увеселения», усиленно развивавших «кладбищенскую» тему в русской литературе.

Но дело не только в этом. Мотивы личного совершенствования, бренности земного, пропаганда образцов добродетели, идеи дружеского братства членов ограниченного кружка людей, думы о заробной жизни, к которой надо готовиться человеку в его земном существовании, — все это типично для масонского умонастроения и заставляет видеть в кружке Хераскова тайную масонскую группу. В той или иной мере все ее участники были связаны с масонством в более поздние годы, что известно по сохранившимся документам. Речь, стало быть, идет о том, что они примкнули к масонству еще в начале 1760-х годов, о чем нет сведений в имеющейся литературе.

Отсутствие данных о масонских ложах в Москве конца 1750 — начала 1760-х годов вовсе не значит, что их там не было. Масоны держались своих тайн, опасались преследований полиции и недоверия общества. Известно, что масонская ложа в 1765 году существовала в Петербурге. В состав ее входили Р. И. Воронцов, А. П. Сумароков, группа офицеров Сухопутного шляхетного кадетского корпуса — Мелиссино, Свистунов, Перфильев, Остервальд, кроме них кн. Щербатов, Болтин, кн. М. Дашков и другие — всего тридцать девять человек. Мудрено ли, что Херасков, близко знавший этих людей как воспитанник Шляхетного корпуса и как литератор, был также причастен к масонству, хотя в зарегистрированный состав ложи и не входил, в эти годы находясь уже в Москве? Не забудем также, что И. П. Елагин, по его словам, «с самых юных лет» вступил в масонство — а родился он в 1725 году — и что в ту же пору в ложах состояли видные сановники и вельможи России. А в 1772 году Елагин был гроссмейстером в русских ложах, автором собственной масонской системы.

Можно, следовательно, полагать, что масонская ложа в начале 1760-х годов существовала и в Москве. Херасков был одним из ее руководителей, если не главным организатором, и в дальнейшем он продолжал играть видную роль в русском масонстве.

Именно в этом следует искать объяснение теме «клеветников», столь характерной для журнала «Полезное увеселение» (см. 1760, март, № 10; ноябрь, № 20; декабрь, № 21, 24, 26; 1761, январь,

№ 2; февраль, № 8; март, № 11; май, № 20; декабрь, № 24 и др.). Дело представляется таким образом, что группа людей ищет добродетельной жизни, а клеветники поносят ее, толкают на путь обмана и неправды, мешают ей.

О! неукротима злоба!
Не сыта твоя утроба;
И не хочешь ты престать
В отомщениях бесчинных
Свету на людей невинных
Повсечасно клеветать, —

восклицает Херасков (1760, декабрь, № 24).

О клеветниках «Полезное увеселение» заговорило уже в начале своего третьего месяца. Трудно представить себе, почему десять тонких тетрадок журнала с весьма невинным содержанием сразу же могли вызвать к его авторам столь дружную ненависть «клеветников», «гонителей добродетели и правды».

Очевидно, основания для «клеветы» были более широкими, и борьба шла не просто с литературным кружком, но с ячейкой какого-то крупного сообщества, казавшегося подозрительным, — с масонской организацией, которая, давая отпор своим противникам на страницах журнала, использовала все возможности для разъяснения своей программы — прославления добродетели, любви к ближнему и т. д.

Характерно также отсутствие в журнале интереса к вопросам общественной жизни. Построение прочного внутреннего мира, забота о собственном духовном благополучии — вот что занимает кружок «Полезного увеселения» и что отделяет его от такого боевого идеолога дворянской общественности, каким был А. П. Сумароков.

В «Полезном увеселении» преобладали поэтические жанры, но у авторов не было вкуса к торжественным одам в ломоносовском духе. Такие оды появлялись только в самых необходимых случаях: поэты откликались на смерть Елизаветы, на воцарение Петра III и делали это в довольно будничных тонах, деловито и спокойно.

Литературная позиция Хераскова и поэтов «Полезного увеселения» определяется классицистическими канонами на новом этапе развития этого стиля в России. Поэтика Ломоносова им чужда и не раз становится предметом критики и насмешек. Они приближаются к Сумарокову в пренебрежении к «надутости» слога, но лишены сумароковской активности и сознания общественной важ-

ности литературы. Для творчества поэтов журнала характерен интерес к философической оде, жанру дружеского послания, к элегиям, стансам. Они сознают себя группой, обмениваются стихотворными обращениями. А. и С. Нарышкины пишут Ржевскому, он в свою очередь им отвечает, А. Карин и Нартов, соревнуясь, в стихах разрабатывают одну и ту же тему, эти стихи печатаются рядом, чтобы читатель мог сравнить и отметить лучший вариант (1760, август, № 1 и 6).

Группа в целом ориентировалась на творчество своего главы — Хераскова, в произведениях которого нередко звучали новые для поэзии классицизма мотивы. Так, стихотворение Хераскова «Смерть Клариссы. Подраженная французскому сочинению» (1760, июнь, № 24) представляет собой, в сущности, сентиментальную поэму. «Враг» рассказчика нанес грубое оскорбление Клариссе, она умирает, рассказчик стремится отомстить оскорбителю, но не успевает в намерении. Герои часто проливают обильные слезы, природа как бы сочувствует им. Эти черты заметно отличают стихотворение Хераскова от обычных материалов «Полезного увеселения» и показывают накопление элементов сентиментализма в творчестве поэта.

Следует сказать, что в это время Херасков еще пытается произносить обличительное слово против порочных людей и не только прославляет добродетель. Такой теме посвящена его комедия «Безбожник» (1761). Фидеон и Руфин, дети дворянина Леона, противоположны друг другу по своим моральным качествам. Первый: благонравен и послушен отцу, второй же — отъявленный злодей. В пьесе, конечно, никак не объясняется, почему у Руфина мог сложиться такой характер, и зритель только знакомится с его отвратительными поступками. Руфин оклеветал брата, добился его ареста, ссорит окружающих, волочитя за чужой женой и т. д. Хуже всего, что Руфин не уважает отца и однажды бросается на него со шпагой. Это забвение правил послушания старшим в связи с названием комедии «Безбожник» позволяет предположить, что свой удар Херасков целил по новым теориям воспитания, как он их понимал, по французским материалистам и их русским последователям. Упреки такого рода развивались и в других современных произведениях, например в «Бригадире» Фонвизина, и не нужно доказывать, насколько они были несостоятельны.

При быстрой смене правителей на российском престоле в 1761—1762 годах, группа «Полезного увеселения» попала в довольно трудное положение. Едва поэты успели проводить Елизавету Петровну и стали слагать хвалы Петру III, приветствуя «кровь Пет-

рову», как на престол, переступив через труп мужа, взошла Екатерина II. Журнал в такой обстановке издавать стало затруднительно, и «Полезное увеселение» на июньском номере 1762 года прекратилось.

Через несколько месяцев, освоившись с новой обстановкой, Херасков определил свои позиции, вошел в милость к новой царице и с января 1763 года стал выпускать при Московском университете журнал «Свободные часы». В нем участвовала, кроме Хераскова, группа бывших сотрудников «Полезного увеселения» — А. Ржевский, А. Карин, В. Санковский и другие, а также — А. Сумароков и В. Майков.

Первый номер «Свободных часов» открывался стихотворением Хераскова с благодарностью Екатерине II:

Что я дела монарши славил
И к правде лести не прибавил,
Но только то вещал, что вся Россия зрит,
За то я принял милость многу...

А ведь поводов для милостей пока что почти не было: Херасков успел напечатать в 1762 году отдельными изданиями только оду и эпистолу к Екатерине II, да маленькую книжку «Новых од». Но императрица, еще непрочно сидевшая на престоле, была, видимо, очень рада поддержке главы московской дворянской интеллигенции и поспешила с выдвижением Хераскова.

«Новые оды» были таковыми не только по времени написания и по своей неизвестности читателю. Новым было расширение границ жанра. Херасков назвал одами группу стихотворений на моральные темы. Насколько они отличались от принятого в то время понятия оды как торжественного похвального стихотворения, показывает тот факт, что Херасков поместил их в собрании своих сочинений под именем «Анакреонтических од».

На русский язык Анакреона переводили Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. Продолжая вслед за ними питать интерес к его поэзии, Херасков, однако, вовсе не переводит Анакреона, а пишет свои собственные стихи, совсем не похожие на греческие оригиналы, и развивает в них близкие для себя моралистические суждения. Он адресуется к «разумной россиянке», и даже названия его стихотворений могут показать, насколько далеки они от анакреонтических мотивов. В книжке были оды «О силе разума», «О вреде, происшедшем от разума», «О воспитании», «О суетных желаниях», «О силе добродетели» и т. д. К общей тематике анакреонтической поэзии примыкает, пожалуй,

лишь ода «Сила любви». В ней говорится об Эроте, сыне цитерской богини, о стрелах, которыми он поражает сердце, после чего

Тотчас сердце распалится,
Важность мысли удалится.

(VII, 276) ¹

Это очень характерное для Хераскова выражение. Любовь изгоняет «важные мысли», вносит иррациональное начало в разумную человеческую жизнь, и, вероятно, благом ее считать нельзя.

Только в сердце, богу верном,
Только в мыслях просвещенных
Он не смеет воцариться;
И, владея всех сердцами,
Сих сердец Эрот боится.

(VII, 271)

На принадлежность таких стихов к «легкой поэзии», очевидно, должны были указывать их метры — трехстопный ямб и четырехстопный хорей — и отсутствие рифмы. В свое время это выглядело свежо, однако именно анакреонтики и не хватало в разумных и ясных стихах Хераскова. Поэта подкупала «простота и сладость» греческих строф, но, начав перелagать их, он как бы начисто забыл об оригинале и принялся излагать все те же тощие прописи о пользе добродетели, которыми были полны страницы «Полезного увеселения».

Примечательным в этом сборнике является его общий тон — очень домашний, интимный, дружеский, далекий от какой бы то ни было официальности. Стихи написаны для друзей, понимающих своего поэта, и легкие образы их присутствуют в книжке. Херасков с пренебрежением отзывается о «мирской пышности» и «великолепной жизни» богачей, он строит лиру для своей любезной, которой также нравятся простые уборы и скромный сельский обиход. Обращаясь к другу, покинувшему шумный город для деревенского уединения, Херасков одобряет его выбор, замечая, что сам он должен жить «между сует и скуки» и поддерживать свой дух любовью к наукам и добродетели:

Живи уединенно,
Когда тебе приятно,
Живи, мой друг любезный!

¹ Сочинения Хераскова цитируются по изданию: Творения Михаила Хераскова, чч. 1—12. М., 1796—1802. Римской цифрой указываются тома, арабской — страницы.

Ключи, с горы биючи,
И чистые потоки,
Леса, поля широки
Твой дух утешат боле.
Чем здешние забавы.

(VII, 251)

Когда Хлестаков в доме городничего говорил дамам, что «девяня тоже имеет свои пригорки, ручейки», он повторял ставшие избитыми фразы эпигонов сентиментализма, дававших знать о себе читателю и в тридцатые годы XIX века. В стихах Хераскова, сочиненных шестью десятками лет ранее, мы встречаемся с истоками этой темы, что должно быть особо отмечено. Тут начало усадебной поэзии дворянской литературы, и ее, как и многое, начинает Херасков. Жанр дружеского послания, столь характерный для творчества поэтов-романтиков, уже намечается Херасковым в стихотворении «Искренние желания в дружбе», где найден непринужденный тон сентиментальной беседы с другом, включившей в себя обязательные для Хераскова элементы морализма.

Этот морализм с годами все более и более заполняет произведения Хераскова. В 1764 году выходят его «Нравоучительные басни» в двух книгах — пятьдесят написанных разностопным ямбом назидательных стихотворений о том, что нужно избегать дурных поступков и обходиться с людьми по-хорошему. В 1769 году Херасков напечатал «Нравоучительные оды» — сборник стихотворений, посвященных этическим проблемам, людским отношениям, вопросам элементарной морали общежития. Ровные, спокойные стихи, лишенные ораторской интонации, были построены в форме задушевной беседы с читателем.

В этой книжке Херасков собрал тридцать две «нравоучительные оды», и, если посмотреть на заглавия их, смысл титульного листа получит полное объяснение: «Благополучие», «Суета», «Тишина», «Богатство», «Злато», «Честь», «Терпение», «Гордость», «Родство», «Умеренность», «Наказание», «Беспечность» и т. д. Херасков учит тому, что все земные блага ничтожны по сравнению с небесными и что только добродетельные люди живут в душевном покое, мирно готовясь к переходу в лучший мир:

Так знать, что счастье наше
В сем свете только сон.
Есть мир земного краше;
Какой? — на небе он.

(VII, 346)

Человек жалок и ничтожен перед лицом вселенной, его бессилие что-либо исправить в земной жизни — очевидно. Да и нужно ли думать об этом, если известно, что смерть все равно неизбежно наступит?

Хоть зришься счастья в полном цвете,
Хоть славишься во свете сем,
Пылинка ты едина в свете,
Невидимая точка в нем.

Ты прежде был и будешь прахом,
Ничто тебя не подкрепит;
Хоть кажешься вселенной страхом,
Тебя со всеми смерть сравнит.

(VII, 311)

В связи с ростом капиталистических отношений в русской литературе шестидесятых годов XVIII века заметное место начинает занимать тема денег. Власть их все отчетливее сознается, но отношение к ней у писателей различных социальных слоев неодинаковое. Бедняк-разночинец Михаил Чулков чувствует себя вполне удовлетворительно в мире рыночных отношений, купли-продажи. В журнале «И то и се» (1769) он пишет о том, что «всякая вещь свою имеет цену», что «прибыток имеет силу и все перевершит». Перед «неопытным» крестьянином, имеющим деньги, тщеславный гражданин примет на себя образ крестьянина, а сам крестьянин становится равным боярам — «будет боярином перед боярином». Панегирик деньгам поместил Василий Рубан в журнале «Ни то ни се» (1769, лист 9):

Можно ли нищество
Деньгам предпочесть?
Деньги лучше средство
В свете все обрести. . .

Херасков в своей лирике также не раз касается темы денег, не заметить ее он не может, однако говорит он о «злате» всегда с отвращением. Проповедник счастливой умеренности и философского спокойствия, Херасков должен заявить, что

Злато влияло
В смертных вражду;
Пользою стало
Всем на беду.

В идеальный мир, создаваемый поэтом, врывается практическая жизнь, не считаться с ней невозможно, и потому рассуждения о тщете богатства Херасков заключает меланхолической строфой:

Однако может ли на свете
Прожить без денег человек?
Не может, изреку в ответе,
И тем-то наш и скучен век.

Ничто его как будто не веселит, он не может оторваться от мыслей о смерти, уничтожающей все живое. В числе «нравоучительных од» нет ни одной с заглавием типа «Радость», «Веселье», «Дружба», «Любовь», а ода «Красота» начинается с унылого утверждения:

Пригожество лиц минется,
Проходит красота,
И только остается
Приятностей мечта.

(VII, 368)

Цветущие годы пролетают, прелесть вянет, молодая девушка превращается в старуху:

На что же величаться
Своею красотой?
Ей скоро миноваться,
Пригожество дар пустой.

(VII, 370)

Херасков пишет свои оды «средним штилем», тщательно оберегая свой словарь от славянизмов, ведет чинную и благоразумную беседу с читателем, что будет характерно для его лирических стихов и более позднего времени.

3

В годы, предшествовавшие крестьянской войне, когда в русском обществе вопросы дальнейшего социально-экономического развития России стали предметом обсуждения и начала заседать Комиссия о сочинении Нового уложения, Херасков также подал свой голос. В 1768 году он опубликовал повесть «Нума Помпилий. или Процветающий Рим», в которой напомнил о легендарном

римском властителе. «Нума» принадлежит к числу «государственных романов», примерами которых в русской литературе уже были переведенные Тредиаковским «Аргенида» и «Тилемахида», содержавшие изображение различных политических систем и многочисленные советы правителям. Херасков, пользуясь описанием Нуминых дел, также преподает ряд советов русской самодержавной монархии.

Легендарный царь древнего Рима Нума Помпилий (конец VIII — начало VII века до н. э.), согласно преданиям, правил после смерти не менее легендарного Ромула. Нуме приписывается обучение римского народа земледелию, реформа календаря, после которой год стал делиться на двенадцать месяцев вместо десяти, введение жреческих коллегий и т. д. Херасков строит свои представления о Нуме по сочинениям английских и французских историков, и ссылки на них приводятся в тексте. Однако в предисловии к книге он замечает, что «сия повесть не есть точная историческая истина; она украшена многими вымыслами, которые, не уменьшая важности Нуминых дел, цветы на них рассыпают».

Но именно эти «вымыслы» и составляют главное содержание книги, ибо к их числу относятся прежде всего беседы Нумы с его покровительницей нимфой Эгерой, в которых разворачивается программа управления страной и определяется поведение монарха.

Идея повести «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» выражена автором в начальных строках первой главы:

«Истинная слава не всегда оружием приобретается; лавры победителей часто кровью верных сынов отечества орошены бывають... но сладкий мир и любезная тишина цветущее состояние городам и селам даруют, законам придают силу и спокойных жителей радостию и веселием напояют» (XII, 1).

Доказательством этой мысли и служит повесть о деревенском философе Нуме, за свои добродетели избранном римским императором; его пример рекомендуется для подражания монархам. Утопическая мечта Хераскова о государе-философе была высказана им во все более накалявшейся обстановке борьбы крепостного крестьянства с дворянской империей и свидетельствовала о тщетном желании автора помочь притушению вражды между ними.

В сущности, весь роман представляет собой собрание советов царям, преподанных на образцах административной и законодательной практики Нумы Помпилия.

Особым достоинством Нумы в глазах Хераскова является его обыкновение советоваться по важным вопросам со своими вельможами и с римским народом. Мечты о дворянской конституции.

свойственные представителям дворянской оппозиции предпугачевских лет, в эти годы разделялись и Херасковым.

«Нума Помпилий» в творчестве Хераскова представляет собой опыт прямого изложения советов и поучений гражданским правителям. Более таких попыток Херасков не предпринимал, значительно усложнив свои аллегории и перенеся центр творческого внимания на вопросы духовной жизни человека, на исправление нравов своих современников с помощью разбора полезных примеров. Но от прозы он не отказался и с большой охотой писал романы, составив в этом смысле редкое исключение среди авторов-классицистов, как известно к прозе относившихся неодобрительно и считавших, что только поэзия способна передавать высокие мысли и внедрять в умы начала разума.

Цель своей литературной деятельности Херасков полагал в том, чтобы учить людей, прививать им вкус к добрым делам на пользу окружающих, в чем он видел залог спокойной и полной нравственного удовлетворения жизни. Наставлять нужно приятно, ненавязчиво, в увлекательной, интересной форме, скрывающей серьезное моральное содержание. Пожалуй, никто из русских писателей XVIII века не придерживался соединения «полезного с приятным» так неуклонно и последовательно, как Херасков. В той или иной мере «полезное» соединяли с «приятным» многие авторы, включая Державина, но Херасков сделал эту ходовую формулу основой своей литературной работы, начиная со второй половины семидесятых годов. Крестьянская война, поднятая Пугачевым, явилась вехой, наметившей поворот в творчестве этого писателя, ибо показала ему необходимость более активной и доходчивой пропаганды моральных истин.

Моралистом показал себя Херасков с первых шагов своей литературной деятельности. Но если в «Полезном увеселении» и сборниках стихов «Новые оды», «Философические оды», «Нравоучительные басни» он рассуждает, уговаривает, объясняет читателю прелесть добродетельной жизни, прямо к нему обращаясь, то позже Херасков пользуется обходным маневром. От непосредственных лирико-дидактических обращений к читателю он перешел в область иносказаний, аллегорий, сюжетных новелл, вставляемых в рамы эпических произведений, и поучительный материал стал заключать в легкую романическую форму. Этому потребовали интересы дела, ибо прямые назидания, как показал опыт, игнорировались читателями, преподанные же в занимательном повествовании добрые советы могли дойти до адресатов. А нужда в этом, по убеждению Хераскова, после крестьянской войны стала очень заметна.

Приняв такое решение, Херасков оставляет лирику и пишет поэмы, романы, драмы, трагедии, сочетая занимательную интригу с полезным нравоучением и заставляя зрителя и читателя незаметно это нравоучение проглатывать. В этом состоит особенность творчества Хераскова восьмидесятых — девяностых годов XVIII — начала XIX века, одинаково присущая и его поэмам и романам. В таком же плане трактует Херасков исторические темы в «Россиаде», в трагедиях «Пламена», «Идолопоклонники», в поэмах «Владимир», «Царь, или Освобожденный Новгород» и других своих произведениях. Он пропагандирует положительные примеры, указывает образцы для подражания и свои «полезные» советы излагает в «приятном» литературном оформлении, равно пользуясь при этом и стихами и прозой, не проводя принципиального различия между этими видами художественного слова.

Двухтомный роман «Кадм и Гармония» (1786) имеет в основе своей идею необходимости подчинения людей высшим силам. Человек сотворен свободным, и боги не хотят обуздывать его воли, предостерегать и следить за каждым шагом. Он сам должен быть благоразумен. Роман Хераскова рассказывает на примере Кадма, одного из персонажей древнегреческой мифологии, о том, к каким опасным последствиям может привести человека свободная воля и как важно быть всегда добродетельным и законопослушным. Например, Кадм, попав в Вавилон, развращается и с большим трудом отходит от своих увлечений. Существенно отметить, что Кадм не совершает каких-либо незаконных деяний, он только имеет дурные мысли и ведет неподобающие разговоры, соблазняя молодежь. Таким образом, наиболее опасно духовное развращение, подчеркивает Херасков, за него полагается и неизмеримо большая ответственность.

Общий вывод романа таков: «Обладающий своими чувствованиями смертный, обуздывающий волнение страстей своих, управляющий по правилам благоразумия душевными свойствами, есть сильный царь на земли. Многие венценосцы титла сего не заслужили» (IX, 125).

Другой крупный роман Хераскова называется «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) и составляет продолжение первого.

В «Полидоре» сочетаются элементы и государственного, и авантюрного романа. Приключения Полидора, вступившего на путь ложных умствований и поверявшего колдовством указания богов, составляют сюжет романа, изобилующего различного рода вставными эпизодами и историями, которые рассказывают о себе вновь появляющиеся действующие лица. Царства, наблюдаемые Полидо-

ром во время его скитаний, имеют каждое свои особенности, и сравнение их достоинств проводится в тексте романа. Несмотря на ошибки и прегрешения, Полидор попадает наконец в царство Мудрости, олицетворенное нимфой Теандрой. Любопытно, что эта нимфа, предсказав появление на Севере дивной монархини, главной ее заслугой считает «Наказ Комиссии о сочинении Нового уложения» и говорит Полидору: «По моему внушению напишет она божественную книгу — мудрый Наказ! Сия долженствует быть врезана во всех чувствующих сердцах человеческих и благообщее любящих! Тогда в Севере золотые дни сияти будут» (XI, 324). Не забудем, что Наказ довольно скоро после его опубликования стал секретной книгой, ибо некоторые либеральные мысли, вошедшие в него, показались Екатерине II опасными. Херасков же не обинуясь поднимает этот Наказ как знамя в своем романе, не желая знать о его запрещении, причем делает это уже после казни Людовика XVI, заставившей русскую императрицу еще более подозрительно и беспощадно относиться к малейшим признакам либерализма.

Впрочем, в отношении к событиям французской буржуазной революции 1789—1793 годов Херасков не расходился с официальными русскими кругами. В «Полидоре» он представил революционную Францию в виде плавающего острова Терзита, население которого охвачено хаосом безначалия. Жители его превратились в стадо без пастыря, каждый «учинился царем», и толпа терзитян «в наглом буйстве вопиет: вольность, вольность!» (X, 92). Причиной возмущения граждан послужили «дерзновенные вольнодумцы», их «вкрадчивые писания» смутили умы и вызвали неповиновение. Остров гибнет от внутренних смут, и спасает его только возвращение сильной и благоразумной монархической власти.

Слог Хераскова изобилует различного рода украшениями, наполнен метафорами, в которых автор, вероятно, видел один из главных признаков художественной выразительности речи. В нем нет «простых» слов и выражений, периоды важны, величавы, длинные. Херасков пишет: «Заря уж простерла румяную ризу по лазурным небесным сводам; свет утренний, нисходя с вершины гор и лесов дремучих, рассыпался по лицу земному: Кадм наслаждается приятным сном в объятиях своей супруги Гармонии» (IX, 186).

Такие же описания встречаются и в стихах Хераскова. Например, в «Россиаде» читаем:

Отверз небесну дверь денницы перст золотой,
Румяная заря встречалась с темнотою;

Где кисть густую тень от света отличает,
Там зрение черты меж ими не встречает,
Смешенье сходное при утренних часах
В слиянном с ночью дни казалось в небесах;
Мрак тонкий исчезал, сияние рождалось,
И каждо существо со светом пробуждалось.

(I, 215)

Карамзин воспитывался на этих образцах русской литературной речи, и в общей тональности слога он затем не разошелся с Херасковым. Не забудем, что в заметке «О прозе» (1822) Пушкин, сказав о том, что проза Карамзина — лучшая в нашей литературе, прибавляет: «Это еще похвала не большая».¹ Заметка же посвящена осуждению тех писателей, которые «думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами». Пушкин порицает именно то, что делал Херасков: «Должно бы сказать: рано поутру, — а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба» — ах, как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?»

Тридцать пять — сорок лет, отделяющие время написания «Кадма и Гармонии» от заметки Пушкина, — срок для русской литературы поистине огромный. За эти годы перед читателем прошли Державин, Радищев, Крылов, Карамзин, Батюшков, Жуковский и начал писать Пушкин. Для своего времени Херасков писал «свежо и ново», и не его вина, что неумолимая история отвела ему так немного лет для власти над умами и вкусами читателей. Процесс развития русской литературы по пути к реализму шел необычайно быстро, и риторическая манера Хераскова устарела на его глазах.

4

Подлинную славу Хераскову создали его поэмы. Белинский, напоминая о том, что «современники смотрели на него с каким-то робким благоговением, какого не возбуждали в них ни Ломоносов, ни Державин», замечает: «Причиною этого было то, что Херасков подарил Россию двумя эпическими или героическими поэмами — «Россиадою» и «Владимиром». Эпическая поэма считалась тогда

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7. М., 1958, стр. 15.

высшим родом поэзии, и не иметь хоть одной поэмы народу значило тогда не иметь поэзии». ¹

Херасков подошел к «Россиаде» после почти двадцатилетних литературных трудов в различных жанрах, в том числе — и в эпическом. Его первая поэма «Плоды наук» вышла в свет в сентябре 1761 года, то есть еще при Елизавете Петровне, и посвящена наследнику престола Павлу Петровичу. Херасков объясняет молодому великому князю пользу наук и рекомендует ему в будущем так же поощрять просвещение, как делал это Петр I. Подзаголовок «Плодов наук» — «дидактическая поэма» — определяет ее информационно-наставительное содержание. Поэт шестистопными ямбами, без особых украшений, но внятно и логично изъясняет пользу, происходящую от наук в практическом и в моральном смысле, и тем самым как бы полемизирует с Руссо, в своей диссертации 1749 года высказавшимся в том смысле, что науки улучшению нравов не способствуют.

Эта поэма показывает едва ли не самую заметную черту личности Хераскова. Он желает учить и наставлять людей и будет выступать в такой роли до конца своих долгих дней. Но она также дает заметить, что Херасков и сам любит учиться, перенимать, совершенствоваться. Так, в данном случае он с успехом воспользовался опытом Ломоносова, взяв за образец его «Письмо о пользе стекла» (1752), это блестящее поэтическое произведение, наполненное научной мыслью. Херасков в своей поэме доказывает пользу наук, называя многие из них и характеризуя главное направление каждой. Он не ставит задач наукам, как делает это Ломоносов в оде 1750 года, и ограничивается только описанием:

Что жнем, что мы в градах стенами окруженны,
Механике мы тем в сей жизни одолженны;
Да жизнь бы наша течь беспечнее могла,
Механика на то орудия дала. . .
. . . Алгебра всех вещей о дробном свойстве мыслит;
Она земных телес, планет движенье числит

и т. д.

(III, 15, 19)

Сходствует Херасков с Ломоносовым и в своем отношении к Петру I, изображенному в поэме восторженными стихами:

¹ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1955, стр. 112.

Везде Петрова мысль, везде Петровы руки:
Посеянные им приносят плод науки.
Законы к нашему спокойствию цветут;
Где пользу только зрю, и Петр мне зрится тут
и т. д.

(III, 11)

Десятилетием позже, в 1771 году, Херасков выступает с новой поэмой «Чесмесский бой», которая может служить достойным примером его литературной смелости. В пяти песнях поэмы он описал, причем с наивозможной точностью, блестящую победу русского флота, разгромившего 26 июня 1770 года в Чесменской бухте Черного моря сильнейшую турецкую эскадру. Было утоплено двадцать четыре линейных корабля турок, великое множество других судов, нанесены огромные, до десяти тысяч человек, потери в личном составе. Русские военные моряки добились успеха малой кровью, что еще более увеличило радость победителей.

Этому важному и совершенно злободневному событию Херасков посвящает свою поэму «Чесмесский бой», принявшись за нее вскоре после получения известий о гибели турецкого флота. Он внимательно изучает газетные сообщения и беседует с участниками Чесменской битвы, стремясь узнать подробности, отсутствующие в официальных реляциях и необходимые для описания боевых эпизодов. По-видимому, поэт вовсе не нуждается в «пафосе дистанции», для того чтобы оценить и прославить подвиги русского флота, его командиров и рядовых матросов, о которых он также сказал доброе слово. Для автора похвальной оды подобная оперативность была бы не удивительна, но Херасков пишет эпическое произведение, поэму, и пишет хорошо, о чем можно говорить без всяких скидок на быстроту литературного воплощения современной темы.

Как требовалось эстетическими вкусами эпохи, Херасков ориентирует свою поэму на античные образцы, вспоминает Гомера и его героев, с которыми сравнивает русских моряков, но в «Чесмесском бое» эти реминисценции не производят впечатления обязательного литературного приема по одной простой причине: поэт действительно говорит о Греции, томящейся под турецким игом. И строки:

В стране, исполненной бессмертных нам примеров,
В отечестве богов, Ликургов и Гомеров,
Не песни сладкие всепевают музы днесь —
Парнас травой зарос, опустошился весь —

нужно понимать не метафорически, а буквально: Парнас действительно зарос травой, а греческая культура пришла в совершенный упадок.

На крыльях истины к Парнасу прелечу;
Внимайте, музы, мне, россиян петь хочу! —

говорит Херасков, точно характеризуя свое литературное задание. Парнас здесь не только аллегория, но и топографическая точка; «на крыльях истины» значит, что будет передаваться поэтическая хроника недавних событий, а целью поэмы является не прославление отдельного полководца или царя, но описание подвигов россиян, боевых трудов нашего военно-морского флота. Об «украшениях» в этой вступительной формуле Херасков не говорит, полагая их разумеющимися для опытного человека.

Первая песнь поэмы посвящена, таким образом, обоснованию темы. Греция страждет, и Россия приходит к ней на помощь, отправляя в Архипелаг свой флот для боев с турецкими захватчиками. Казалось бы, дальше должны будут идти поэтические восторги автора по поводу успешных военных действий и уничтожительные возгласы в адрес турок. Однако Херасков, будучи для своего времени «занимательным» автором, тщательно разрабатывал сложные сюжеты поэм и романов, и в данном случае также вовсе не ограничился лирическими возгласами, приличествующими сочинителю од. Он в середине поэмы, в третью песню, поставил эпизод мнимой гибели Федора Орлова, брата командующего эскадрой А. Г. Орлова, и рассказ о его чудесном спасении. Точка зрения читателя переносится с корабля «Евстафий», ведущего абордажный бой с флагманом турецкого флота, на корабль «Три иерарха», откуда Алексей Орлов наблюдает взрыв и видит плывущие по волнам обломки «Евстафия». Затем, после ряда картин и рассуждений, уже в четвертой песне, с помощью рассказа «вестника», обычного в классицистической драматургии пересказчика действий, происходящих за сценой, перед читателем раскрывается сцена спасения Федора Орлова и некоторых его товарищей с «Евстафия», и поэма движется к своему окончанию.

Кроме братьев Орловых, которым принадлежит главная роль в поэме, Херасков называет много имен русских моряков — Спиридова, Степанова, Долгорукого, Грейга, Крюйса, Плещеева, Ильина и других, оговариваясь, что о всех сказать невозможно; приводит подлинные слова матроса-канонира, потерявшего в бою обе ноги, описывает подвиги рядовых бойцов. При этом автор не теряет из вида общего плана сражения; как бы наблюдая за ним и с воз-

духа, отмечает движение турецкого флота из открытого моря в бухту, ночное нападение русских брандеров, пожары на вражеских кораблях и спасение русскими тонущих турецких матросов.

«Чесмесский бой» был крупной удачей Хераскова. Поэма вызвала большой интерес у русских читателей, появились переводы ее на французский (1772) и немецкий (1773) языки. Ободренный успехом, поэт задумывает новое монументальное произведение, на этот раз посвященное исторической теме, но содержащее и отклики на современные события, — героическую поэму «Россиада». Восемь лет понадобилось Хераскову, чтобы создать грандиозную эпопею, и в 1779 году он выпустил в свет ее первое издание, продолжая и дальше работать над текстом.

Впечатление, произведенное поэмой на современников, было огромным, Херасков сразу завоевал всеобщее признание, которым пользовался до конца жизни. «Творцом бессмертной „Россиады”» сразу же назвал его Державин в стихотворении 1779 года «Ключ». Можно напомнить, что первые критические отзывы о поэме, причем весьма резкие, появились только через несколько лет после смерти Хераскова, — так велико было уважение к «Россиаде».

Белинский верно определил причину почти благоговейного отношения современников к этому труду Хераскова. Русская литература еще не имела своей героической поэмы, наличие которой по кодексу классицизма почиталось обязательным для зрелой национальной словесности. В античной литературе были «Илиада» и «Одиссея», вечные образцы вдохновенного эпоса, Франция имела «Генриаду» Вольтера, Италия — «Освобожденный Иерусалим» Тассо, Португалия — «Лузиады» Камоэнса и т. д., — поэмы, посвященные выдающимся событиям отечественной истории, — а в русской литературе произведения такого масштаба еще создано не было. Попытки решить эту задачу предпринимались на протяжении ряда десятилетий. Кантемир начал поэму «Петрида», но не пошел далее первой книги, Ломоносов написал две песни поэмы «Петр Великий», и хотя они сыграли видную роль в дальнейшем развитии русского эпоса, однако в целом труд завершен не был. Сумароков приступил к поэме «Дмитриада», посвященной Димитрию Донскому, — и остановился на первой странице. Лишь Хераскову удалось, наконец, создать законченную героическую эпопею «Россиада», в двенадцати песнях, насчитывающих свыше девяти тысяч стихов. Понятно, насколько значительной казалась эта творческая победа и каким ореолом сразу окружено было имя сочинителя.

Согласно правилам литературной теории классицизма, основу эпопеи должно составлять крупное событие национальной истории.

служащее в ней как бы поворотной вехой, после которой страна начинает высший этап своей государственности. Такое событие Сумароков видел в Куликовской битве, Кантемир и Ломоносов — в преобразовании России, учиненном Петром I. Херасков выбрал сюжетом своей поэмы завоевание Иваном IV находившейся под татарским владычеством Казани, что он считал датой окончательного освобождения России от татаро-монгольского ига. В поэме играл большую роль элемент чудесного, представители неба и ада участвовали в борьбе русских с казанцами, и это вмешательство потусторонних сил подчеркивало трудности подвига русских воинов во главе с царем и значение одержанной победы. Включение в поэму «чудес» также предписывалось правилами. «Россиада» была написана александрийским стихом — шестистопным ямбом, — и слог автора отличался торжественной важностью «высокого стиля», вбиравшего в свой состав много славянских слов и выражений. В освещении фактов Херасков опирался на исторические источники, главным образом на «Казанский летописец», однако идейная концепция поэмы принадлежит автору и должна быть оценена по достоинству.

Херасков, бывший учеником Сумарокова не только в плане литературном, но и в смысле мировоззрения, принадлежал, несмотря на некоторую свою пассивность, к дворянской оппозиции тираническому самодержавию Екатерины II. Позже, напуганный французской буржуазной революцией, он отошел от либеральных взглядов, но в период сочинения «Россиады» они еще были ему свойственны.

Утопический идеал просвещенного абсолютизма поэт после «Нумы Помпилия» развертывает в «Россиаде». Он показывает читателю молодого царя Ивана IV как вождя русских дворян, но лишь первого среди равных. Царь слушает советы своих приближенных и поступает в согласии с лучшими из них. Единение царя и аристократии кажется Хераскову необходимым условием благоденствия государства, и, не видя его в современности, поэт хочет искать его в историческом прошлом России. Он идеализирует фигуру князя Курбского — независимого дворянина, но верного слуги престола в его изображении — и делает его видным героем своей поэмы. Таким и должен быть истинный аристократ — не льстец, не раб, храбрый воин и мудрый член царского совета. Обстановка патриотического подъема сопутствует всем сценам в лагере русских, и во главе движения победоносных сил идут дворяне.

Однако Херасков понимает, что успех достигнут на более широкой основе и что кроме дворянства в борьбе с татарами участвовали народные массы. Исследователь поэмы проф. А. Н. Соко-

лов в этой связи замечает: «В центре эпопеи стоит царь Иван Васильевич. Но даже не он — если вчитаться в поэму — является ее главным героем. В «Историческом предисловии» Херасков пишет, что он имел в виду «знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства». Общепризнанное значение Казанской победы и общепризнанный подвиг этой победы дали основание поэту назвать свое творение «Россиадою». Не Иван IV освободил Россию от татар, а народ, возглавленный Грозным, сбросил с себя остатки татарского ига».¹

Итак, русский стан изображен Херасковым единым и стройным, во главе его стоит государь, окруженный советом своих добродетельных и храбрых вельмож. О социальных противоречиях в России XVI века, о положении крестьянства в поэме упоминаний нет — Херасков попросту не видел их, а если бы и видел, то не стал бы говорить о них в героической эпопее, чтобы не омрачить ее патриотического пафоса.

Татарский лагерь представлен совсем иными чертами. Ему уделено много места в поэме, настолько много, что первый критик поэмы А. Ф. Мерзляков сердито спрашивал: «Кому же теперь посвящена «Россиада»? Иоанну или Сумбеке? Российским или татарским героям?»² Однако в развернутой Херасковым картине состояния казанских властей нельзя видеть литературного просчета автора, как думал Мерзляков, писавший: «Это составляет целые три песни, недостойно посвященные интригам ветреной женщины и ее служанке! Не понимаю, как могло патриотическое сердце почтенного Хераскова унизить таким образом триумфы Иоанновы!»³

В немногочисленной литературе о Хераскове это риторическое восклицание оставлено без ответа. Между тем думается, что татарские сцены в поэме вовсе не лишены смысла и находятся в тесной связи с общей концепцией «Россиады». Казанью правит вдова царя Сафигиря Сумбека со своим малолетним сыном. К городу приближаются русские войска, над ним нависла грозная опасность. Но в этот решающий час

Сумбека собственну напасть пренебрегает,
Не к бранным помыслам, к любовным прибегает,
К сему орудию коварствующих жен;
О! кто не знает их, тот подлинно блажен!

¹ А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 157.

² «Амфион», 1815, № 2, стр. 71.

³ Там же, стр. 59—60.

Она казалась быть, ордынцами владея,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея,
Для выгод собственных любила царский сан;
Смущали душу в ней не брани, князь Осман...

(I, 45—46)

К казанскому престолу тянутся, добиваясь руки Сумбеки, военачальники Сагрун и Асталон, неверный Осман изменяет ей с Эмирой, пророческие голоса велят избрать Сумбеке в мужья князя Алея, союзника России, а сердце ее требует другого мужа, — царица запуталась в любовных интригах и забыла о своих государственных обязанностях.

Трудно представить себе, что эти подробно выписанные Херасковым сцены служат только средством для введения в поэму «романического» элемента. Уж очень похожи они на то «повреждение нравов» в России и засилье фаворитизма, которое обличал М. М. Щербатов, о котором писал Д. И. Фонвизин: «Без непрременных государственных законов не прочно ни состояние государства, ни состояние государя... Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан... Тут подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному *любимцу*...»¹

Живописуя разложение в среде казанских руководителей, Херасков косвенным образом критиковал русские придворные круги во главе с императрицей. Это она, «Киприда красотой, а хитростью Цирцея», не сумела предотвратить ужасов крестьянской войны и, пренебрегая советами просвещенных дворян, ищет опоры в новом любовнике, предоставив Потемкину неограниченные административные права. Совсем иначе ведет себя идеальный для Хераскова и его единомышленников-дворян государь — Иван IV. Ему безопасен любовный дурман, губительный для правительниц-женщин, он советуется с приближенными, внимает голосу разума, не держит при себе фаворитов — и ему удаются труднейшие подвиги.

Противопоставление такой пражданской утопии и действительности реально существует в поэме Хераскова и обуславливает необходимость «татарских» песен «Россиады», против которых напрасно возражал Мерзляков.

¹ Д. И. Фонвизин. Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления... — «Русская проза XVIII века», т. I. М.—Л., 1950, стр. 529—530.

По верному наблюдению Г. А. Гуковского, «в то же время «Россиада» — это поэма о современной автору проблематике, изображавшая борьбу России с магометанским государством. «Россиада» была начата Херасковым в самый разгар первой турецкой войны и закончена перед захватом Крыма, когда Российское государство вновь готовилось к схватке с Турцией ради распространения влияния России на Черном море и ради возможности захвата Польши. «Россиада» в образах прошлого пропагандирует и прославляет политику русского государства. Конечно, эта идея, присущая поэме, могла примирить с нею все слои дворянства и даже правительство. Наконец, с этой же идеей связана и пропаганда христианства, пронизывающая поэму».¹

Художественные средства, примененные Херасковым в «Россиаде», показательны для русского классицизма. Так, в соответствии со своими эстетическими представлениями, вместо портрета героя поэт приводит обширное перечисление его моральных качеств:

Ада́шев счастья обманы презирал,
Мирские пышности ногами попирал;
Лукавству был врагом, ласкательством гнушался,
Величеством души, не саном украшался;
Превыше был страстей и честностию полн.
Как камень посреде кипящих бурных волн...

(I, 11)

Иногда характер героя подчеркивается указанием на его поступки и внешний облик, как описан, например, князь Курбский, требующий освобождения Казани от татарского владычества:

Вдруг, будто в пекле огонь, скрывая в сердце гнев,
Князь Курбский с места встал, как некий ярый лев,
Власы вздымались, глаза его блистали,
Его намеренья без слов в лице читали.

(I, 23)

Передача душевных движений очень удавалась классицистической поэзии и драматургии, но физическую внешность героев, их портреты они изображать не умели.

Картины природы, не раз вводимые Херасковым в поэму, имеют всегда условный, аллегорический характер, они не передают реаль-

¹ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 198.

ных признаков, имея вид некоего величественного обобщения, при котором нет места подлинным особенностям вещей и явлений. Таково школьно-общеизвестное в прошлом описание зимы из XII песни «Россиады».

В поэме — и это также соответствует характеру русского классицизма — есть ряд элементов фольклорного происхождения, уживающихся под пером Хераскова с подражаниями любовным и «волшебным» эпизодам в поэмах Ариосто «Неистовый Роланд» и Тассо «Освобожденный Иерусалим». Как замечает Г. А. Гуковский, «та роль, которая уделена Херасковым в изображении самого взятия Казани подкопу под Казанскую стену и взрыву этой стены, подготовленным Розмыслом, совпадает с оценкой событий, данной народной исторической песней на ту же тему; три витязя, влюбленных в Рамиду, напоминают былинных неприятелей русских богатырей — Змея Тугарина или Идолище Поганое; сам царь Иван, окруженный своими витязями, как-то соотносится с Владимиром стольно-киевским народного эпоса и т. д.»¹

Стремление сочетать «приятное с полезным» — формула классицистической литературы, введущая свое начало еще от Горация, — всю жизнь преследовало Хераскова и определило особенности его крупнейших произведений. «Полезное увеселение» — назвал Херасков свой первый литературный журнал, и затем продолжал писать, руководствуясь прежде всего желанием быть полезным читателю, научить, остеречь от плохого, просветить. Но никогда он не забывал и о «приятном», стараясь привлечь внимание занимательностью сюжета, разрабатывая затейливые повествования, которые могли бы увлекать воображение. И весьма осторожно, отнюдь не навязчиво, раскрывал поэт второй план своих произведений — аллегорический, разъяснял, что за приключениями героев следует видеть искания разума, идущего к познанию добродетели и к божественной истине.

«Россиада», имевшая также свой второй план, но злободневно-публицистического значения, лишена элементов духовной аллегории. Третья эпическая поэма Хераскова «Владимир» (1785) может быть правильно понята только с учетом этого второго, и притом главенствующего, смысла.

«Ежели кто будет иметь охоту прочесть моего «Владимира», — писал Херасков в предисловии к третьему изданию поэмы, состоявшей из десяти тысяч стихов в восемнадцати песнях, — тому советую, наипаче юношеству, читать оную не как обыкновенное эпиче-

¹ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века, стр. 199—200.

ское творение, где по большей части битвы, рыцарские подвиги и чудесности воспеваются; но читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором срается он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается» (II, VIII).

Тема «Владимира» обладала достаточной поучительностью, речь в поэме шла о времени принятия христианства на Руси, о выборе веры киевским князем, о его борьбе против собственных недостатков во имя духовного очищения — и, стало быть, «полезность» в поэтическом рассказе присутствовала уже в достаточной степени.

Владимир хорошо правил своей страной, рассыпал свои щедроты подданным, и, по словам Хераскова, беда была одна: этот князь

Любови пламенной отравой услажден,
Блаженства жизни сей искал в беседе жен...
Лежали семена греха в его крови...

(II, 3)

Херувим явился к двум благочестивым христианам-варягам, проживавшим в Киеве, и приказал им убедить Владимира покончить с язычеством и принять христианский закон. Отсюда и начинаются сюжетные хитросплетения поэмы. Жрецы, подстрекаемые Злочестием, убивают варягов, языческие боги — князь духов Чернобог, Ний, Хорс, Семиргла, Кукало, Зничь, Лада и другие — созываются пророком Зломиром на совещание, чтобы решить, какими способами отвлечь Владимира от христианства. Наиболее верным кажется средство внушить князю сильное любовное чувство.

Херасков очень строго относится к чувству любви, считает его недозволенным и греховным. Он признает только возвышенное духовное общение людей между собою в их порыве к познанию бога. За два с половиной десятилетия, прошедшие со времени «Венецианской монахини», поэт коренным образом переменяет свои взгляды и стал проповедовать аскетизм, суровую христианскую мораль взамен утверждения свободы человеческого чувства.

Много препятствий приходится преодолеть Владимиру, прежде чем ему удастся понять сладость воздержания и преимущества христианского закона. Две песни, которыми Херасков расширил третье издание поэмы, посвящены исправлению княжеского сына Всеволода и, в сущности, затормаживают развитие основного действия. Однако поэт-моралист не мог отказаться от возможности на новом примере повторить свои излюбленные правила.

Но сладостей мирских доколе не забудешь,
Игралищем страстей и умственности будешь.

(II, 153)

«Умственность» — страшный грех, разъясняет Херасков, человек должен надеяться не на свой разум, а на бога. Но с официальной церковью поэт-масон не ладит по-прежнему. Храм Суесвятства, описанный с такими подробностями в XV песне, содержит изображение пороков, свойственных духовенству и монашеству. Резкий выпад против монахов мы находим в речи рыцаря Рогдая, который, встретив пустынноика, раздражается обличением монахов,

...кои суть градов опустошенье;
Их стоит дорого народам и пощенье;
Пригбенны длани их всечасно ко грудям
Изображают их несклонность ко трудам;
Они родителей и ближних покидают,
Бегут от них в леса, но труд их поедают.
Изрядный промысл! Глад в беспечности тушить,
Пустыни населять, а веси пустошить.

(II, 193)

Правда, ему разъясняют, что борение с собой — это тоже очень важная работа для человека, но критический пыл Рогдая гораздо больше запоминается читателю.

Находку «Слова о полку Игореве» первым в литературе, как известно, отметил Карамзин. Херасков, зорко следивший за литературными новостями, также откликнулся на открытие гениального памятника русской словесности и в третьем издании «Владимира» (1797) посвятил ему несколько строк:

О! древних лет певец, полночный Оссиян!
В развалинах веков погребшийся Баян!
Тебя нам возвестил незнаемый писатель;
Когда он был твоих напевов подражатель,
Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины.
Ты, может быть, Баян, тому свидетель был,
Когда Владимир в Тавр Закон приять ходил,
Твой дух еще когда витает в здешнем мире!
Води моим пером, учи играть на лире...

(II, 300—301)

Однако ничем из художественных сокровищ «Слова о полку Игореве» Херасков не воспользовался, как не включил он в свою поэму и мотивов народного устного творчества.

Среди стихов «Владимира» нередко встречаются хорошие строки. Херасков отлично владеет шестистопным ямбом, речь его течет внушительно и ровно. Но общий символический замысел огромной поэмы, отсутствие в ней и подлинной историчности, и яркой поэтической фантазии не сделали ее новым для Хераскова шагом вперед по сравнению с «Россиадой», оставшейся наиболее известным его произведением.

Ясно выраженную склонность Хераскова к монументальному эпосу показывают и другие его произведения. Так, пример «Потерянного рая» Мильтона и «Мессиады» Клопштока толкает его на создание поэмы «Вселенная» (1790). В трех песнях «Вселенной» поэт перелагает стихами религиозные легенды о сотворении мира и человека, о борьбе сатаны с богом, явно заимствуя краски у западноевропейских творцов религиозных эпосов. Но эта поэма не лишена и злободневного оттенка. Бунт черных ангелов во главе с сатаной и отпадение их от бога сравниваются Херасковым с событиями французской буржуазной революции 1789 года, под свежим впечатлением известий о которой и сочинялась поэма.

Херасков осуждающе пишет об «умствованиях», которым предаются люди, теряя веру и отказываясь совершать «добрые дела». Силы и возможности человека поэт оценивает низко — он «нищ, убог, печален, скорбен, слаб» и нуждается в постоянном покровительстве вышней силы.

Теме поисков людьми счастья и определению его посвящена поэма Хераскова «Пилигримы» (1795). Это объемистое произведение в пяти песнях; в отличие от других поэм Хераскова, написано разно-
стопным ямбом, что придает его стихам известное разнообразие и живость. В кратком вступлении поэт декларирует свое право на творческую свободу:

Но я в моих стихах намерен быть развязан,
Во слогах вольный ход поэтам не заказан;
Как новых стран искал Колумб, преплыв моря,
Так ищем новых мы идей, везде паря;
Творенья наших чувств суть верные оселки;
Я пел и буду петь героев и безделки.

(III, 158)

Последняя строка означает, что Херасков принципиально расширяет свои литературные позиции и чутко прислушивается к начи-

нениям Карамзина: «Мои безделки» — так назывался сборник стихотворений и повестей Карамзина, выпущенный им в 1794 году. Вслед за ним Херасков, оставив Ивана Грозного, Владимира и богоборца-сатану, спускается к обыкновенным людям, намереваясь разъяснить им, что такое человеческое счастье и какими путями возможно его достижение.

Поэма «Пилигримы» до предела насыщена упоминаниями литературных произведений, их героев, именами писателей от античных до современных русских, мифологическими персонажами — и римскими, и греческими. Херасков приложил к стихам девяносто подстрочных примечаний, обнаружив большую заботу о читателе. Переполненная литературными и мифологическими реминисценциями, поэма была рассчитана на весьма образованных читателей, но даже и для них Херасков счел нужным дать столь подробные комментарии.

Свое нравоучение поэт представляет в сюжетно-аллегорических новеллах, пользуясь образцами волшебного романа. Через всю поэму проходит история царевича Вельмира, который был увлечен нимфой Феллиной в долину отдыха и провел там долгое время, предаваясь наслаждениям. Это было его ошибкой, которую он впоследствии исправил, сорвав с груди Феллины лилию и бросив ее в огонь. Колдовство рассеялось, демонские чары разрушены, но конец был печален. Как пишет Херасков, неожиданно для читателя употребляя выражения «низкого штиля», —

За белую лилею,
За дерзкие дела
Вельмира в шею
Феллина прогнала.

(III, 215)

Поживши много лет в «роскоши приятной», Вельмир стал дряхлым и расслабленным, но принялся энергично бороться со своими страстями, за что и получил исцеление от нимфы Миросветы, представляющей собою «невинность небесную».

Есть в поэме и другие сюжеты, также имеющие нравоучительное содержание, и все они приведены Херасковым для того, чтобы сделать следующий вывод: нужно трудиться для общей пользы и творить добрые дела, это обязанность каждого человека, от монарха до пастуха:

Где ты, любезная, сияешь добродетель,
Там счастливы равно раб, пленник и владетель.

(III, 322)

Поэма «Пилигримы» дает материал для наблюдений над укреплением в творчестве Хераскова сентиментальных мотивов. Он усваивает мораль сентиментализма и его оправдание общественного неравенства. Карамзин в «Бедной Лизе» уравнивал сословия перед лицом чувства, самым главным для него показателем возможностей человека. Херасков же растворяет классовые противоречия в потоке общего и необходимого для царя, помещика и крестьянина поклонения добродетели.

Херасков еще продолжает повторять, что по-настоящему счастлив только тот, чей рассудок может обуздывать «бунтующие страсти», кто бежит опасных «умствований», но этот тезис системы классицизма доказывается теперь в духе сентиментальной чувствительности с неперменным упоминанием о благодарных слезах, умягчающих скорбь по поводу земного неустройства. Получает новое оправдание и отказ от сатиры, имевший раньше у Хераскова религиозно-масонское обоснование. Теперь он говорит:

Коль душу чей разврат приводит в сожаленье,
Почтенна та душа в сердечном умиленье.
Как слез не проливать, беспутство зря в сердцах?
Ах! есть отрада, есть в печали и в слезах...
Нам слезы в горести есть сладкая роса,
Какую в знойный день даруют небеса.

(III, 311)

В 1800 году Херасков издал стихотворную повесть в семи песнях «Царь, или Спасенный Новгород». Спасать Новгород понадобилось от «ужаса безначальственного правления», а виновником бед послужил буйный и развратный юноша Ратмир. Под этим именем Херасков выводит упомянутого в Никоновской летописи Вадима Храброго, который выступил в 863 году против первого варяжского князя Рюрика и был убит. Восстание Вадима послужило темой тираноборческой трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (1789), сочувственно подчеркнувшей горячее свободолюбие заглавного героя. Позднее тема новгородской вольности была затронута Рылеевым в думе «Вадим», на нее затем откликнулись Пушкин и Лермонтов (поэма «Последний сын вольности»). Херасков безоговорочно осуждает своего Ратмира-Вадима, через созданный им образ ведя полемику с Княжнинным и пользуясь случаем излить свою неприязнь к французской буржуазной революции, в которой ему страшнее всего «безумное алкание равенства».

Несмотря на преклонный возраст, Херасков не ослаблял темпа

литературной работы. В 1803 году, семидесяти лет от роду, он изумил современников, издав самое большое по объему свое поэтическое произведение — поэму «Бахариана», протяженностью в пятнадцать тысяч стихов. Название ее происходит от слова «бахарь» — говорун, рассказчик, сказочник. В подзаголовке стояло: «Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок».

Такое определение во второй своей части было не слишком точным — лишь отдельные мотивы фольклорного происхождения ввел Херасков в поэму, подобно тому как это делал в «Душеньке» Богданович. Гораздо ближе «Бахариана» стоит к типу волшебных повестей, который всегда манил Хераскова. Подобно другим его поэмам и романам, «Бахариана» имеет аллегорическое истолкование. В ней описываются приключения Неизвестного, личность которого открывается только в самом конце книги. Царевич Орион был изгнан из дома своего отца Тризония мачехой Змиоланой за то, что убил ее любовника-сокола. Заодно Змиолана превратила Тризония в вола, а жителей его царства Лицерны сделала мухами, змеями, сороками. Целью Неизвестного становятся поиски своей возлюбленной Феланы и волшебного зеркала, добыв которое он возвращает отцу и всем его подданным человеческий облик. Помогает ему при этом старец Макробий, символизирующий духовное просвещение, христианскую мудрость. Фелана обозначает непорочность, волшебное зеркало оказывается «чистой совестью», избавляющей человека от «скотства». Словом, говорит Херасков, обращаясь к читателю, —

Знай, что повесть странная сия,
Может быть, история твоя.¹

В «Бахариане» легко увидеть, что творческий метод Хераскова за полвека литературной деятельности проявил необыкновенную устойчивость. Изменялись темы его поэзии, оценки жизненных фактов, он следил за новостями литературы, но продолжал писать так, как писал десять, двадцать, сорок лет назад. Его, например, совсем не коснулось «открытие природы», совершенное в поэзии Державиным. Рационалистическая, морализирующая муза Хераскова, привыкшая представлять себе природу в чисто условных цветах и линиях, не могла взглянуть на нее непредубежденным взором и не испытала радости видения мира. Горы, долины, рощи, зефиры и хоры птичек, потоки и ручейки — вот «приятности весенны», набор

¹ М. Херасков. Бахариана, или Неизвестный. М., 1803, стр. 436. (В дальнейшем указания на страницы этого издания даются в тексте.)

которых был обязателен для Хераскова, как для Сумарокова и других поэтов-классицистов шестидесятых годов. С тем он вступил в литературу XIX века.

Оставаясь классицистом по существу художественного метода, Херасков, как уже говорилось, кое в чем отдает дань новым литературным веяниям, исходившим от бывшего его ученика — Карамзина. Поэт не подражает ему, но учитывает опыт, выбирая, например, для «Бахарианы» тот «русский размер» стиха, которым Карамзин написал «Илью Муромца», сделав этот размер модным. Однако Херасков, избегая метрического однообразия, монотонности, часть глав (семь из четырнадцати) пишет четырехстопным ямбом и хореем, с рифмой, признаваясь читателю:

Только рифму уважаю,
Стих без рифмы вображаю
Тело будто бы без ног...

(Стр. 192)

«Литературного успеха эта поэма Хераскова не имела, — отмечает Д. Д. Благой, — но тем не менее она сыграла известную историко-литературную роль: опыт автора «Бахарианы» был в какой-то мере творчески использован Пушкиным при создании им своей сказочной поэмы „Руслан и Людмила“». ¹

На склоне дней своих, в 1805 году, Херасков напечатал отдельным изданием эпистолу — иначе трудно определить жанр этого стихотворения — под заглавием «Поэт». Через шесть с лишним десятков лет после Сумарокова, но с опорой на его теорию и с эпиграфом из «Эпистолы о стихотворстве», ² Херасков предлагает свои советы юношам — начинающим поэтам.

Где для простых очей совсем предметов нет,
Рисует, видит там и чувствует поэт, —

говорит Херасков, и предлагает поэту проверить себя, удастся ли ему видеть в явлениях природы игру мифологических существ — нимф, зефиров, ореад, сирен, Нептуна, Аполлона и т. д. Несмотря на гениальные уроки Державина, Херасков по-прежнему воспринимает природу сквозь мифологические реминисценции и считает, что

¹ Д. Д. Б л а г о й. История русской литературы XVIII века. М., 1955, стр. 362.

² Напрасно на Парнас слагатель смелый входит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.

описание утра само по себе не есть поэзия, а изображение венчанного розами Феба, выезжающего в алмазной колеснице, сразу переведет стихи в разряд произведений истинно художественных. Поэт обязан уметь отчетливо видеть то, что видят его герои, и чувствовать вместе с ними, быть «повествователем и живописцем». Свое внимание поэт должен обратить к природе, отнюдь не подражая известным авторам, почерпая искусство «из собственных даров». Поэту необходимы знания (ими обладал в полной мере Ломоносов), правдоподобие в описаниях, что вовсе не исключает вымысел. «О, как мне повести приятны баснословны!» (стр. 8) — искренне восклицает Херасков, как бы подводя итоги собственному творчеству.

В языке прежде всего важны понятность, естественность, он не терпит надутой пышности. Слова должны соответствовать предмету изложения («Вещая о царях, порфирой украшайся» — стр. 10), то есть теория «трех штилей» по-прежнему дорога для Хераскова, и открытий Державина он вовсе не думает принимать в свою практику.

Главная обязанность поэта — славить добродетель, не устает повторять Херасков: «Без добрых души не может быть писатель» (стр. 12).

В творчестве нужно следовать тем законам, которые установили Гораций, Буало и Сумароков. Вот к чему пришел Херасков в последние годы своей литературной жизни:

Что в наставлениях нам предал Сумароков,
Тех правил не забудь; не бегай тех уроков.

(Стр. 14)

Для самого Хераскова эти уроки оказались памятными на всю его долгую жизнь.

5

Видное место в творчестве Хераскова занимает драматургия. Он написал двадцать пьес — девять трагедий, пять драм, две комедии, комическую оперу («Добрые солдаты»), театрализованый пролог («Счастливая Россия») и две пьесы перевел и переработал («Сид» Корнеля и «Юлиан-отступник» Вольтера). Начав свой путь в театре с трагедии «Венецианская монахиня», носившей в себе зачатки сентиментальной драмы, Херасков и в дальнейшем иногда пишет такие же драмы, но в трагедиях он остается строгим клас-

сицистом. Пьесы Хераскова шли на сцене (не все), печатались и составляли неотъемлемую часть русского репертуара.

Интерес к национальной истории, характерный для представителей русского классицизма, был в высокой мере свойствен и Хераскову. Пять его трагедий написаны на сюжеты, связанные с историческим прошлым России: «Борислав» (1774), «Идолопоклонники, или Горислава» (1782), «Пламена» (1786), «Освобожденная Москва» (1798) и «Зареида и Ростислав» (напечатана посмертно, 1809). Херасков изображает фигуры исторических деятелей и при работе над трагедиями пользуется летописными источниками. Пьесы его пронизаны патриотическими мотивами, мыслями о единстве Русской земли, о пагубности княжеских раздоров, о необходимости твердой централизованной власти. Херасков не затрагивает вопроса о положении народа, его не занимают темы социальной борьбы, но он против тиранства, за разумного, следующего законам монарха, и в этом смысле его пьесам присущи нотки некоторой оппозиционности по отношению к власти.

В истории России Хераскова особенно привлекало время принятия христианства и борьбы с язычеством. Если масонские взгляды заставляли его видеть в этой бурной эпохе победу духовного просветления и толкали в сторону религиозной символики, то как поэта и драматурга Хераскова, бесспорно, занимала возможность показать сильные характеры, столкновения страстей и интересов, глубоко обнажившиеся в обстановке крещения Руси. Эту тему Херасков разрабатывает и в драматургии, и в эпосе, причем особое внимание устремляет он на языческий лагерь, следит за процессами, происходящими в среде приверженцев старых верований, рисует их цельные, стойкие характеры, удающиеся ему гораздо лучше, чем фигуры христиан с их длинными рассуждениями о небесной благодати.

Мастером увлекательного драматического действия показал себя Херасков в трагедии «Идолопоклонники, или Горислава». Херасков берет героем князя Владимира Святославича, сосредоточив внимание на драматической коллизии, происшедшей в его доме.

Горислава звалась раньше Рогнедою. Владимир убил половецкого князя, ее отца, и женился на пленнице. Страстное чувство сменилось у Владимира равнодушием к Гориславе, которая вовсе не забыла его преступления. Языческие жрецы, обеспокоенные решением Владимира принять христианство, подучают Гориславу убить мужа. Владимир узнает об этих замыслах, но прощает Гориславу, отправляя ее на жительство в Полоцк. В пьесе никого не убивают, никто не закаляется сам — редкий случай для трагедий XVIII века, — но и без токов крови Херасков сумел создать траги-

ческую ситуацию. В заключительных репликах Святополк и Горислава заявляют о принятии христианства, однако по сюжету пьесы — это мнимый конец. Гориславе оставлена жизнь — и только. Владимир высылает ее из Киева, он прощает, но по-прежнему убежден в виновности своей жены. Греческая княжна заменит ее. Святополк, потрясенный несправедливостью Владимира к Гориславе, остается с отцом, но искренне ли изменит он к нему отношение? Конфликт, в сущности, остается нерешенным.

Херасков изображает трудности, сопутствовавшие предпринятому Владимиром уничтожению язычества, — интриги жрецов, противодействие ближайших родственников князя — и решительность его борьбы с препятствиями. Помощь он встречает только со стороны своего «сродника» — Добрыни, за исключением имени ничего общего не имеющего с былинным героем: на сцене это скучный резонер и телохранитель Владимира.

Желал или не желал этого Херасков, он изобразил Владимира бессердечным деспотом, равнодушным к страданиям ближнего, администратором и политиком прежде всего. А в образе Гориславы поэту удалось передать страдания человека — оскорбленной дочери, брошенной жены, горящей матери. Зритель видел перед собой глубоко несчастную женщину, томящуюся под властью насильника-мужа, которого, несмотря ни на что, она преданно любит. И в минуту отчаяния Горислава начинает причитать, как простая русская крестьянка:

Почто я, бедная, на свете родилась!
Почто во младости и прелесть мне далась!
С родителями жизнь без ней бы я скончала,
Не воспаляла бы и ввек не огорчала,
Не огорчала бы я сердца ничьего...

(Д. IV, явл. 6)

Умел же Херасков прибрать к роли Гориславы такие задушевные слова, передать интонацию народной речи в классическом александрийском стихе! И, вероятно, то, что теперь приходится исследователю отыскивать в трагедии старого поэта, желая приблизить его к читателю наших дней, в свое время на лету подхватывалось зрителями, увлекало и трогало их. Нет, «Гориславу» написал не бездарный сочинитель, и не зря современники так уважали Хераскова.

В другой трагедии из времен принятия христианства на Руси, «Пламена», Херасков развертывает очень острую ситуацию, которая

должна была до конца пьесы держать зрительный зал в напряжении. Умение построить увлекательный сюжет, всегда свойственное Хераскову, в полной мере сказалось и в этой трагедии.

Князь Превзыд разбит князем Владимиром Святославичем и третий год живет в Киеве на правах почетного пленника. Дочь его Пламена полюбила сына Владимира Позвезда, платящего ей взаимностью. Владимир, его дети Позвезд и Мстислав, весь двор принимают христианство. К этому стараются склонить и язычника Превзыда, который с негодованием отказывается:

Похитив мой престол, лиша меня градов,
Хотите вы лишить меня моих богов!
Чтоб совести своей и сердцу был изменник,
Я телом пленник ваш, но духом я не пленник.
Не льстите его своим советам покорять,
Он в том непоколебим, кто знает умирать.

(Д. I, явл. 6)

К нему посылают для переговоров Пламену, уже обращенную в христианство. Превзыд отвергает все попытки к примирению и приказывает своему сроднику Вирсану умертвить дочь. Заговорщиков вскоре обезоруживают, остается жива и Пламена.

Казалось бы, пьеса могла окончиться на этом эпизоде, но, желая глубже выявить характер Превзыда, Херасков продолжает ее далее. Герой в оковах, ему изменили Пламена и Вирсан, также ставший христианином, но Превзыд остается непоколебимым. Свои мысли он изливает в монологе, обличающем неустройство окружающего мира,

Где правды не видать, лукавство где живет,
Где наглость бодрствует и где премудрость дремлет,
Где царствует порок и шар земной объемлет;
Где честный бедствует, ликует где злодей;
Прибыток собственный друг первый у людей.

(Д. IV, явл. 2)

Отпущенный на свободу Превзыд, сговорившись со жрецами, снова поднимает мятеж против Владимира. Пламена терзается страхом и за отца, и за Позвезда, вступившего в бой с восставшими. Превзыд попадает в плен. Позвезд берет его на поруки, но тем нимало не смягчает: Превзыд остается непримиримым врагом и, не слушая ласковых уговоров, поражает кинжалом сначала Позвезда, а потом себя.

События следуют в этой трагедии одно за другим, едва успевает разрешиться один конфликт, возникает другой, и с каждой сценой все резче вырисовывается величественная фигура Превзыда, побежденного, но не сломленного врага Владимира, противника христианства, положившего в борьбе с ним свою жизнь. Херасков писал его как отрицательный персонаж, но образ оказался глубже замысла поэта, и стойкость Превзыда вызывает уважение к нему, хотя защищает он неправое дело.

Другим периодом русской истории, привлекавшим внимание Хераскова, был конец XVI — начало XVII века, так называемое «Смутное время», во время которого выдвинулся ряд крупных характеров, проявившихся в очень сложных исторических условиях.

Действие трагедии «Борислав» (написана к 1772 году, напечатана в 1774 году) происходит в Богемии, однако в предисловии к первому изданию Херасков указал, что трагедия «была сочинена под другими именами, некоторые обстоятельства принудили переменить оные и поставить вымышленные». Нетрудно по содержанию пьесы восстановить замысел поэта: Борислав — это Борис Годунов, Флавия — его дочь Ксения. Вслед за «Димитрием Самозванцем» Сумарокова (1771) Херасков вывел на сцену кровавого тирана — русского царя, наделив его самыми непривлекательными чертами. Понятно, что в обстановке крестьянской войны, когда Херасков издавал свою трагедию, выступление против царя-тирана не могло казаться своевременным и потому действие пьесы было перенесено в Богемию.

Борислав рожден был «в низком состоянии», в нищете, и овладел престолом благодаря исключительной энергии и упорству. Трупы врагов устилают путь Борислава к власти. И, добившись престола, он более всего боится его потерять. На этой боязни царя и основан ход трагедии. Варяжский принц Пренест, заочно прельстившись красотой дочери Борислава Флавии, прибыл в Богемию, и Флавия его полюбила. Борислав же подозревает Пренеста в посягательстве на его власть и предпринимает несколько попыток уничтожить многого противника.

Жестокость и коварство Борислава настраивают против него вельмож и волнуют страну. Зреет заговор, и о близком конце злодейского правления тирана несколько раз заговаривают вельможи, с которыми Борислав пока не думает считаться.

Пренебрежение к законам, безмерная гордость Борислава и приводят его к гибели. Подверженный мании преследования, полубезумный царь руководится только одним желанием — убрать с пути Пренеста, которого он считает опасным для своей власти, и ради

этого готов разбить сердце дочери, более того — казнить ее как изменницу. Вельможи спасают Пренеста и возводят его на престол, а Борислав, видя свое крушение, принимает яд.

Херасков показал в «Бориславе» тирана преимущественно в плане его семейной трагедии и с большой тонкостью передал различные аспекты и переходы страсти, обуревающей деспотического царя, но пагубные последствия ее для Богемии отмечены в тексте, например в речи боярина Вандора, обращенной к Бориславу:

Ты царь мой, только ты такой же человек,
Ты можешь быть легко сомнением обманут,
А лжесвидетели тотчас тебе предстанут,
Когда начнешь ты слух к доносам преклонять.
Престань, о государь! нам грусти причинять;
Взгляни на подданных, взгляни на их ты дома;
Куда ты не бросал свои во гневе громы!
Завесу черную печаль простерла здесь,
И взора твоего трепещет город весь...

(Д. I, явл. 2)

События 1612 года — создание народного ополчения и конец польской интервенции — отражены Херасковым в трагедии «Освобожденная Москва», принадлежащей к числу поздних его произведений (1798). На сцене действуют исторические лица — князь Пожарский, Минин, князь Димитрий, в котором узнается Трубецкой, польские военачальники, но кроме того есть и вымышленные персонажи — с ними связана любовная ситуация в пьесе. Херасков хорошо ориентируется в историческом материале и верно отмечает разницу, существовавшую между казаками, возглавлявшимися Трубецким, и ополчением, приведенным под Москву Пожарским и Мининым. Отсутствие единого командования сильно вредило успеху общего дела, и в трагедии показано несколько случаев опасных разноречий между начальниками.

Автор не скрывает своих симпатий к Пожарскому и Минину, представляющим в трагедии общерусские интересы. Знатное происхождение вовсе не служит гарантией патриотических чувств и символом выдающихся душевных качеств, и пример Минина должен учить бояр уметь жертвовать личной корыстью во имя общих нужд:

Порода знатная без добрых дел ничто;
Тот в мире знаменит, полезен царству кто!

(Д. I, явл. 4)

Драматизм действия пьесы усиливается литературным вымыслом Хераскова. Он выводит на сцену сестру Пожарского Софью. Оставаясь в занятой поляками Москве, Софья полюбила сына польского гетмана Желковского Вянка. Пробравшись в лагерь русских войск, Софья начинает уговаривать брата сложить оружие и сдаться полякам. Пожарский с негодованием отвергает изменницу, однако появление ее в лагере, происшедшее несмотря на запрет, кажется боярам подозрительным и вызывает недоверие к Пожарскому.

Херасков объясняет, почему Софья стала польским агентом, — ее толкнула на эту дорогу любовь к Вянку Желковскому. Она, по-видимому, ожидала успеха своей миссии, но Пожарский оказался сильнее, чем думала предательница. «Отечество мое мне ближняя родня», — восклицает он и устремляется в бой с польскими интервентами. Когда Софья закалывается над трупом своего возлюбленного Вянка, убитого в поединке сыном русского князя Леоном, Пожарский грозно произносит:

Да тако всякая погибнет россиянка,
Которая забыть отечество могла!

(Д. V, явл. 8)

Острота сюжетной ситуации заметно выделяет пьесу Хераскова на фоне современных ей классицистических трагедий.

Последнее по времени произведение Хераскова — трагедия в пяти действиях «Зареида и Ростислав» — было издано посмертно, в 1809 году, и увенчано премией Российской Академии. По своей идее и характеру это классицистическое произведение, в котором развивается мысль о том, что монархическая власть не может служить объектом домогательства подданных, так как получается по праву рождения:

Хотя б ты до небес геройством возносился,
Не князем, но слугой отечества родился.

(Д. I, явл. 3)

С другой стороны, и монархи не могут безрассудно отдаваться своим страстям и обязаны помнить,

Что добрые цари суть миру утешенье,
А добродетель им верховно украшенье.

(Д. V, явл. 5)

Комедийное творчество было явно не в духе литературного дарования Хераскова, и он не оставил в этой области значительных произведений.

Свойство комедии — издевкой править нрав;
Смешить и пользоваться — прямой ее устав, —

учил Сумароков.¹ «Пользоваться», то есть подавать советы, рекомендовать нормы поведения, Херасков умел, а шутка, сатирический выпад никак ему не удавались. Выше было сказано о первой комедии Хераскова «Безбожник», в сущности представлявшей собой моралистическую драму. В другой своей комедии «Ненавистник» (1770) Херасков театральными средствами развивает тему разоблачения клеветы, столь характерную для страниц его журнала «Полезное увеселение» десятью годами ранее. Змеяд, человек бесчестный и завистливый, строит из себя важного барина и думает укреплять свое положение в обществе, пороча людей, действительно достойных, и приказывая состоящим у него на хлебах дворянам везде расхваливать его. Змеяд хочет жениться на Прияте, дочери Здоруста. Милат, влюбленный в Прияту, входит в доверие к Змеяду, узнает его коварство и вражду к людям, заручается письменной инструкцией этого клеветника и затем публично разоблачает его перед семейством Здоруста. В заключительной сцене рассказано о том, что Змеяд, как вредный обществу человек, лишается чинов и высылается из города в свои деревни.

Сюжет комедии незамысловат, нравоучительная цель ее очевидна, однако некоторые особенности пьесы выделяют ее над общим уровнем комедийного репертуара семидесятых годов. Оставаясь в пределах жанра, определенных поэтикой классицизма, Херасков вводит в характеристики героев бытовые черты. Такова, например, фигура Здоруста. Простак-отец, обманутый Змеядом, он мечтает, став его тестем, выйти в знатные люди. Для чего, собственно, ему это нужно? Да просто из фанаберии, для того чтобы удивить «старинных приятелей», которые должны будут оставить в обращении с ним прежние привычки и для которых он будет через дочь испрашивать милости у Змеяда. Это провинциальное честолюбие он готов купить счастьем дочери. Здоруст гордится хорошим воспитанием своей Прияты, хотя все, что она умеет, — это «кроить и в пальцах шить». Он рассказывает Змеяду:

¹ А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л., 1957, стр. 121.

Мы с матерью ее как ласточки сидели,
Друг с другом обнявшись, и все в окно глядели;
Так было перенять ей что-нибудь у нас...

(Д. I, явл. 8)

По любому поводу Здоруст вспоминает какой-либо случай, бывший с ним ранее, и в виде аналогии приводит его собеседнику:

Вот так-то у меня в деревне был приказчик,
Великий, правда, вор, сутяга и рассказчик...

(Д. III, явл. 3)

Да! Правда, у меня сосед такой-то был,
Который никого на свете не любил,
Со всеми ссорился, со всеми он тягался...

и т. д.

(Д. III, явл. 9)

Нельзя не заметить желания Хераскова оживить с помощью этих средств фигуру Здоруста, наделить его жизненными чертами. В известной степени он проделывает это и с другими персонажами.

Сам «ненавистник» Змеяд очерчен в пьесе резкими и прямыми чертами без всяких оттенков и переходов. Это обычный отрицательный персонаж классицистической комедии, выражающий свою сущность в монологах для зрительного зала:

Злоречие всего полезнее для света,
Понадобней оно ружья и пистолета;¹
Когда случится нам злодея поразить,
Что лучше клеветы на свете вобразить!
Она прямехонько к своей стремится цели
И лучше действует, чем яды и дуэли,
Всё портит, всё валит, а паче в оный век,
Где каждый умным быть желает человек...

(Д. II, явл. 1)

Эти стихи приводят на память знаменитый монолог о клевете, который произносит Базиль в «Севильском цирюльнике» Бомарше (1774), однако написаны они четырьмя годами ранее.

¹ Ср. «Ах, злые языки страшнее пистолета!» — А. С. Грибоедов. «Горе от ума», д. II, явл. 11.

Хераскову принадлежит несколько ранних образцов русской сентиментальной драматургии: он опубликовал слезные драмы «Друг несчастных» (1774), «Гонимые» (1775), «Школа добродетели», «Милана» (1798). Здесь есть безвинно страдающие отцы, очаровательные, но несчастные дочери, злые вельможи, жестокие ростовщики. Памфил, доведенный до иступления голодом своих детей, отнимает деньги у прохожего — и тот, увидев нужду семьи, прощает этого «добродетельнейшего преступника, чувствительнейшего отца» («Друг несчастных»). Гишпанский вельможа дон Ренод несправедливо преследует дону Гастона, который с дочерью удалился от света. Ряд нечаянных и счастливых совпадений соединяет любящих друг друга детей этих враждующих гишпанцев, и дон Ренод познает всю бездну своих злодеяний («Гонимые»).

Все это кажется теперь наивным, но не забудем, что Херасков пытался показать на русской сцене жизнь частных людей, их горести и удачи, что он взывал не к разуму, а к чувствам зрителей, стремился исторгнуть у них слезы умиления и добивался своей цели.

В числе переводных драматических произведений у Хераскова есть «Юлиан-отступник» Вольтера и «Сид» Корнеля. Однако неправильно считать эти пьесы «почти дословною передачей на русском языке известнейших французских трагедий Корнеля и Вольтера», как утверждал М. Хмыров.¹ Херасков не переводил, а переделывал, причем — увы! — написанные им трагедии сильно уступают оригиналам. Так, в «Сиде» Херасков прежде всего сократил число действующих лиц, убрав донью Урраку, инфанту Кастильскую, и ее воспитательницу Ленор. Вторая героиня, кроме Химены, или Шимены в его транскрипции, показалась, видимо, Хераскову лишней. Вместе с ней оказалась убранной драматическая тема трагедии Корнеля — инфанта любит Родриго, но по своему царственному положению она не может выйти замуж за простого дворянина, а потому уступает Родриго Химене и, превозмогая горечь, хлопочет о их браке. Исключил Херасков также фигуры двух кастильских дворян, дону Ариоса и дону Алонсо, передав их реплики в основном дону Санчо (дону Саншь). У Корнеля Родриго, будущий Сид, — юноша, для которого поединок с графом Гормасом служит первым серьезным боевым испытанием. По Хераскову же, Родриго — опытный воин, «которого гремит повсюду слава», и потому не удивительно, что ему удается убить на дуэли графа. Самое, пожалуй, любопытное в этой переделке «Сиды» то, что Херасков не решился изложить сцену

¹ М. Хмыров. Михаил Матвеевич Херасков. — «Русская поэзия», т. 1. СПб., 1897, стр. 487.

оскорбления дона Диего так, как она была написана Корнелем за полтора года до его переделки, в 1636 году. У Корнеля граф дает пощечину дону Диего, нанося ему величайшее из возможных для дворянина оскорблений. Пощечина эта широко известна, сцена не раз подвергалась резкой критике с точки зрения дворянской сословной чести и вызывала восхищение передовых умов.

Осторожный Херасков не решился тут следовать за Корнелем, он умолчал о пощечине. В разгаре ссоры между доном Диего и графом Гормасом Херасков вставляет ремарки: «Хочет ударить его», «Диего вынимает шпагу», дон Гормас «обезоруживает его и на театре повергает» (д. I, явл. 2), после чего Диего поручает Родриго мстить за оскорбление. Психологический анализ поступков, великолепно проведенный Корнелем в речах Химены и Родриго, Херасков упрощает, видимо не поняв и не оценив величайшего мастерства французского трагика. Он больше клонит в сторону родительского упрямства домостроевского толка. В его трактовке дон Гормас, оскорбив дона Диего, решает отдать свою дочь не за Родриго, а за дона Саншь, и в ответ на сомнения избранного им жениха заявляет:

Должна родителю она повиноваться,
Кого хочу — любить и с кем велю — спрятаться;
На то природою даются дети нам,
Чтобы законы мы давали их сердцам.

(Д. II, явл. 1)

* * *

В своем творчестве Херасков привлекал сердца современников умением показать страдания человека, ставшего жертвой людской несправедливости («Венецианская монахиня», «Гонимые», «Друг несчастных»), вызывал уважение высокими моральными принципами, восхищал величавыми эпическими поэмами, исполненными патриотического духа и уважения к историческому прошлому России. К тому же Херасков всегда проявлял большую заботу о занимательности своих произведений, разнообразил и запутывал сюжеты. Уже первым читателям Пушкина и Гоголя, конечно, невозможно было возвращаться к Хераскову, но их отцы и матери еще с удовольствием читали его сочинения.

Прожив долгую жизнь, целиком посвященную литературе, Херасков в конце ее выразил сомнение в долговечности своих книг. Державин был твердо уверен в том, что если все и разрушается с годами, то лишь слово поэта оставляет жить дела людей в памяти

последующих поколений. Он гордился званием поэта и считал его наиболее важным из всех существующих именно потому, что поэзия, и только она одна, способна дать бессмертие человеку. Херасков думает иначе.

Всё, что в мире ни встречается,
Тлеет, вянет, разрушается,
Слава, пышность, сочинения
Сокрушатся, позабудутся;
Мимо идут небо и земля. . .
Что же не исчезнет в век веков?
Добрые дела душевные!

(«Бахариана», стр. 11—12)

Что это значит — Херасков далее не объясняет, но не требуется особых доказательств для того, чтобы определить религиозное направление его мысли.

Грустна, по-видимому, была старость поэта, не в смысле, разумеется, наград, чинов, общественного внимания — этим всем он пользовался в достаточной мере, — а в смысле крушения надежд на спасительную роль литературы для исправления нравов, в свете бесплодности итогов собственных напряженнейших усилий.

Слишком много в мире издано
И духовных книг, и нравственных,
А сердца не исправляются,
Люди так же развращаются. . .

(«Бахариана», стр. 7)

Если можно с улыбкой говорить о трогательной наивности молодого Хераскова, который после первого года издания журнала «Полезное увеселение» с огорчением замечал, что, несмотря на обличения журнала, пороки продолжают распространяться, то подобное признание, сделанное в конце жизни, заставляет как-то дрогнуть сердце. Значит, все годы Херасков писал с желанием принести людям свою дружескую непосредственную помощь, хотел их наставлять и предостерегать от пороков. Возможно, именно поэтому он казался «тяжелым и скучным», но, право же, полувековые труды Хераскова на пользу отечественной словесности делают его достойным нашей благодарной памяти и нашего внимания.

А. Западов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДА
НА ДЕНЬ ВЫСОЧАЙШЕГО РОЖДЕНИЯ
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,
1763 ГОДА

Прекрасно солнце в дни весенны
Приемлет новые красы;
От нас Бореем унесенны,
Приятны отдает часы;
Свои лучи усугубляет
И всю натуру оживляет:
Ключи в брегах с журчаньем бьют,
Леса и нивы зеленеют,
Стада бегут, цветы пестреют, —
Пастушки там весну поют.

О ты, прекрасно солнце наше,
Монархиня, внемли мой глас:
Твое правленье, солнца краше,
Бодрит и утешает нас;
Рожденна ты весной подобно,
Скончать в России время злобно,
Восставить мир и тишину;
От внешних сохранить злодеев,
Прогнать ревущих вкруг Бореев
И вечну возвратить весну.

Блистающа небесным светом,
Под сенью божеских лучей,
И нам, всевышнего обетом,
Земных дарующа царей,

Когда рождаешь ты, судьбина,
Таких, как днесь Екатерина, —
Отменны таковые дни!
Представь ты их передо мною:
Как чисто солнце пред луною,
Горят пред прочими они!

Над Цербстом вижу облак ясный,
Который испустил творец,
И в нем богини лик прекрасный,
Держащей скипетр и венец;
Се громкий глас ее твердится:
«В сей день младенец в свет родится
Священный скипетр сей принять,
Полночный край от тьмы избавить,
Венец взложить, народ прославить
И подданных сердца пленять».

Вселенну сим наполня слухом,
Взнеслась богиня в небеса;
Пророческим в то время духом
Вещаемые словеса
Уже исполнены ныне:
Врученный скипетр Екатерине
России сей внушает глас, —
И буря браней удалилась,
Екатериной укротилась,
Венец ее прославил нас.

Не может лира толь согласно,
Не может весь парнасский лик
Воспеть торжественно и ясно,
Как сей для россов день велик;
Он был поставлен нам заветом
Явиться душ небесным светом
И нас во мраке озарить.
Сей день утешил всю державу —
За счастье, тишину и славу
Нам долг ему благодарить.

О грозные войны кровавы,
Носящи горечь, огонь и меч!

Других ведите к храму славы,
Стремясь народ губить и жечь;
От стран российских прочь летите!
Кровавы лавры, не цветите
При масличных оливах здесь,
При наших временах спокойных;
И лир торжественных и стройных
Не возмущайте воплем днесь.

Покойся, Марс российский, ныне,
Под тенью мира отдыхай
И песни ко Екатерине
В безбранной тишине внимай,
Доколь с военною трубою
Орлы российски пред тобою
К сражению не полетят!
Подобны лишь себе в геройстве,
Они, во брани и в спокойстве,
Сердечной храбростью горят.

Гласяща многими устами
Хвалы земных царей делам,
О слава, с громкими трубами
Летающая по всем местам!
Хоть здесь военный огонь не дует
И ухо в сей стране не чует
Оружий треска, вопля, слез,
Но, как в морях шумящи волны,
Гласят сердца, весельем полны,
Екатерину до небес.

Которая держава боле
Спокойства и утех полна?
Где славы ищут в ратном поле
И где свирепая война
Грызет народ, теснит и губит?
Иль где владетель царство любит,
От смертных жал щадит рабов,
Столпы спокойства утверждает
И сад пространный насаждает
Полезных обществу плодов?

Се храм Минервин отворяют
Монаршие щедроты нам,
И музы руки простирают
Российским дочерям и сынам!
Венцы торжественные вьются,
И скоро песни раздадутся
Монаршеских великих дел.
Она их множит к нашей славе;
Парнас подобну сей державе
Блаженством — никогда не пел.

Взносись, российская держава,
Превыше облак возносись!
Тебя гремящая ждет слава
Везде, куда ни обратись.
Она меж льдистыми морями
И за балтийскими берегами
Из лавр венцы тебе плетет.
Прости свои далеко взоры
За Лену, за Кавказски горы:
Она тебя повсюду ждет.

Ты славой день от дня восходишь,
Подобно как высокий кедр;
Екатерина! Ты приводишь
К концу, что начал делать Петр.
Сие начало совершится,
Да вечно славы не лишится
Благословенный свыше дом
И паче свой народ прославит;
Великого Петра представит
Она во Павле молодом.

О Петр! ликуй в пределах вечных
И зри с небесной высоты
На множество огней сердечных,
Которы в нас размножил ты.
В сияниях небесна света,
Возрадуйся, Елисавета!
Возрадуйся ты, нас любя!
Блаженны россы и поныне!

Лишены вас, в Екатерине
Петра мы видим и тебя.

Российские пространны грады!
Внесите ж облакам главы,
И день дражайшей нам награды
Торжественно воспойте вы.
Цветите вы и прославляйтесь,
Екатерине представляйтесь,
Подобны многим алтарям,
Где искренни сердца пылают
И ей толь многих благ желают,
Как нежны чада матерям.

А ты, градов ее царица,
Ликуй, счастливая Москва!
В тебе, как светлая зарница,
Блестит венчанная глава,
Залог российского спасенья.
На троне в первый раз рожденья
Пресветлы празднуют часы;
Оденься ты сияньем новым,
Покрой, Москва, венцом лавровым,
Покрой ты белые волосы.

Весна природу обновляет —
Сей день тебя да обновит;
Как утро солнца луч являет,
Так нам тебя сей день явит:
Исполнена усердна гласа,
Ты в лике целого Парнаса
Среди градов российских пой,
Что день сей, день их славы,
Утеха россия державы...
Но что слабеет голос мой?

Среди утех Москва крушится
Отъезда слухом твоего,
Что вскоре здешний град лишится
Прекрасна солнца своего,
Но мы сердца и души двинем

И невских берегов достигнем
Свое усердие являть!
Стремиться будем за тобою,
Как многи звезды за луною,
И день сей вечно прославлять.

ОДА
РОССИЙСКОМУ ВОИНСТВУ.
В ФЕВРАЛЕ 1769

Беллону вижу я в полках —
Берет копье и шлем взлагает;
Имея пламенный в руках,
Сердца россиян возжигает!
Над войском слава вокруг парит,
Златой трубою всем гласит:
«Держайте, воины, держайте!
Вас громкая победа ждет,
Вам лавры новые плетет;
К венцам, герои, поспешайте!»

Кто рушит нашу тишину
И кто златой наш век смущает?
Кто пламенну теперь войну
В пределах мирных возжигает?
Когда венцы героям вьют,
Поющи музы мне рекут:
«Воззри, воззри к Восточну морю,
Где царствует срацинский род». —
И се — я зрю от Черных вод
Всходящу к нам кроваву зрю!

О хищники градов святых,
Орудие судьбины гневной!
Иль мало бед у вас своих,
Срацины, без войны плачевной?
Еще ли сей геенский яд,
Который древний царский град
От язвы язвой очищает,
Еще ли мало вас разит?

И смерть, что вам всегда грозит,
Еще ли вас не устрашает?

Ты в гордых мыслях и словах
Прямую славу заключаешь,
Вселенную разрушить в прах
От стен Византских угрожаешь;
Продерзкий род! иль ты забыл,
Каков у россов Минин был,
Свою напасть и их победы?
Простри, простри кровавый взор
На множество степей и гор
И зри торжеств российских следы.

Хотин еще в крови стоит,
Бендерских стен верхи дымятся,
Азов разрушенный лежит,
Брега дунайски гробом зрятся;
Там враны в алчущих степях,
На ваших возгнездясь костях,
Вам страшным криком возвещают:
«Коль грозен меч российский вам!»
Стенящи тени зрятся там,
В лугах стада пасти мешают.

Как ток весенний быстрых вод,
Которы вдоль с горы стремятся,
Так твой бесчисленный народ
Отважен к браням подвизаться;
Но быстрый твой и дерзкий путь
Россиян храбрых тверда грудь
Удержит, как стена, без бою;
Тогда луну не Магомет,
Но меч российский рассечет
Над самую твоей главою.

Оставив россы мирный храм —
К чему твоя их дерзость нудит! —
Подобны выющимся орлам,
Которых вранов крик возбудит;
Везде рассыплются тогда
Пужливых птиц кругом стада;

Однако им под облаками,
В траве, в лесах спасенья нет:
Так вас Россия разженет;
Так дрогнете пред их полками!

Летите, росские орлы,
Карать рушителей спокойства!
Во всех странах гремят хвалы
И слухи вашего геройства;
Весь свет бы Фридрих победил
И больше б Александра был,
Коль россов не было бы в свете:
Победоносной их рукой
Европе мир дан и покой;
Их слава ныне в полном цвете.

Кистрин, Кистрин окровавлен,
Склонясь на стены разрушенны,
В средину сердца уязвлен,
Не движет члены сокрушенны;
С берегов восточных Варты зрит
И, пеплом будучи покрыт,
О прежней красоте вздыхает.
По трупам Одер там течет
И в смутном шествии речет:
«Погиб, кто россов раздражает!»

Странам полочным страшный лев,
Пред кем Европа трепетала,
Отважных мыслей не имев,
Непобедимым почитала,
Российскою рукой сражен,
В пределах тесных заключен
И там главы поднять не смеет:
Стремится возвратить урон;
Но только вспомнит россов он —
Трепещет, рвется и слабеет.

Таких россияне врагов,
Таких противников имели;
Сверкаючи из облаков
Перуны против них гремели;

Но пусть дымится вся земля,
Багрятся кровию поля
И солнце луч во тьме скрывает;
Им всё равно, что тьма, что свет.
Их гром и славы и побед
Живит, влечет и ополчает.

Готовься, Агарейн род,
Терпеть напасть и скорби новы,
И дерзкого стремленья плод —
Носить тяжелые оковы;
Но должны узы вы лобзать,
Чем рок вас хочет наказать!
Щедра к вам строгая судьбина:
Вас пленниками назовет
Пленяющая целый свет
Премудрая Екатерина!

А вы, герои здешних стран,
Четырех наших царств отрада,
Кем полдень и восток погран,
О храбрые российски чада!
Спешите громкой славы в след,
Где прежних на полях побед
Стоят торжественны трофеи!
Там лавры новые цветут
И ваших рук геройских ждут;
Триумф готовят вам злодеи.

Не нужно россам простирать
Обширных стран своих пределы;
Но долг — противников карать,
Которы дерзки, горды, смелы;
А паче просит вас туда
Народов плач, мольба, беда,
Соединенных вам законом;
Они в оковах тяжких там
Простерли слабы руки к вам
И воздух наполняют стоном.

Там древних греков племена
В жилищах вопят велегласно,

Что Магометова война
Еще кипит у них всечасно;
Там слышны вопли матерей,
Лишенных юных дочерей;
Гонения, несносны дани,
Позорный рабства тамо вид
Наносят христианам стыд,
И движет всех сердца ко брани.

В терновых там стоят венцах,
И черная на них одежда,
Стоят у гроба во слезах
Любовь, и Вера, и Надежда;
На вечный стыд и слезы нам,
И нашим к торжеству врагам,
Сии места, места священные,
Где искупитель наш рожден
И гроб, чем Тартар побежден,
Иноплеменникам врученны.

Не для златого вам руна,
Не для несчастной Андромеды,
О россы! предлежит война
И предлежат в войне победы;
Пусть древность вымыслы поет!
Не гордость вас на брань зовет —
Защита ближних и спасенье.
Пустых похвал единый шум
Геройский не прельщает ум —
Им в благе общем утешенье.

Геройский жар нося в сердцах,
О россы! предков превзойдите,
И к нам в торжественных венцах
И с мирной ветвию придите!
Не кровь без пользы проливать —
Чрез вас спокойство основать
Екатерина хочет в мире.
Спешите славой возгреть!
Я храбрость вашу буду петь
На звонкой и гремящей лире.

ОДА
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ДЕНЬ
ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННОГО ЕЕ ВОСШЕСТВИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ,
ИЮНЯ 28 1791 ГОДА

Тридцатое настало лето,
Как славой россов бог облек;
Да будет царствованье пето
Екатериныно вовек!
Где мрака нет, где ветер не дышит,
Меж звезд да истина напишет
Ее премудрые дела;
Небесну освещая сферу,
Царям да служит для примеру
Ее бессмертная хвала!

О вы, грядущие потомки!
Коль вас достигнет песнь моя,
Ее дела внимая громки,
Познайте качества ея:
Как жертвенник, в ней сердце зрится,
На коем тихий огонь курится;
Ко человечеству любовь
Пред ним стоит со фимиамом;
Ее приемлет душу храмом,
Где льется милость, а не кровь.

Когда б ее небесну нраву
Всех чувства сходны быть могли,
Давно б Российскую державу
Признали раем на земли;
Текли б млеком и медом реки;
Не знали б скорби человеки,
Забыли бы они вражду;
Как братия бы в мире жили,
Мечи кровавы отложили, —
Я сих часов с восторгом жду!

Времен завеса отворилась!
Сретаю будущие дни:
Россия светом озарилась,

В ней зримы радостей огни;
Блаженство, счастье, науки,
Друг другу простирая руки,
Венцы лавровы подают;
Спокойства общего причину,
Великую Екатерину
Парнасски жители поют.

Но кое сладкое виденье
И кое зрелище сие?
Мой дух приходит в восхищенье!
Я зрю отечество мое
Красно, величественно, славно,
Огромностью полсвету равно,—
Перунами врагов разит;
Как мать ко сынам взирает,
К Эвксину руку простирает,
Мне гласом лирным говорит:

«Сквозь дымны облака и прахи
Прости к востоку взор и ум;
Еще там видны бледны страхи,
Еще не молкнет бранный шум;
Срацинам битвы там постыдны
Как пламенные буквы видны,
Моих исполнены похвал.
Там флот мой, как орел, явился,
Криле простер, потек, сразился,
Разбил врагов, Луну попраля.

Кичливый виден там Очаков,
В его развалинах сокрыт;
Среди ночных вспрынул он мраков,
Вспрынул, упал и вечно спит.
Сей град поправшему герою
Я вечный монумент устрою,
Который будут прославлять
Народы по земному кругу;
Срацины в трепете друг другу
Сей будут монумент являть.

Как внутрь нахмуренной пещеры
Зияет пламенем дракон,
Зияли так в стенах Бендеры
Для неприступных оборон;
Но счастием Екатерины
Водимые полки орлины
Исторгли только лишь мечи —
Знамен моих увидя тени,
Сей город преклонил колени,
Вручил россиянам ключи.

Покрыты лаврами дороги,
Моих следы где видны сил;
Не люди, мнится, полубоги
Попрали гордый Измаил.
Моя там слава светло блещет;
Дунай ревет, шумит, трепещет,
И, влажный свой подняв хребет,
Российским служит исполинам,
Противу воли ко срацинам
Мои суда им в казнь несет.

Где тению Кавказски горы
Скрывают синий свод небес,
Твои увидят тамо взоры
Побед моих лавровый лес;
Чего Европа трепетала,
Рука моя Луну попрала
И миру доказала тем,
Что не бесчисленные войски,
Но твердость и сердца героически
Побед венчаются венцем.

Во внутренни мои пределы
Очами внятными взгляни:
Мои там грады, веси, селы
Счастливые вкушают дни;
Под кров монаршия порфиры
Вдовы приникли, нищи, сиры;
Текут в России времена,
Каких не зрели лет из давных...»

Рекло — и дел во книгу славных
Внесло героев имена.

О вы, счастливые герои!
Не ныне токмо величать,
С восторгом громки ваши бои
Потомки будут воспевать.
Которы в поле с честью пали,
Цветами музы осыпали
Почтенный храбрых воев прах;
Которы в лаврах возвратились,
Тех подвиги ознаменились
Крестом победы на грудях.

Доколе нам, усердна лира,
Войны и бури возвещать?
Где царствует богиня мира,
Зефиром должно там дышать.
Монархи наша держава
Воздвигли храм российской славы
Уже превыше облаков;
Ему вселенная дивится,
Над ним строка золотая зрится:
«Созижден храм сей в век веков!»

О день российского блаженства,
Тридцатый воссиявый раз!
Достигни ныне совершенства,
Утешь желанным миром нас!
Монаршей кротости подобен,
Или как ангел тих, незлобен,
Да к нам с небес низыдет он;
Днем ясным север наш явится,
Порфира в небо превратится,
Екатеринин в солнце трон.

Помедлите, любезны музы,
Доколь Орел затмит Луну,
Срацинску гордость ввергнет в узы,
В оковы грозную войну;
Россия скажет восхищенна:

«Теперь я славой пресыщенна,
Не требую уже побед;
Дай милость, небо! мне едину,
Храни вовек Екатерину!
Она мне — слава, лавр и свет».

К СВОЕЙ ЛИРЕ

Готовься ныне, лира,
В простом своем уборе
Предстать перед очами
Разумной россиянки.
Что в новом ты уборе,
Того не устыдишься;
Ты пой и веселись.
Своею простотою
Ее утетишь боле,
Чем громкими струнами
И пышными словами;
Твои простые чувства,
Бесхитрое пенье
Ее подобно сердцу,
Ее подобно духу:
Она мирскую пышность
Великолепной жизни
Конечно ненавидит.
Когда тебя увидит,
Тобой довольна будет.
А ты, которой ныне
Стихи я посвящаю!
Нестройность их услыша,
За то не рассердись.
И сами в песнях музы
Нередко погрешают.

Без рифм стихи слагаю,
Но то их не лишает
Приятности и силы,
Коль есть в них справедливость.
Других нет правил в свете
Стихи и лиры строить,
Как только чтоб с забавой
Мешая общу пользу,
Петь внятно и согласо.
Творцом быть славным в свете
Трудов великих стоит;
А пользы в том немного.
Не силюся к вершинам
Парнасским я подняться
И там с Гомером строить
Божественную лиру,
Иль пить сладчайший нектар
С Овидием Назоном.
Анакреонта песни,
И простота и сладость,
В восторг меня приводят.
Однако я не льщуся
С ним пением сравняться;
Доволен тем единым,
Когда простым я слогом
Могу воспеть на лире;
Когда могу назваться
Его свирелок эхом;
Доволен паче буду,
Когда тебе приятно
Мое игранье будет,
Часов работа праздных,
Часов, часов немногих;
Не тщательно старанье
Награду всю получит,
Венец себе и славу,
Когда сии ты песни
Прочтешь, прочтешь и скажешь,
Что ими ты довольна.

ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Приятну жизнь проводит
И счастлив тот безмерно,
Кто много нажил злата, —
Во изобильной жизни
Минуты провождает;
Приятными садами
И сладкими плодами
Он сердце утешает.
Благополучен много,
Кого ведет Фортуна
На вышние степени.
Спокоен тот и счастлив,
Которому судьбина
Дала жену прекрасну.
Благополучен в свете,
Кто славу расширяет
Свою по всей вселенной...
И тот благополучен,
Кто много разумеет;
А всех благополучней,
Кто страсти и желанья
К богатству, к чести, к славе
Преодолеть умеет.
Сразись со мной, Фортуна,
Лишай меня спокойства —
Тебя преодолею.
А если я устану
Тебе сопротивляться —
Не сделаю игрою
Твоей себя вовеки.
Хоть щит мой расшибется,
Копье себя притупит,
А я и в том несчастья
Благополучен буду.

ИСКРЕННИЕ ЖЕЛАНИЯ В ДРУЖБЕ

Оставя стены града,
Которы орошает
Москва своим теченьем;

Брега, брега зелены,
Луга, прекрасны рощи,
Усыпанны красами,
Где, кажется, и воздух,
Прельщенный ими, дышит;
Где к чести женска пола
Приятности натуры,
Краса, приятность, прелесть
Сияют в пущей силе;
А ныне как зефиры
Весну предвозвестили,
По рощам нежны птички
И соловьи запели;
Когда сама природа,
С красою их сравняться,
Все прелести собирает;
Когда в часы прохладны
Красавиц многих лики,
Подобно милым нимфам
Дианы и Авроры,
В полях, в лесах гуляют,
И в воздухе амуры,
Взвиваяся над ними,
Их вдвое украшают,
Заразы изощряют
Сердцам для утешенья,
Которые родились
Пленять и быть плененны, —
Ты, ты сей град оставил,
В уединенье скрылся!
Иль сельские пастушки
Тебе приятней наших?
И игры полевые
Тебе милее наших?
И дикие фауны
С свирелями своими
Тебе приятней стали
Тех песней, песней сладких,
Которы восхищают,
Которы утешают
Сердца и чувства наши?
Внимать уже не будешь,

Не будешь боле слышать
Приятных разговоров...

Но, ах! постойте, музы,
Мой голос удержите,
Перо остановите.
О чем писать дерзаю?
К кому писать дерзаю?
Пишу, пишу я к другу,
Пишу — и возмущаю
Его спокойны мысли,
Его спокойно сердце,
Хотя о постоянстве
Его души уверен;
Но дружеско ль желанье
Вводить другого в слабость,
И в роскошь влечь, и в праздность?
Когда мне часть судила
Жить суетно на свете
И дни свои молодые
В пустых забавах тратить,
В забавах и желаньях,
В пустом увеселеньи
И в скучном обращеньи, —
На что вводить и друга
В такое ж развлеченье,
Досады и смущенье
И грудь его тем жалить,
Чем грудь моя пронзенна?
Живи уединенно,
Когда тебе приятно,
Живи, мой друг любезный;
Ключи, с горы биючи,
И чистые потоки,
Леса, поля широки
Твой дух утешат боле,
Чем здешние забавы.
Коль чувствуешь ты сладость
В своем уединеньи;
Простое обращенье
С своими поселяны
Когда тебе приятно;

Прохладная пещера
И тень приятных рощей
Тебе когда утешны;
Коль сердца не терзаешь,
Когда воображаешь
Себе мирскую пышность,
И дни твои спокойно
И тамо протекают, —
Живи, живи в утехах!
Ты счастлив несомненно.
Далеко обитаешь
Огромной света скуки;
Но ты и не зриаешь
На порченые нравы.
Не видно бесполезной
Там роскоши любви, —
Итак, мой друг любезный,
В свободе там живи,
Пока плоды Цереры
Твое покроют поле
И сладкая Помона
Сады твои наполнит;
Между сует и скуки
Я стану только слушать,
Что мне вещают музы,
Что мне вещает сердце.
И музы мне, и сердце
Согласно то вещают:
«Люби, люби науки,
А паче добродетель!
Люби ты общу пользу,
Безумным людям смейся,
Порочных удаляйся,
А злых не опасайся».

О ВАЖНОСТИ СТИХОТВОРСТВА

Когда ни начинаю
Любезну лиру строить
И девять сестр парнасских

Когда ни вобразятся
В уме, к стихам возженном,
И в сердце, ими пленном, —
Мне слышится всечасно,
Что мне они вещают:
«Не трать, не трать напрасно
Часов молодого века
И, духа не имея,
В стихах не упражняйся;
Других путей довольно,
Которые приносят
И сладость, и утехи
На свете человекам.
Оставя Аполлона,
Ступай за Марсом в поле;
Военна бога лавры
Похвальнее, чем наши.
Когда не ощущаешь
К оружию охоты
И звук мечей противен,
Противно ратно поле, —
Взойди, взойди в чертоги,
Где Фемис обитает
И где весы златые
С закрытыми очами
Она в руках имеет;
Внемли ее законам
И с нею беседуй;
Ты обществу полезен,
Себе и миру будешь.
Когда и то немилостиво —
Проникнути старайся
Во таинства природы;
Будь нужным гражданином
Изобретеньем в поле
Обильнейшия жатвы,
Садов и скотоводства;
Искателем в натуре
Вещей, доныне скрытых.
Достичь горы Парнасской
И лавра стихотворна
Охоты не довольно

И прилежанья мало;
К тому потребен разум,
Который чист и светел,
Как ток воды прозрачной
Или стекло прозрачно,
Чтоб всем вещам природы
Изображаться ясно,
Порядочно, согласно;
Потребны остры мысли,
Чтоб связи всей природы
Проникнуть сильны были;
Потребны дух и сердце,
Которы ощущают
Людские страсти точно
И ясно сообщают
Их силу и движенье,
Болезнь, изнеможенье.
Способности толики
Писателю потребны,
Что разумы велики
Сей путь переменяли,
Когда они узнали
Его велику важность,
И труд, и попеченье.
Но в ком слепая дерзость
Брала отважно силу
И тщетная охота
Которых воспаляла, —
Те стыд плодом имели
И, не дошед Парнаса,
С стихами исчезали.
О музы, горды музы!
Я внемлю ваше слово,
И сердце уж готово
К вам жар мой погасити,
Но жар мой к стихотворству
Моя охота множит;
А больше оной множит
Прекрасная Ириса.
Сердечно, иль притворно,
Она и стих мой хвалит,
Она того желает,

Чтоб с музами я знался.
Коль вам противно это,
То мне Ириса будет
И Аполлон и музы.

СИЛА ЛЮБВИ

Сын цитерския богини,
О Эрот, Эрот прекрасный!
Я твои вспеваю стрелы,
Стрелы, коими пронзаешь
Ты сердца и воспаляешь.
Власть твоя на всех простерта:
Ты морями и землею,
Сын Цитеры, обладаешь.
Бесполезно удаляться,
Силиться и противляться
Смертным против стрел Эрота;
Что у нас в сердцах врожденно,
Тем владеет он и правит,
И себя Эрот чем славит,
Терпим то непринужденно.
Нет таких пустыней диких,
Нет таких лесов дремучих,
Нет жилища, нет пещеры,
Нет щитов, ни обороны,
Нет убежища на свете,
Где бы стрел его укрыться.
Крепки стены разрушает,
Тяжки узы разрешает
Сын цитерския богини.
Вы, угрюмы философы,
Сколько смертных ни учите
Слабости бежать любовной,
Лишь Эрот вселится в очи,
Иль в уста, в уста прелестны,
Или в речи, или в разум, —
Тотчас сердце распалится,
Важность мыслей удалится.
Вы, которые смеетесь

Сердцу, страстью воспаленну,
И одну являть суровость
Почитаете за славу!
Вы любви еще не знали,
Или не люди родились.
Ты, о старость хладнокровна!
Не ропщи против любви;
Не ее ты покидаешь,
Но оставлена ты ею.
Если б лъзя изображаться
На сердцах любовным язвам
И студеная кровь ваша
Коль могла бы загореться
От приятностей любовных, —
Вы подобно бы затлелись,
Как во младости горели.
Только в сердце, богу верном,
Только в мыслях просвещенных
Он не смеет воцариться;
И, владея всех сердцами,
Сих сердец Эрот боится.

* * *

Тебе приятны боле
Гремящей лиры песни,
И шум в стихах Бореев
Тебя увеселяет;
Приятный беспорядок,
Отрывки, удивленье,
И слог великолепный,
И мысли восхищенны
Тебя в восторг приводят;
Пленяйся ты как хочешь
Великолепным слогом
И звонкими струнами
Гремящей самой лиры;
Пленяйся ты как хочешь,
Дивись летучим мыслям;
Хвали ты важность слова,

Хвали великость духа,
Который так, как громом,
В стихах пронзает сердце
И, как орел парящий,
До облак возлетает.
Мне тихое вздыханье
Стенящих горлиц мило;
Мне тихие потоки,
Мне рощи, мне долины
Приятней лирна гласа.
Украшенна пастушка
Прелестными цветами,
Когда в кругу пастушек
Поет, поет и пляшет,
Миляй гремяща хора.
Когда в стихах любовных
Писатель воздыхает,
Когда он то вещает,
Что сердцу воспаленну
Вещати в страсти должно, —
Меня приводит в слезы
И слышать заставляет
Те чувства в нежном сердце,
Которые пригодны
На свете человекам.
О музы! если может
Мой дух ваш дар имети,
То дайте дар подобный,
Каким Анакреона
Вы прежде наградили,
Или каким украшен
Приятный С<умароков>.
А если тех не можно,
Не требую иного.

О РАЗУМЕ

На что полезен разум,
Когда всечасно мыслишь,
Какие взять дороги,

Чтоб мне обогатиться,
Чтоб жить и веселиться?
Кто малые доходы
От разума имеет,
Великие доходы
С невинных брать умеет
И с разумом незрелым
В чину богатых зреет.
На что потребен разум?
Я вижу Полидора
Без хитрого рассудка,
Без всякия науки,
А может быть, и мыслей, —
Красавицам он нравен
И между ими славен.
На что потребен разум?
Я вижу, что безумных
Разумными считают;
Людей, бесстыдством шумных,
За острых почитают.
На что полезен разум,
Когда поклоны низки,
Когда глубоки иски
Людей приводят к счастью?
На что потребен разум? —
Ненадобен, я чаю.
Сам делаю вопросы,
Я сам и отвечаю;
И думаю, что разум
На то одно потребен,
Чтоб им могли проникнуть,
Кто правил не имеет,
От тех нам удаляться
И, видя их безумство,
Как можно исправляться.
А паче нужен разум,
Чтоб людям от скотины
В сей жизни отменяться
И к богу возвышаться.

Иные строят лиру
Прославиться на свете
И сладкою игрою
Достичь венца парнаска;
Другому стихотворство
К прогнанью скуки служит;
Иной стихи слагает
Пороками ругаться;
А я стихи слагаю
И часто лиру строю,
Чтоб мог моей игрою
Понравиться любезной.

О ЗЛАТЕ

Кто первый был на свете,
Который медь и злато
Преобразил в монеты,
Тот может называться
Всеобщих бед источник:
И зависть, и обманы,
И злоба, и разбой
Оттоле истекают.
Поля, кипящи кровью
Убитых человеков,
Тела, в лесах лежащи,
Мне слышится, вещают:
«Погибли мы за злато!»
В чертогах позлащенных
Богатый веселится
И самым тем крушится,
Что много нажил злата.
Душевна добродетель
Такому неизвестна,
Которому прелестна
Одних очей забава, —
А истинного счастья
Найти не можно в злате.

Тому причина злато,
Что многи человеки
Друг друга крови жаждут;
Что разумы и чести
Почти всеместно страждут!
И кажется, что злато
Свет солнца помрачило
И ложными лучами
Всех смертных ослепило.
Его прельщенны блеском,
Уже не узнаваем
Ни прелести прямая,
Ни славы, ни достоинств.
Померкли вы, померкли,
О светлые рассудки!
Когда пленило злато
Сердца у человеков,
И кажется достойным
Лишь то одно почтенно,
Где золото блистает.
Не знаю, я не знаю,
Какая в этом радость,
Тобою кто пленится;
Прямая жизни сладость
Тобой не утвердится.
Но слышу я ответы,
Читателей ответы:
«Коль ты ругаешь злато,
Никто не принуждает,
Живи без злата в свете;
А нам прожить не можно».
Ответ я сей внимаю,
Сам то же рассуждаю
И то лишь утверждаю,
Что тем-то и несчастны
На свете человеки,
Что, видя прелесть ложну
В такой презренной вещи,
Без ней прожить не могут.
А паче тем несчастны,
Что к золоту пристрастны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О моя любезна Муза,
Всех забав моих источник!
Я твою к себе холодность
Уже начал примечати.
Мнится, белыми крылами,
Муза, Муза, ты махаешь
И со взором отвращенным
От меня ты улетаешь.
Кажется, моя и лира
Перьями уже покрылась,
Как молодой орел за старым,
За тобою устремилась.
Не оставь меня, о Муза!
Если ты меня покинешь,
Вечну скуку мне оставишь.
Ты моя утеха в скуке,
Ты в печали мне отрада,
Суеты мирские гонишь
От моих смущенных мыслей.
Век мой только расцветает:
Кто любителей так скоро,
Кто, о Муза! покидает?
В старости Анакреона,
Муза! ты не покидала,
И власы его седые
Ты венками украшала, —
Может быть, своею страстью
И своим приятным слогом
И тебе он был приятен.
Подожди, любезна Муза!
Как моя нестройна лира
С веком дней моих созреет,
И тогда твоя холодность
Оскорбить меня успеет.
Если пел я не согласно,
О любви писал не страстно,
Добродетель пел не стройно,
Уличал пороки мало, —
Время есть еще исправить
И стихи мои, и сердце.

Семена садят весною;
Как покроюсь сединою,
Нужды мне в тебе не будет;
Ни свирелью, ни трубою
Действовать уже не стану;
И совсем когда устану,
Полечу тогда спокойно
В темну вечность за тобою.

1762

БЛАГОПОЛУЧИЕ

Напрасно частыми пирами
 Друзей мы чаем привлекать,
 Напрасно жадными играми
 Богатства мы хотим искать.
 Не нас, но роскошь гости любят
 И вместе исчезают с ней;
 Прямую дружбу игры губят,
 И правда не вместима с ней.
 Напрасно к небу воссылаем
 Без добрых дел свои мольбы;
 Мы просим, вопим и желаем,
 Но бог не внемлет злых трубы.
 Напрасно мы Фортуне служим
 И следом бегаем за ней;
 Не зря ее — о ней мы тужим,
 Увидя — не дивимся ей.
 Напрасно мы свои забавы
 В больших чинах и в злате чтим:
 Они не исправляют нравы,
 Мы тем ума не просветим.
 Напрасно нам искать успеха
 Фортуны лестью приобрести;
 Для гордых лесть одна утеха,
 Отъемлюща льстецову честь.
 За счастьем гонимся всечасно;
 Но где искать его венца?
 Увы! . . желать его напрасно,
 Когда испорчены сердца.

БОГАТСТВО

Внемлите, нищи и убоги!
Что музы мыслят и поют:
Сребро и пышные чертоги
Спокойства сердцу не дают.
Весною во свирель играет
В убогой хижине пастух;
Богатый деньги собирает,
Имея беспокойный дух.
Богач, вкушая сладку пищу,
От ней бывает отвращен;
Вода и хлеб приятны нищу,
Когда он ими насыщен.
Когда режут кипящи волны,
Богач трепещет на земли,
Что, может быть, сокровищ полны,
Погибнут в море корабли.
Убогий грусти не имеет,
Коль нечего ему терять;
На гром и непогоду смеет
Бесстрашным оком он взирать.
Не раз богатый жизнь теряет:
Он злато выше жизни чтит;
О нем всечасно умирает
И хищника во смерти зрит.
Хоть вещи все на свете тлеют,
Но та отрада в жизни нам:
О бедных бедные жалеют,
Желают смерти богачам.
Однако может ли на свете
Прожить без денег человек?
Не может, изреку в ответе,
И тем-то наш и скупен век.

ЗЛАТО

Кто хочет, собирай богатства
И сердце златом услаждай;
Я в злате мало зрю приятства,
Корысть другого повреждай.

Куплю ли славу я тобою?
Спокойно ли я стану жить,
Хотя назначено судьбою
С тобой и без тебя тужить?
Не делает мне злато друга,
Не даст ни чести, ни ума;
Оно земного язва круга,
В нем скрыта смерть и злость сама.
Имущий злато век робеет,
Бойтся ближних и всего;
Но тот, кто злата не имеет,
Еще несчастнее того.
Во злате ищем мы спокойства;
Имеv его, страдаем век;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!

К АЛЕКСЕЮ АНДРЕЕВИЧУ РЖЕВСКОМУ

В свирели мы с тобою
Играли иногда
И сладостной игрою
Пленялися тогда.
Тогда, среди забавы,
Среди полей, лугов,
Ты, прѳсты видя нравы,
Желал простых стихов.
Там сельские дриады
Плясали вокруг тебя;
Не чувствовал досады
Ты, сельску жизнь любя.
Тебя не утешали
Мирские суеты,
Тебя тогда прельщали
Природы красоты.
Тогда земному кругу
Ты пышность оставлял,
Тогда ты мне, как другу,
Все мысли объявлял.
Теперь уже сокрылись
Дриады по лесам,

Места переменились,
Ты стал не тот и сам.
Тебя не в диком поле
Стихи мои найдут,
Пастушки где по воле
Играют и поют.
Не токи ныне ясны
Вокруг тебя шумят,
Но лики велегласны
Со всех сторон гремят.
Вельможи тамо пышны,
Там хитрые друзья,
Отвсяду лести слышны...
Спокойна ль жизнь твоя?
Из двух мне жизней в свете
Котору величать?
Ты скромн в сем ответе,
Так лучше замолчать.

ЖЕЛАНИЯ

Желаем, мы всего желаем,
Но где желаний наших край?
Иль мукой жизнь мы представляем,
Иль в ней находим сладкий рай.
В богатстве ли спокойство наше
И в пышных титлах состоит?
Иль там оно сияет краше,
Где в хижине крестьянин спит?
Монах ли мне уединенный
Представит златовидный век?
Или наукой просвещенный,
Полезный свету человек?
Чертоги ль вобразят царевы
Блаженство мира мне сего?
Или, красой цветущи девы,
Вы зрите вкруг себя его?
От Марса ли гремящей славы
Или от Фёмисы желать?
Пуститься в роскошь и в забавы
Или в пустыню убежать?

Какими в свете сем следами
Искать спокойствия пойдем?
Не сходствуя ни в чем сердцами,
Мы спорить на пути начнем.
Желанья наши разногласны,
Колико видом разны мы;
Ясней сказать: мы все несчастны,
Имея слабые умы.

ЛЕСТЬ

Не будь игрой презренной лести,
О ты, кто силен и велик!
Ни правды тамо нет, ни чести,
Не сходен с сердцем где язык.
Прольется сладкий мед устами,
Когда тебе предстанет льстец:
То змей под красными цветами,
То в пище яда образец.
Когда же истина любезна
Тебе вещает, как труба,
Внимай, — она тебе полезна,
Хотя и кажется груба.
Когда велик, когда ты силен,
Льстецов нетрудно привлекать;
Льстецами целый свет обилен,
Но трудно истину сыскать.
Она всегда уединенна,
Она тиха, как майска ночь,
И самым тем она почтенна,
Что пышностей уходит прочь.
Престолы лестью сокрушались,
Погибли многие от ней;
Которы правдой украшались,
Не знали в жизни горьких дней.
Она в печали утешала,
Она служила в счастье им;
Кого ты, правда, украшала,
Тот всеми в свете был любим.

ЗНАТНАЯ ПОРОДА

Не славь высокую породу,
Коль нет рассудка, ни наук;
Какая польза в том народу,
Что ты мужей великих внук?
От Рюрика и Ярослава
Ты можешь род свой произвесть;
Однако то чужая слава,
Чужие имена и честь.
Их прах теперь в земной утробе,
Бесчувствен тамо прах лежит,
И слава их при темном гробе,
Их слава дремлюща сидит.
Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то невместно нраву,
Так всё равно, что нет тебя.
Коль с ними ты себя равняешь
Невежества в своей ночи,
Ты их сиянье заслоняешь,
Как облак солнечны лучи.
Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена —
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.
Безумный с мудрым не равняйся
И славных предков позабудь;
Коль разум есть, не величайся,
Заслугой им подобен будь.
Среди огня, в часы кровавы,
Скажи мне: «Так служил мой дед;
Не собственной искал он славы,
Искал отечеству побед».
Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся боле,
Собою украшай свой чин.
В суде разумным будь судьбою,
Храни во нравах простоту, —
Пленюся славою твоею
И знатным я тебя почту.

РАЗУМ

Когда мы разумом сверкаем,
Пороча слабые умы,
Вреднее зверя мы бываем,
И разум сей скучнее тьмы.
На то премудрости лучами
Тебя создатель озарил,
Чтоб ты других перед очами
Сиянье истины явил;
Чтобы любезну добродетель
Во всей вселенной вострубил
И, став страстей своих владетель,
Пороки гнал, а честь любил.
Сократ земным прославлен кругом;
За что Сократа славит свет?
За то, что правды был он другом
И мудрый всем давал совет.
Премудростью своей гордиться —
То цену мудрости терять;
На что умней других родиться,
Когда другого презирать?
Мы зрели разумы высоки,
Людей ученых зрели мы,
В такие ж вверженных пороки,
В какие слабые умы.
Какой же разум прославляет
В пространном свете сам себя?
Который правду подкрепляет,
Как брата ближнего любя.
Кто, чести следуя закону,
Имеет ум на сей конец,
Тот носит мудрости корону,
Порфиру славы и венец.

КРАСОТА

Пригожество лиц минется,
Проходит красота,
И только остается
Приятностей мечта.

Доколе поражают
Наш взор красы лица,
Красавиц обожают
Прельщенные сердца.
Но прелесть, прелесть вянет,
Подобно как цветы;
Разить она престанет,
Утратив красоты.
В мои цветущи лета
Любим, любим я был;
Всего дороже света
Возлюбленную чтил.
Мне день часом казался,
Когда бывал я с ней;
Я плакал и терзался,
Не зря ея очей.
Но прелести сокрылись,
Рассеялись красы,
И в годы превратились
Свиданья с ней часы.
Не старость превращает
Горячность нашу в лед;
Жар страсти ощущает,
Хоть кто и стар и сед.
Представь Анакреона
В горячности любви:
Он стар, и Купидона
Носил в своей крови.
Пригожество нас прельщает,
Привычка в плен влечет;
Нас время отвращает,
Когда красы ссечет.
На что же величаться
Своею красотой?
Ей скоро миноваться,
Пригожество — дар пустой.

НИЧТОЖНОСТЬ

Я некогда в зеленом поле
Под тению древес лежал

И мира суетность по воле
Во смутных мыслях воображал;
О жизни я помыслил тленной,
И что мы значим во вселенной.
Представил всю огромность света,
Миров представил в мыслях тьмы,
Мне точкой здешняя планета,
Мне прахом показались мы;
Что мне в уме ни воображалось,
Мгновенно все уничтожалось.
Как капля в океане вечном,
Как бранный лист в густых лесах,
Такою в мире бесконечном
Являлась мне земля в очах;
В кругах непостижима века
Терял совсем я человека.
Когда сей шар, где мы родимся,
Пылинкой зрится в мире сем,
Так чем же мы на нем гордимся,
Не будучи почти ничем?
О чем себя мы беспокоим,
Когда мы ничего не стоим?
Колико сам себя ни славит
И как ни пышен человек,
Когда он то себе представит,
Что миг один его весь век,
Что в мире сем его не видно, —
Ему гордиться будет стыдно.
На что же все мы сотворенны,
Когда не значим ничего?
Такие тайны сокровенны
От рассужденья моего;
Но то я знаю, что содетель
Велит любити добродетель.

К МУЗАМ

Возьмите лиру, чисты музы!
Котору получил от вас:
Слагаю ныне ваши узы
И не взгляну я на Парнас.

Вы нам бессмертный лавр сулите
И славы первую степень;
Однако вы за то велите
Трудиться нам и ночь и день.
Восторги мыслей и забава
Трудов не стоят таких;
И многих умирает слава
Гораздо прежде смерти их.
Чтоб вашим жителем назваться
И хором с вами вместе петь,
Досадой прежде должно рваться,
Вражду и брани претерпеть.
Кому и ссора не наскучит
И кто взойдет на Геликон,
Какую пользу он получит,
Хотя Вергилий будет он?
Вергилия не утешает
И света похвала всего,
Хоть лавр зеленый украшает
Изображение его.
Простите, музы! вы простите,
Хочу иметь спокойный век;
Меня вы лавром не прельстите:
Пиит — несчастный человек.
Мне путь к холмистому Парнасу
Певец преславный показал;
Внимая муз приятных гласу,
Я их оковы лобызал.
К театру я стопы направил,
Но много в драмах не успел;
Котурны наконец оставил
И песни лирные воспел.
Пускай другие будут славны,
Пускай венчают музы их;
Кому стихи мои не нравны,
Так пусть и не читает их.
Однако щедрый взор возводит
Богиня на мои труды,
Она на бога муз походит,
Парнасски насадив плоды.
Вовек моя усердна лира,
Вовек о ней греметь должна;

Однако во пределах мира
Без наших лир она славна.
Когда гремящим лирным звоном
Мне свой возвысить должно глас,
Она мне будет Аполлоном,
Ее владение Парнас.

1769

ПИСЬМО

Когда я вображу парнасских муз собор,
Мне стихотворцев к ним бегущих кажет взор.
Иной, последуя несчастливой охоте,
С своею музою ползет в пыли и в поте
И, грубости своей не чувствуячи сам,
Дивится прибранным на рифму он стихам.
А паче тех умы болезнь сия терзает,
Кто красоты прямой слагать стихи не знает
И, следуя во всем испорченну уму,
Не ставит и цены искусству своему;
Взносясь на высоту невежей похвалами,
Мнит пользоваться народ прегнусными делами.
Уродство таково не прославляет вас,
И страждут от него и музы, и Парнас.
О вы, писатели, привлечь к себе почтенье
Подайте лучшее уму вы рассужденье.
Чтоб тронуть чем-нибудь читателей сердца,
Мысль чистая нужна, дух сильный для творца,
Искусство в языке, изображение внятно,
Чтоб стих твой, как ручей, тек быстро и приятно.
Когда богатством дух твой одарен таким,
Пленяешь ты чтеца и обладаешь им;
Смеется он с тобой, с тобой в печали рвется,
И что прочтет, в его то мысли остается.
Где не прочищен ум и где порядка нет,
Читатель тамо твой с тобой теряет свет.
Холодные стихи не услаждают мысли,
Их меру только знав, за таинство не числи.

Не думай, что к верхам Парнаса ты достиг,
 Напугав несколько стихов в единый миг.
 Хотя и без труда свои ты рифмы сеешь,
 Но всё то будет вздор, коль духа не имеешь.
 Стремясь в высоту, за мыслью мысль гоня,
 Не обуздаешь ты парнасского коня;
 Терновый ставишь куст там, где сулил мне розу,
 Наместо красна дня собираешь тьму и грóзу.
 Невежам кажется, что твой худой успех
 Всеобщая болезнь есть стихотворцев всех.
 Он тако говорит: «Хоть пишешь ты исправно,
 Да мне и всякие стихи читать не нравно».
 Несладко кажется невежам пенье муз,
 Но отчего такой рождается в них вкус?
 Причина ты тому, коль вывести наружу:
 Ты вел чтеца к реке, завел его ты в лужу;
 Хотел своей игрой его ты усладить,
 Но прежде мог ему игрою досадить,
 И, грубостью такой его касаясь слуха,
 Несносен стал ему, как беспокойна муха.
 Он, не прочистивши стихом твоим ума,
 Не скажет ли, что всё есть стихотворство тьма?
 Мы сами иногда на заключение скоры:
 Один подьячий крал, а все зовутся воры.
 Итак, чтоб заслужить честь с именем творца
 И Аполлонова достойну быть венца,
 Старайся выражать свои ты мысли ясно;
 Сам прежде в страсть входи, когда что пишешь
страстно,
 И воспевай стихи с искусством языка;
 Песнь будет через то приятна и сладка.
 Когда ты прочищать мысль станешь понемногу,
 Начнешь тем ссыскивать в сердца чтецов дорогу
 И, музы своя склоняя их на глас,
 Из них составишь ты преславнейший Парнас.
 Песнь Амфионова сердца смягчила дики,
 И звери слушали приятной сей музыки.
 Ты пением своим невеж увеселишь
 И грубость их сердец, как Амфион, смягчишь,
 Когда так станешь петь для утешенья россов,
 Как Сумароков пел и так, как Ломоносов,
 Великие творцы, отечеству хвала,

И праведную честь им слава воздала.
Разженные сердца парнасским жаром, пойте,
Лишь только голос свой по правилам муз стройте.
Младым россиянам уже примеры есть,
Каким путем себя на верх парнасский весть;
А в ком из них к стихам удачи не родится,
Не лучше ли тому назад поворотиться?

1760

К САТИРИЧЕСКОЙ МУЗЕ

Оставь и не лишай меня, о муза! лиры,
Не принуждай меня писать еще сатиры.
Не столько быстр мой дух, не столько остр мой слог,
Чтоб я пороки гнать иль им смеяться мог.
Привыкнув воспевать хвалы делам преславным,
Боюсь сатириком стать низким и несправным.
Слог портится стихов от частых перемен;
К тому ж я не Детро, не Плавт, не Диоген:
Противу первого я слабым признаваюсь,
С вторым не сходен дух, быть третьим опасуюсь.
И так уж думают, что я, как Тимон, дик,
Что для веселостей не покидаю книг.
А сверх всего, хотя б за сатиры я взялся,
Чему ты хочешь, чтоб в сати́ре я смеялся?
Изображением страстей она жива,
Одушевляется чрез острые слова;
Взводит мне на людей пороки — их обижу.
Я слабости ни в ком ни маленькой не вижу.
Здесь защищают все достоинства свои:
Что кривды нет в судах, божатся в том судьи.
Что будто грабят всех — так, может быть, то ложно.
Не лицемерствуют они, живут набóжно.
Отцы своих детей умеют воспитать,
И люди взрослые не знают, что мотать.
Законники у нас ни в чем не лицемерны;
Как Еве был Адам, женам мужья так верны.
Надень ты рубищи, о муза! и суму,
Проси ты помощи нищётству своему;
Увидишь, что богач дверь к щедрости отворит
И наградить тебя полушкой не поспорит.

Не щедрый ли то дух — взяв тысячный мешок,
Полушкою ссудить? ведь это не песок.
Размечешься совсем, когда не жить потуже,
А нищий богача, ты знаешь, сколько хуже.
Так вздумаешь теперь, что много здесь скупых, —
Никак! и с фонарем ты в день не найдешь их;
То скупость ли, скажи, чтоб денежки беречь,
Не глупость скупо жить, давнишняя то речь.
Что кто-нибудь живет воздержно, ест несладко —
Так пищу сладкую ему, знать, кушать гадко;
Хотя он редьку ест, но ест, как ананас,
Ничем он через то не обижает нас;
Что видим у него на платье дыр немало —
Знать, думает, что так ходить к нему пристало;
Ты скажешь, если он так любит быть одет,
На что ж он с росту рост бессовестно берет?
Изрядный то вопрос! Он должников тем учит;
Когда их не сосать, так что ж он с них получит?
Не философ ли он, что так умно живет?
В заплате нам долгов он исправляет свет.
Всё добрым нахожу, о чем ни начинаю, —
Чему ж смеяться мне? я истинно не знаю.
Ты хочешь, чтоб бранил отважных я людей,
Но где ж бы взяли мы без них богатырей?
Герой из драчуна быть может и буяна
И может превзойти впоследствии Тамерлана.
На что осмеивать великий столько дух?
Когда б не смелым быть, бояться б должно мух.
Картежники тебе, как кажется, не нравны,
Не все ли чрез войну мы быть родимся славны?
Не надобно ли нам и для себя пожить?
Когда не картами, так чем дух веселить?
«Стихами», — скажешь ты, — какое наставленье!
«Чтоб, благородное оставя упражненье,
Я стал читать стихи!» — картежник говорит.
Но что ж ты думаешь, он это худо мнит?
Поверь, чтоб, слыша то, я ввек не рассердился.
Конем родился конь, осел ослом родился,
И тяжело бы ослу богатыря возить,
А лошади в ярме пристало ль бы ходить?
Всяк в оном и удал, кто дух к чему имеет,
И каждый в том хитер, о чем кто разумеет.

Не слушает твоей картежник чепухи,
Масть к масти прибирать — и это ведь стихи;
И игры, как стихи, различного суть роду,
И льзя из них сложить элегию иль оду;
Сорвавши карта банк прославит игреца,
А, тысячный теряв рест, трогает сердца.
Итак, мы некое имеем с ними свойство;
За что ж нам приходится чрез ссоры

в беспокойство?

Оставим их в игре, они оставят нас;
Не страшен нашему картежничий Парнас;
Итак, не нахожу в них, кроме постоянства.
Что ж, муза! ты еще терпеть не можешь пьянства.
Весьма бы хорошо исправить в этом свет,
Чтоб пьянство истребить, да средства в оном нет.
Притом подвержены тому вы, музы, сами;
Поите вы творцов Кастальскими струями,
И что восторгом звал ликующий Парнас,
Так то-то самое есть пьянство здесь у нас.
Чему же мне велишь, о муза! ты смеяться?
Коль пьянству? Так за вас мне прежде всех
приняться;

Не лучше ли велишь молчанье мне блюсти?
У нас пороков нет, ищи в других; прости!

<1760>

О КЛЕВЕТНИКЕ

Страшна для общества клеветникова речь:
То самый лютый яд, то самый острый меч.
Хоть скройся за леса иль за высоки горы,
Достанет злой язык, змеины ўзрят взоры.
Как растворяючи диавол темный ад,
Пускает по свету людей разить свой яд, —
Так точно клеветник льет в мире злость рекою
И ближним не дает ни день ни ночь покою;
Когда растворит пасть, забыв и долг и честь,
И ближних, и родню, и всех он хочет съесть.
Не столько Страшного суда уже боятся,
Как злого языка, когда начнет ругаться,
И мыслят, что послал то бог на грешных бич,
Чтобы сплетенную пороков мрежу стричь.

Но есть ли оно порока боле в свете —
Невинну обругать девицу в лучшем цвете?
Притворно ближнего на дружество манить,
А клевету о нем заочно говорить?
Не мстит ли бог тому, кто кровь свою поносит,
Кто всюду о своих домашних зло разносит?
Что ж сделал тот ему, кто спеть что не умел?
Обидно ли ему, что худо я запел?
Чем тот ему вредит, кто в роскошах воздержан?
Влюбившийся за что ругательству подвержен?
Нанес ли зло ему, что с кем-нибудь дружусь;
Что он — ругательством, я книгой веселюсь?
За что досадою в нем мысли закипели,
В беседе что друзья без ссоры просидели?
Кто с кем поссорился, кто посетил кого,
Кто спросит обо всём ответа у него?
Я жду заранее на всё сие ответу.
Мне должно пользою быть обществу и свету.
Как добродетели надлѣжит мне любить,
Так равно должно мне пороки все губить.
О, философска мысль! Но тем ли нравы править,
Чтоб за приятный взгляд девицу обесславить,
Чтоб заключить, что в том ума ни крошки нет,
На ком длинный кафтан или короче вздет?
Ты, всех ругаючи, сам вдвое беспокоен,
Зато ругательства сам вдвое ты достоин.
Ты мучишь жизнь свою, ты мучишь и других.
Не трогаю тебя — не трогай дел моих,
Я раз был виноват — ты не был сроду правым;
Ругать, чтоб брань купить, с рассудком сходно ль
здравым?
Коль гнусен пред тобой какой-нибудь порок,
Сам не имей его и будь к нему жесток.
Не предавай ты ложь за справедливы вести,
Кто честно век живет, того не трогай чести;
Хули скупого мне, коль подлинно он скуп,
Кто трех не смыслит счесть, скажи ему: ты глуп;
Скажи ему о том, однако пред другими
Не говори, что он осел речьми своими;
Он три когда-нибудь научится, сочтет,
Останется при том — тебе досады нет.
Напрасно не пускай на щеголя ты злости,

Носи он малые или большие трости;
Что нужды до того, на ум его гляди:
Коль горд, несмыслен он, оставь и прочь поди;
Какая польза, что ему начнешь смеяться,
Коль трости никаких ругательств не боятся,
А, напротив, за все пустые клеветы
Они отважны мстить? Так бойся же их ты.
Ты мучишься и тем, что ты ругал, но мало;
Тот терпит, терпишь ты; так что же это стало?
Бранишь отважного, смиренного бранишь,
Кто встретится с тобой, ты и того виניшь;
Какая польза в том? Тебя досада мучит.
Хромой ходить прямой хромого не научит;
Ты хочешь исправлять, а неисправен сам,
В делах своих смешон, смеясь чужим делам.
Ты от жены своей сам ходишь за чужою,
А всех любителей чтишь тварью ты слепую.
Ты сам игрок и всех ругаешь игроков;
Поносишь мотовство, а ты и сам таков.
Но пусть бы не был ты картежником и мотом
И только б исправлял мотов с трудом и потом,
Полюбишься ли ты ругательством кому?
Кого бранишь, потом брань сложишь и тому.
Ты разругал совсем худого эконома,
А сам, как хлеб испечь, ей-ей, не знаешь дома.
Коль неисправен сам, другого не замай,
Пес скучен лаяньем, а твой вреднее лай:
Пес лаяньем свой двор от вора избавляет,
Твой лай всех на свете бесплодно оскорбляет.
Так лучше ж всех при их ты слабостях оставь,
Порок заметишь в ком, в нем сам себя исправь
И не муди людей несчастливых ты веком,
Без лжи и клеветы будь честным человеком.

<1760>

К ЕВТЕРПЕ

В невежестве душа доньге погруженна
Из мрачности парит,
Как будто бы свеча передо мной возженна,
Святая истина горит.

Познал я суету и лживу прелесть счастья,
И преходящую высоких титулов тень.
Они подобие осеннего ненастья,
Прременного сто раз в единый день.

О! разновидная мечта непросвещенных,
Слепое счастье, скажи мне, что ты есть?
Ты кажешь умными людей, ума лишенных;
В бесчестных кажешь честь.

Отрава лютая и язва смертных рода,
Превратность естества,
Тобой взволнована приятная природа,
Ты ужас божества.

А ты, участница невинных рассуждений,
О! собеседница в учении моем,
Не знаешь сердца ты всеобщих повреждений
И рассуждаешь ты разумно обо всем.

Скажи, Евтерпа, мне, не тако ли ты мыслишь,
Что все обмануты мы счастья мечтой?
Я ведаю, что ты не в титулах счастье числишь
И не в казне златой.

Подумай, где умы, природою нам данны,
Благополучие в богатстве полагать,
Иметь леса, поля, луга иметь пространны,
Стремиться к чинам, чтоб всех пренебрегать?

Взгляни ты на людей, в пустых степях живущих, —
В высоких ли домах, во злате ль счастье чтут?
Увидишь их в полях, стада свои стрегущих,
Увидишь шалаши простые тут.

Великолепными чертогами гордимся,
Сей пышности они смеются при стадах
И думают, что мы на то одно родимся,
Чтоб век свой проводить в строеньи и трудах.

Но кто счастливее и ближе кто к природе,
Надменный господин или простой пастух?
Живущий ли свой век в приятнейшей свободе
Иль беспокоящий желаньями свой дух?

На то ли естество нам разум даровало,
Чтоб он сиянием был злата помрачен,
Чтоб сердце счастью чужому ревновало
И вечной суетой наш дух был огорчен?

Коль жизни таковой вообразим течение,
То что есть человек?
Соборище сует и сам себе мученье,
Несчастнейшая тварь, в тоске влекуща век.

Сие ль подобие создателя вселенной?
Чем все гордимся мы?
Преобразили нас, о! грешник ослепленной,
Преобразили нас испорченны умы.

Позволь, Евтерпа, мне еще сказать ясняе,
Что я сказать хочу;
Но люди будут ли по сих словах умняе?
Ты скажешь: «Никогда», — я лучше замолчу.

<1763>

СОНЕТ И ЭПИТАФИЯ

Я век свой по свету за пищу скитался,
Пристанища себе нигде я не имел,
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

Убогим сиротой от матери остался,
Но свет, прияв меня, как сына воспитал,
Всяк пищу мне давал, и мною всяк гнушался,
Но я отцами всех на свете почитал.

Всечасно был гоним я в свете роком строгим,
Родился сиротой, живот скончал убогим,
И видел множество различных счастья проб.

Как жизнь та ни гнусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землюю,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.

1755

* * *

Коль буду в жизни я наказан нищетою
И свой убогий век в несчастьи проводить,
Я тем могу свой дух прискорбный веселить,
Что буду ставить всё богатство суетою.

Когда покроюся печалёй темнотою,
Терпением стану я смущенну мысль крепить:
Чинов коль не добьюсь, не стану я тужить,
Обидел кто меня — я не лишусь покою.

Когда мой дом сгорит или мой скот падет,
Когда имение мое всё пропадет, —
Ума я от того еще не потеряю.

Но знаешь ли, о чем безмерно сокрушусь?
Я потеряю всё, когда драгой лишусь,
Я счастья в ней ищу, живу и умираю.

<1760>

* * *

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Придут часы.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит —
Надобно есть.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;
Вести и ссоры
Время делят.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,
Люди людей.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Строги уставы
Мучат нас век:
Денег и славы
Ждет человек.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Тот богатится,
Наг тот бредет;
Тот веселится,
Слезы тот льет.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Счастье находим,
Счастье губим.
Чем жизнь проводим?
Ходим да спим.

Боже мой, боже!
То же да то же.

Время, о! время,
Что ты? Мечта.
Век наш есть бремя,
Всё суета.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим —
Любим мы свет.

Боже, о! боже,
Любим и то же.

Всяк на свете сем хлопочет,
Чтоб фортуна основать.
Мастером кузнец быть хочет,
Не учась коня ковать.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Вымысля наряд дурацкий,
Плав разумным хочет слыть;
Карт игру продав, посадский
Хочет в море с флотом плыть.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Живописец, если смыслит
Написать углем нос,
То себя таким уж числит,
Что напишет весь хаос.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Затмевая рассужденье,
Кто насилиу пять сочтет,
Силясь тот в нравоученье,
Что ни придет в разум, врет.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Кто на гусях марш умеет,
Как ходили под Дербент,
Тот хвататься не робеет
И за всякий инструмент.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Сплел стишок другой писатель,
Уж несется высоко;
А несмысленный читатель
Смыслит книги глубоко.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Всяк на свете беспокоен
Состоянием его,
Уповая, что достоин
Лучшей части для него.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

О! когда б мы получили
Всё, что наши льстит умы,
Все бы мы счастливы были,
Но не знали б счастья мы.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Кто себя не ограничит
И прославиться спешит,
Тот свой ум как ни величит,
Но лишь только свет смешит.

Чем нестися в мыслях выше,
Лучше всем нам жить потише.

<1762>

СОРОКА В ЧУЖИХ ПЕРЬЯХ

Сорока в перья птиц прекрасных убралась,
Как будто вновь она в то время родилась.
Но можно ли одной убором любоваться?
Сестрицам надобно в порядке показаться.

Отменной выступью пошла,

И стадо птиц нашла;

Взгордяся перьями чужими,

Ворочалась пред ними;

То подымает нос, то выставляет грудь,

Чтоб лучше тем птиц прочих обмануть.

Но величалась тем Сорока очень мало:
Природной простоты убранство то не скрало,
Могли тотчас обман все птицы угадать.

За то, чтоб наказать,

По перышку из ней все начали щипать.

Вся тайна оказалась,

Сорока бедная сорокою осталась.

1756

ВДОВА В СУДЕ

Убит Муж на войне; Жена вдова осталась
И в горести своей стенала и терзалась:
«Кому вдовство мое, — вещает, — защитить?
И как остаток мне пожитку сохранить?»
Грустила год о том и с грусти умирала,
А умираючи — деревни потеряла.

Бессовестной душе обиду такову
Не жалко произвесть, чтоб разорить вдову.
Чтоб выздороветь ей — таков устав был неба;
Устав грабителей ей был — сидеть без хлеба,
Таскаться по миру и прицепить суму, —
Тягаться с ябедой не женскому уму.
Слезами облившись, под окна потащилась
И божьим именем несчастная кормилась.
Подав полушку ей, дал некто сей совет:
«В суде побей челом о деревнях, мой свет,
Не век тебе с сумой и в рубищах таскаться».
Она отвечает: «С чем в суд мне показаться?
Кто что мне ни подаст, я только тем кормлюсь;
Подьячие берут, так с чем я поделюсь?»
«Есть люди добрые, — ей говорят, — и тамо,
О деле говорить поди к судьям ты прямо».
Она, то выслушав, надежду что дают,
К судье приходит в дом, ан всеошну поют.
Она хотя тот день почти куска не ела,
Но богомольщика дождаться захотела.
Авось и он что даст. Как всеошну отпел —
«Увидеть лъзя ль судью?» — Нет! спать судья пошел.
Слуги столкать с двора голодну осудили.
Вдова та просит, чтоб в подклет ее пустили.
«Нам тесно и без вас», — ответствовали ей
И дали тут толчок на ужин из дверей.
Заплакав, заклалась вдругорь к душам быть адским,
Пошел, попалася на улице десятским;
Без фонаря она, ей то в вину причли,
В полицию ее назавтра отвели;
Посажена в тюрьму, пришла ее кончина;
Чем выкупиться ей? у ней нет ни алтына.
Напрасно бедная твердила та Жена,
Что до конца во всем разорена она;
Суперники ее подьячих подкупили
И бедную вдову в остроге уморили.
Пример нам подает несчастная вдова,
Надежда в свете сем на правду какова:
Кто защищение и помощь потеряет,
Тот с праведливостью в гоненьи умирает.

ДВА ПОКОЙНИКА

Филандр поутру встал, Филандров Момсик с ним;

Филандр стал одеваться,

А Момсик чиститься, зевать и вытягаться.

Поставили им есть двоим;

Филандр, наевшись, спросил напиток кvasу,

Напился Момс воды.

Филандр к вечернему гулять срядился часу,

И Момс за ним туды.

Филандр сел на коня, как знатная особа,

А Момс бежал пешком, и погуляли оба.

Филандр назад домой, и Момс за ним прибрел,

Филандр стал ужинать, и Момс тогда поел.

Филандр лег на постель, а Момс зарылся в сене;

Филандр довольно спал, и Момсик спал не мене.

Филандр на свете жил, не думал ничего,

И Момс не более его.

С Филандром Момс пил, ел, ложились, просыпались:

Так Момс с Филандром жил! и оба так скончались!

<1760>

ДРОВΟΣЕК

Не много на свое искусство уповай

И воли быстрому желанью не давай,

Держись, при том держись, что сделать

разумеешь,

За все хватаяся, напрасно лишь потеешь.

Крестьянин негде был,

Дрова рубил;

Для этакой науки

К профессору не лезь,

Имей топор да руки,

Так мастер тут и весь.

А мой крестьянин был дрова рубить охотник,

И вздумалось ему, что он столяр и плотник;

Таковыми думами себя он веселил

И сосну с кореня претолстую свалил;

Колоду вырубя, мужик колоду гладит,

Из ней корыто ладит.

Долбил,
Рубил,
Колода вся изрыта.
Однако не было и виду в ней корыта,
Не так пошел топор,
А плотник на упор,
Еще колоду роет,
Да не корыто уж, теперь он ковшик строит.
Сказал: «Не возвращусь домой без барыша,
Добьюсь ковша».
Сертит, потеет,
А ковш не спеет,
Топор и долото
Работают не то;
Долбушка сделалась, да некакие рожки,
Не вышел ковш, так выдут ложки;
Стал мастер ложки выдолбать,
Считает в ужине обновкой щи хлебать.

Скажи, Минерва, мне, художеств мастерица, —
Чем кончил наш мудрец?
Что вышло из его работы наконец?
Спица.

1763

ИСТОЧНИК И РУЧЕЙ

Источник некогда с вершины гор стремился,
Шумящим в быстрине течением гордился,
И в пышности своей Ручей он презирал,
Который светлый ток в долины простирал.
На все его слова сказал он с тишиною:
«Источник! Можешь ли за то гнушаться мною,
Что я в теченьи тих,
А ты опасен, вреден, лих?
Твоим достоинством я сердца не прельщаю,
Хотя передо мной имеешь громкий глас.
Ты землю пустошишь, а я обогащаю,
Так кто ж полезнее для общества из нас?»

1764

ДВЕ ЩЕПКИ

В ночи близ кучи дров лежит гнилая Щепка,
А щепка такова всегда во тьме блестит,
Но подле той одна здоровая лежит.

Пошла тотчас прицепка.

Здоровой говорит сиятельная Щепка:
«Куда придвинула, голубка, ты бочок?
Подвинься, или дам безумке я толчок.
Ты, подленькая тварь, учтивости не знаешь
И, сверх того, мое сиянье заслоняешь».
А та отвечает: «Не чванься, Щепка, ты,
Займствуя свой блеск от темноты,
Но утро разберет сие смятенье наше,
Тогда увидим, кто из нас обоих краше».

Мы видим в наши веки
Сияющих умом и славой в темноте:
Сиянье пропадет, лучи погаснут те,
Когда увидят их разумны человеки.

1764

ДВЕ СОБАКИ

Не знаю, у кого служили две Собаки,
Но были участи у них неодинаки.

Одна дворовая была

И ночью от воров двор целый берегла;
Хозяева ее при ней спокойно жили,
А в награждение услуги таковой
Пост вечный на сию служанку наложили:
Держи ты караул, дружочек мой,
От скуки песни вой.

С поварни иногда за жадною нахалкой
Гонялся повар с палкой,
А паче ежели незваный этот гость
Спроворит смачну кость.

Другая не в таком была Собачка теле;
С боярином она валялася в постеле,
С хозяйкой чай пила

И будто дочь у них любимая жила.

Вкруг шеи ленты ей вязали,
Ласкали, лобызали;
А бедный сторож тот,
Который исхудал, как непроворный кот,
От голоду сего и от ударов таял,
И больше уж не лаял.
Случилось, что вор,
Не слыша лаянья, вломился в этот двор
И Псу голодному кусок бросает хлеба.
Пес думал, что к нему то ангел послан с неба
От голоду спасти; хватает, не ворчит,
Вор шарит и тащит, а часовой молчит.

Хозяин тот себя несчастью подвергает,
Когда он тех пренебрегает,
Кто честь его, и дом, и жизнь остерегает,
И с теми надвое щедроты не делит,
Кто служит в пользу нам и кто нас веселит.

1764

ЧЕЛОВЕК И ХОМЯК

Наспавшись в норе, Хомяк окончил сон,
А только полгода изволил выпать он.
«Не стыдно ль засыпаться, —
Увидев Хомяка, вещает Человек, —
И, сокращая век,
В норе своей валяться?»
Хомяк отвечивал насмешке таковой:
«О бедный Человек! Живот скучняе твой.
Я лучше проводить хочу во сне полвека,
Чем, следуя тебе,
Полвека проводить в безделках и гульбе
И в свете представлять скота. че человека».

1764

ФОНТАННА И РЕЧКА

В середине цветника Фонтанна кверху била
И громко о своих достоинствах трубила,
 А близ ее текла
Река по камышкам, прозрачнее стекла.
Фонтанна гордая, шума под облаками,
 Сказала так Реке:
«Куда придвинулась ты, лужица, боками?
Не лучше ли б ползла, бедняжка, вдалеке
И поле дикое в своем теченьи мыла?
Пожалуй-ка, построй себе подале дом,
Ты видишь, какова моя велика сила:
Я там всходя реву, где молния и гром;
 А ты, в моем соседстве,
О подлости своей не мыслишь, ни о бедстве».
Такою гордостью Река огорчена,
Фонтанне говорит: «Я век не уповала,
Чтобы, в железные трубы заключена,
Бедняжкой ты меня и подлой называла.
Причина храбрости твоей и высоты,
Что вся по самые уста в неволе ты;
А я, последуя в течении природе,
Не знаю пышности, но я теку в свободе».

На подлинник я сей пример оборочу:
Представя тихие с шумящими водами,
Сравнять хочу граждан с большими господами,
И ясно докажу... однако не хочу.

1764

ВЕРБЛЮД И СЛОП

Верблюд гордился! Чем? Горбатою спиною?
Никак, гордился он своей величиною
И вздумал удивить высоким ростом свет;
Скотину мелкую он карлами зовет.
Попался встречу Слон, Верблюд повесил уши,
Как делают всегда такие подлы души,

Которые себя почти боготворят,
Пока, кто лучше их, перед собой не зрят.

Что карла пред Слоном Верблюдою, так то не дико,
Одним сравнением всё мало и велико.

1764

КОТЕЛ, СОБАКА, ДВЕ КОШКИ

Искусно красть
Давнишна страсть;
И страсть сия продлится,
Доколе свет стоит и солнце не затмится.
Обычай тот
Имеет скот,
И с этим мастерством свои желанья ладит:
Коза капусту крадет,
А козу крадет волк.
На волка воровской слагают люди толк,
Такие ж вымыслы сплетая друг для друга.
Заразой эта страсть земного стала круга.
Далеко от своей я сказки улетел;
Воротимся назад, начнем: стоит Котел,
Стоит на очаге, под ним огонь курится,
Конечно, что-нибудь в Котле моем варится,
Посмотрим — посмотреть, я чаю, нет греха,
Ведь это не украсть, — варится в нем уха,
И бьется пеной,
А повара тут нет,
Я чаю, он поет
Любовные стихи перед своей Еленой,
И сладким завтраком любовницу гостил.
Огонь потух, Котел простыл.
Собака прибежала
И духом чувствует, где мяса часть лежала.
На чувства таковы Собака не глуха,
Понравилась ей простылая уха;
Хлебает Пес уху, хлебает так, без ложки,
И выхлебал до дна.
Проворство таково увидели две Кошки,

Придвинулась одна
И ну лизать остатки;
Другой понравились мошенничьи ухватки,
Товарищ прилетел,
Звенит Котел.
Хозяин звон услышал,
В поварню вышел,
А был хозяин лих.
Проворство видя их,
Что не осталось в Котле ему ни крошки,
Кричит: «Меня объели Кошки,
Но плутней таковых я больше не стерплю
И вас, мошенников, конечно, утоплю».
Что сказано, так то исполнено тотчас:
Две Кошечки, снесли в реку напиться вас.
Так плутни в деревнях помещик разбирает:
Приказчика хранит,
А старосту казнит,
Ворища в стороне, воришка умирает.

1764

КОМАР

Летающий Комар во уши всем журчал,
И многим он своим журчаньем докучал.
Встречаем комаров таких же и в народе,
Которы льнут к ушам
И шепчут нам
О свадьбах, о вестях — журчанье это в моде.
Свалит лишь только жар,
Летает мой Комар
По рощам, по гуляньям,
По балам, по собраньям;
И носится, как ветер,
Иль песни страстные поющий петиметр,
Иль тварь иного роду,
Которыя язык
Во век свой не дает в покое жить народу, —
Зловредный клеветник.

Когда бы мы язык комарий разумели,
То, чаю бы, вестей с три короба имели.

По рощам и полям,
Я мышлю, нам
Комар вот это трубит:
Вот этот эту любит,
Та с тем была вчера;
А этот в шашки

Недавно прошагал деревни до рубашки;

Мы слышали бы то от Комара.

Безделки от вралей такие ж люди слышат,

Когда клеветники во уши нам поют:

Как люди говорят, и кашляют, и дышат,

Где банки делают, где любятся, где пьют.

Комар в собраниях своим языком волен,

Однако не был он музыкою доволен;

Людей он стал кусать

И кровь из них сосать.

Сносить от тварей боль, так то против рассудка,

Когда кусают нас, какая это шутка;

И некто Комару обиды не спустил

И, дав ему щелчка, нахальство отомстил.

Что гнусен клеветник, так то пример не новой,

Но бойся, злой язык, судьбины Комаровой.

1764

ПОРОХ И ВОДКА

О! черный Стиксов сын, погибель смертных рода,

Ты воздух весь мрачишь,

Блестишь, как молния, и, будто гром, гремишь;

Тобою рушится и гибнет вся природа;

Причина общих слез,

Родитель твой исчез.

Ах! для чего тебе несчастье не мстило

И вдруг тебя с твоим творцом не поглотило.

Теперь, читатели, пронзаю ваш я слух,

Имея лирный дух;

Однако пышна речь тотчас переварится,

Из лиры я хочу во притчу претвориться.

А давешнюю речь
Заставлю я теперь из штофа Водки течь.
То Водка говорила
И Порох за его нахальство так журила:
«Полезнее б ты был, когда бы ты молчал».
А Порох отвечал:
«Напрасно, Водочка, меня пренебрегаешь
И, зло свое забыв, без жалости ругаешь:
Не меньше в свете сем ты портила умов,
Чем я срывал голов».

* * *

Кто более себя в опасности ввергает?
Такой ли, кто, в ладье вверяясь морям,
Противу бурь дерзает
Приплыть к златым брегам?
Иль кто, не думая о лживой той находке,
Плывет близ берегов за рыбой с сетью в лодке;
Кто беспокойнее? такой ли, что всяк день
Старается взойти на пышную степень,
Иль тот, кто без печали
Довольствуется тем, что небеса послали?

Не знаю, чести дать кому из двух венец,
Но тихий для меня приятнее пловец.

<1760>

НА КРИВОТОЛКОВ

Кто всех привык ругать, тот в мыслях полагает,
Хоть хвалит кто кого, так тот того ругает.
Но кто послушает завистливых людей,
Кому не хочет зла на свете сем злодей?
Подобно как овец терзати алчны волки,
Завистники о всем худые сеют толки.
Да лъзя ли избежать кому клеветников?
Они и похвалу в худое обращают,
И басню умную на дур и дураков,
Как стрелу, пущенну на них, в других пущают.

1761

* * *

Картежник говорит: «Я в карты век играю»;
Судья мне говорит: «Я взятки собираю».
А я им говорю: «На лире я играю».

Читатели, прошу я вас,
Скажите, кто нужней для общества из нас?

<1763>

ОДА

Где слышишь страшный шум Борея,
Где вал стремится высоко,
Где солнце жжет, долины грея, —
Беги тех мест ты далеко.

Морской пучины удаляйся,
От зверя страшного брегись;
Но больше злых жен опасайся,
От гнева их везде блюдись.

Как сильный лев, древа что клонит,
Как море в бурный день кипит;
Так, если гнев их сердце тронет,
То крик их воздух весь смутит.

Пловец, что в море погибает,
Как вал его отвсюду бьет,
Трепещет, мысли он теряет
И, возмущен, ко дну идет.

Пловцу, колеблющуюся в море,
Мужей несчастных лъзя сравнять,
От жен которы терпят горе
И с ними должны воевать.

Кто хочет в свете жить спокойно
И век свой не иметь хлопот,

Рассматривай благопристойно,
На ком ему жениться, тот.

Жена лихая есть препятство
К весельям и болезнь сердец;
Жена смиренная — богатство
И счастья нашего венец.

<1760>

ЗЛАТО

Злато прельщает
Разумы всех,
Плод возвращает
Слез и утех,

Счастья источник,
Корень всех бед,
В нуждах помочник,
К бедности след.

Многи державы
Им внесены,
Многие славы
Им лишены.

Страсти любовной
Жар придает
Злато, ток кровной
В варварстве льет.

Смертных спасает,
Смертных губит;
Мир утверждает,
Брани творит.

Злато влияло
В смертных вражду;
Пользою стало
Всем на беду.

Честь им теряем,
Честь достаем;
Им умираем,
Им и живем.

1760

* * *

Не пышною славой
Мой дух заражен,
Не злобы отравой,
Пишу, разожжен;
Не меч и досаду
Мой стих принесет,
Но честным отраду,
Порочным совет.
Со шпагой гоняться
И слабых рубить,
То может назваться —
Стихами бранить.
Отечеству должно
Услуги казать,
А глупых возможно
Немножко тазать.
Довольно без брани
Терзаемся мы.
С дурачества дани
Не емлют умы.
Любити друг друга
Велит нам закон,
Друг другу услуга
Смягчает наш стон.
Дар малый природа
Иметь мне дала:
Для пользы народа
К стихам привела.
Тружусь добродетель
В стихах превознести,
Того я радетель,
То ставлю за честь.

1761

ПЕСЕНКА

Что я прельщен тобой,
Чему тому дивиться, —
Тебе красой родиться
Назначено судьбой.
Прекрасное любить —
Нам сей закон природен,
И так я не свободен
К тебе несклонным быть.
Ты сделана прельщать,
А я рожден прельщаться,
На что же нам стараться
Природу превращать?
Я жертвую красе,
Ты жертвуй жаркой страсти,
Естественная власти
Свершим уставы все.

<1763>

ОТВЕТ НА ПЕСЕНКУ

Прекрасное любить
Хоть сердцу и природно,
Однако склонной быть
К кому хочу свободно.
Родятся красоты
Не для неволи в свете.
Мне льзя в моем отстве
Сказать: не мил мне ты;
Ты мной теряешь власть,
А я тобой не пленна.
Так, зная, не я рожденна
Лечить такую страсть.
Порядка не вреди,
Уставленна природой;
Меня оставь с свободой —
Другую победы.
Чувствительны в любви
Несклонности удары;

Ищи себе ты пары
И счастливо живи.

<1763>

ПАСТУШКА

Покидает солнце воды
И восходит в высоту,
Ясный день всяя природы
Открывает красоту;
Стадо Дафнино пасется
Без пастушки на лугу.
Дафна, сидя на берегу,
Горькими слезами льется.

Поле сладкими плодами
Изобилует всегда,
Месяц с ясными звездами
Не разлучен никогда.
День, вчера который минул,
За собою день влечет;
Всё порядочно течет,
А меня пастух покинул.

Отдали печальны мысли,
Утоли плачевный стон,
Постоянства ты не числи
Всей природе без препон;
Поле, полное снегами,
Видим в прежней ли красе?
Дни почти различны все,
Воды бьются с берегами,

Тучи солнце закрывают,
Месяц кроется от звезд,
А любовники невест
Так подобно забывают.

<1763>

**КОМЕТА,
ЯВЛВШАЯСЯ В 1767 ГОДУ
ПРИ НАЧАЛЕ ВОЙНЫ С ТУРКАМИ**

Великое число светил
Творец вселенная вмести
Безмерной высоты в пространстве:
Когда возводим очеса
При лунном свете в небеса,
Мы видим их в златом убранстве.

В широком поле горних мест
Открылась смесь несчетных звезд;
Погружены в пучине вечной,
Иные видимы в ночи,
Как будто солнечны лучи,
Рекой другие зрятя млечной.

Во светах света нет уму,
Во тьме ночной впадает в тьму,
Как дым, мгновенно исчезает;
Постигнуть небо хочет он,
Но, в томный погруженный сон,
Что мыслит, сам не постигает.

И се небесный синий свод
Планеты кажет новый род,
Течет во сфере кривизнами,
Страшна в полночные часы,
Распущены у ней власы,
Огонь горит ее следами.

Измеривый небесный дом,
Мне гордый скажет астроном:
«То жирные пары возженны,
То солнечны лучи горят
И новые миры творят,
Иль звезды, вкупе сопряженны».¹

Но сердце мало верит им;
Господь везде непостижим, —

¹ Мнение некоторых философов о кометах.

В земле, на высоте небесной,
В былинке, коль господь велик,
Не может изрещи язык,
Ни наш понять рассудок тесной.

Не мир подвигся бог зажечь,
Но, огненный иссунув меч,
Ко грешникам речет в комете:
«Я мрачны ваши зрю сердца;
О тварь! не раздражай творца,
Коль хочешь жить еще на свете».

Разгнав печальной ночи мрак,
Такой господь являет знак,
Когда казнит царей и царства;
Так Риму некогда грозил;
Таким виденьем поразил
Восточно древле государство.

О ты! что в роскошах уснул,
Проснись! проснись! и зри, Стамбул,
Над лунным кругом меч висящий;
Окровавлен и страшен он,
Низвергнуть твой высокий трон
И пагубой тебе грозящий.

На небе зримый вдалеке,
У россов грозный знак в руке;
Их острый меч — твоя комета,
Блистающа в твоих очах;
Твой хочет град разрушить в прах,
Отгнать в Медину Махомета.

Проснулся христианский храм
И мир сулит святым горам,
Спадет с них черная одежда,
Воздвигнется Ерусалим,
Венцом украсятся златым
Любовь, и Вера, и Надежда.

Отверзив светлый свой чертог,
Выходит с молниями бог,

И гнев его вселенна кажет,
Покроет истину щитом,
С небес на землю бросит гром,
Гордящуюся ложь накажет.

Уже Хотин попран лежит,
Восток пред Севером дрожит,
Святая вера торжествует;
Стамбул, колена преклони,
Потухнут северны огни,
Екатерина мир дарует.

Ликуй, полночная страна,
Твои златые времена
Тебе земля и небо кажет.
Я внемлю с горних громку речь,
Блестящий в бурном вихре меч
Тебя почитит, врагов накажет!

<1767>

АПРЕЛЬ

Дыханьем нежным побежденны,
Седые мразы прочь летят;
От плена их освобожденны,
Потоки вод в берегах шумят.

Полям и рощам обрученна,
Восходит на горы весна,
Зеленой ризой облеченна,
Умильный кажет взор она.

Уготовляя царство лету,
Приближилось солнце к нам,
Прибавило дневного свету
И жизни хладным сим странам.

Благословенну возвещает
Нам жатву дышащий зефир,
Натура взор к нам обращает
И новый созидает мир.

Я мысли в вечность погружаю
До первых бытия начал
И всю вселенну воображаю,
Когда господь ей образ дал.

Невеста будто бы в убранстве,
Является очам земля,
Времян цветущих в постоянстве,
Ликут реки, лес, поля.

Стадами покровенны горы,
Там реки, зеркало небес;
Там в рощах раздаются хоры
Поющих птиц между деревьев.

Весна очам изображает
Первоначально житие,
Творцу вселенной подражает,
Даруя тварям бытие.

Из вечной бездны извлеченна,
Возвеселилась тако тварь,
Земля цветами облеченна:
В селеньи райском твари царь.

Подобной радости вкушенье
Я чувствую в весенни дни,
Вливают в сердце утешенье
И душу веселят они.

Всё то же! только мы забыли,
Чем прежних жизнь людей сладка;
Увы! они невинны были;
Невинность в наши дни редка.

Друг другу мы напоминаем
Желаний наших главну цель;
Апрель обманом начинаем,
Едва ль не весь наш век — апрель.

1783

ПТИЧКА

Когда б я птичкой был,
Я к той бы полетел,
Котору полюбил,
И близко к ней бы сел;
Коль мог бы, я запел:
«Ты, Лиана, хороша,
Ты птичкина душа!»
Мой малый бы носок
Устам ее касался;
Мне б каждой волосок
Силком у ней казался;
Я б ножку увязить
Хотел в силке по воле,
Чтоб с Лианой вместе быть
И Лину бы любить
Во сладком плене боле.

1796

ОТВЕТ НА ВОПРОС

Где сердце у меня,
Ты спрашиваешь смело.
Ответствую, стенья:
Из груди улетело!
Летало на крылах,
Свободой веселилось,
Теперь в твоих очах
Навек остановилось;
Из глаз твоих оно
Не может отлучиться,
Доколь с твоим в одно
Навек соединится.

1796

ПРОШЕДШЕЕ

Где прошедшее девалось?
Всё, как сон, как сон, прошло;

Только в памяти осталось
Прежнее добро и зло.
Будущего ожидаем;
Что сулит оно, не знаем;
Будущее настает —
Где ж оно? Его уж нет!

Всё, что в жизни нам ласкает,
Что сердца ни веселит,
Всё, как молния, мелькает,
Будто на крылах летит;
Ах! летит невозвратно,
Как река, проходит мимо,
И реке возврата нет —
К вечности она течет.

Я не тот, кто дней во цвете
На земле существовал,
И не тот, кто жизни в лете
Время числить забывал;
Зимнему подобно хладу,
Старость наших дней отраду
И веселости мертвит;
Уж не тот мой нрав, ни вид.

Те, которы восхищали
Взор мой, женски красоты
Жизни вечером увяли,
Будто утренни цветы;
Те, со мною что родились,
Возрастали, веселились, —
Как трава, тех век пожат,
И в земле они лежат.

В юности моей чинами
Мысли я мои прельщал,
Но, покрытый сединами,
Суетность чинов познал.
Во цветущи дни приятство
Обещало мне богатство:
Вижу в зрелые лета,
Что на свете всё тщета!

Всё тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет;
В лаврах, в рубище, в порфире —
Всем оставить должно свет.
Жизнь, как ветерок, провеет,
Всё разрушится, истлеет;
Что ни видим, бrenно то,
А прошедшее — ничто!

Солнце то же надо мною,
Та же светит мне луна;
Те ж цветы растут весною,
Но скучает мне весна.
Что меня ни утешало,
Время, время всё умчало;
Жизни сей кратка стезя,
И продлить ее нельзя.

Что такое есть — родиться?
Что есть наше житие?
Шаг ступить — и возвратиться
В прежнее небытие.
Нет! когда мы век скончаем,
В жизни будущей встречаем
Наши прежние дела
В книге и добра, и зла.

<1806>

ПОЭМЫ

ЧЕСМЕССКИЙ БОЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою морскую брань, потомки! ради вас,
Да будет слышен вам усердной музы глас.
Не нужны мне цветы, восторги там напрасны,
Где славные дела собою сами ясны.
Отвсюду мечет гром Россия на врагов!
Уже Архипелаг зрит северных орлов.
Не басни воспевать моя стремится лира,
Чесмесский бой в очах всего свершался мира.
А ежели в стихах цветы какие есть,
Так их рассыпало усердие, не леть.
Люблю отечество, люблю и славу нашу;
Не ей придам красы, но ею песнь украшу.
На крыльях истины к Парнасу прелечу;
Внимайте, музы, мне, россиян петь хочу!
Ко ободрению имея мысль едину,
Что может всё воспеть, кто пел Екатерину.

Поведай, истина, сражения вину,
За что расторгли два народа тишину?
Не солнце ли одни у прочих похищают?
Не реки ль ко своим пределам обращают?
Не заражают ли вселенную они?
Причины должны быть такие битв одни.
И солнце на местах, и воды остаются,

Но страждет Греция, там крови реки льются.
От греков отлучен прекрасный солнца свет;
Печаль в домах у них, боязнь в сердцах живет.
Им в горечь рек струи срачины претворили,
Которые восток под иго покорили.

Во славе где сиял божественный закон,
И вера на столпах воздвигла светлый трон;
Где храмы вознесли главы свои златые,
Курился фимиам и с ним мольбы святые;
Где муз божественных был слышен прежде глас,
Где зрелся Геликон, где древний цвел Парнас;
В стране, исполненной бессмертных нам примеров,
В отечестве богов, Ликургов и Гомеров,
Не песни сладкие вспевают музы днесь —
Парнас травой зарос, опустошился весь.
Герои славные в Афинах не рождаются,
Во Спарте мудрые законы не твердятся;
Евфратских жителей оружия молчат,
На греках тяжкие оковы там звучат;
Святые здания в пустыни превращенны,
Из материнских рук их дочери похищенны;
В чужих руках теперь Ахейский славный град,
Где зрели греки рай, там ныне видят ад.
В оковах старики подъемлют к небу руки;
Свирепство, зверство там. Где церкви! Где науки!
Затмился царский трон и зданий красота.
Облег свирепый змий священные места,
Ни воплю страждущих, ни стону их не внемлет;
Ужасную главу на востоке он подъемлет,
Пространству радуясь отторженных границ;
Слезами веселясь и бледностию лиц,
Еще не чувствует людей теснимых бедства.
Для варварской души в злодействах нет посредства!
Увидя Грецию, упавшую пред ним,
Считает целый мир подножием своим
И мнит: коль есть цари на свете сем другие,
То щедрости его обязаны такие.
Успехом обуян и гордостью своей,
Поставил сам себя вселенной судией.
Он гордости своей препятствия не чаёт
И полночь во уме под власть свою включает:

Союз, святой союз с Россией нарушен;
Обресков прав своих и вольности лишен.

Тогда кровавая война от стран восточных
Парит, касаясь пределов полуночных.
В руке свирепый меч и пламенный несет;
Пожары, смерть и глад текут за нею вслед;
Пустеют жатвы вокруг и здания дымятся,
В полудни небеса сгущенной пылью тмятся.
Повсюду слышен вопль, реками кровь течет;
Ужасных Евменид из вечной тьмы влечет.
Как бурных ветров бег далеко в понте внемлют,
Когда они валы во глубине подъемлют;
Или когда, отняв у солнца светлый луч,
Разит свирепый гром, расторгнув недра туч;
Так шум издалека и топот раздается
В окрестных областях, куда война несется.
Изображение свирепости ея:
Из алчных челюстей яд льется у нея.
Увидя грозну брань, Европа задрожала;
Россия двинулась и злобу удержала!
Алкающа весь мир в смятение привествь,
Давно бы без того успех имела лествь;
И, услажденные всеобщею войною,
Лилеи бы сплелись с кровавою луною.
Подъемлетя толпа срацин, как прах густой,
Но Север воспрянул: «О дерзкий враг! постой!»

Подняв свою главу в зеленых лаврах новых,
Отечество мое у берегов Днепровых,
На скипетр опершись, к Луне спокойно зрит;
Гор Киевских оно с вершины говорит:
«Не греков здесь ищи, не царства их другого,
Здесь молния тебе во сретенье готова;
Ограда крепкая закона и венца,
Здесь храбростью горят российские сердца,
Здесь древних род славян сияет в полном цвете,
Который славою давно гремит во свете;
Ты весь против меня восток вооружил,
На войски многие надежду положил;
А мы на храбрости надежду основали.
Когда б одни полки победы даровали,

Давно б раздался здесь трубы военный глас,
На Марсовы поля звала бы слава нас,
И земледельчески б преобразились руки
В военные подвиги, их песни — в бранны звуки;
Но я оставила друзей и чад моих
Рачение иметь о житницах своих;
По селам и лугам их песни раздаются.
Не многи воины со мною остаются!
Как будто нет войны и тишина цветет;
Мне слава вокруг Днепра венцы свои плетет;
Но здесь любезный мир, украшенный цветами,
Любуется везде обильными местами;
Оливну ветвь держащ, возводит тихий взор
На тучности долин, и на зеленость гор,
На класы желтые, на паствы, на оливы;
Извне имея брань, внутрь царства мы счастливы
Тогда почувствуем, что с вами мы в войне,
Как ваших гром побед услышим в тишине.
Так всякая страна счастливой наречется,
В которой мудрый царь о подданных печется».

Сие России дух, Стамбул, тебе речет;
Но враг, рассвирепев, на пагубу течет,
На персях у себя он язвы зрит глубоки
И крови собственной текущие потоки;
Своей суровостью и злобой ослеплен,
Тем паче зверствует, чем больше изъязвлен:
Такая движет злость ко брани оттоманов
Противу северных орлов, как хищных вранов.

Полночной славы гром во всех местах гремит,
Друзьям российским в честь, ее злодеям в стыд.
Знамена их в Крыму и вокруг Дуная веют,
В Морее паруса у Дарданелл белеют.

Творили в древности волшебством чудеса,
Ко помощи призвав иль ад, иль небеса;
Не бледную луну с небес теперь сзывают,
Не двигаться с их мест горам повелевают:
Ко удивлению Россия бурных вод,
Из флота малого другой рождает флот,
Летающи суда из недр его исходят,

В восторг вселенную, срацина в страх приводят.
Европа! не дивись, на наши зря дела:
Полночный скипетр здесь Минерва приняла,
Она со славою ликует на престоле;
Екатерина здесь, и не скажу я боле!
О славе дел ее гремит повсюду слух;
Предшествует в морях ее героям дух,
Она бессмертными себя делами славит;
Минерва ли весь мир дивиться не заставит!

На Сейне тщетные преграды им творят,
Полночные орлы уже к Луне парят,
И Махометов знак трепещет и темнеет,
Полуденна страна, как лилия, бледнеет.
С перуном шествуют российские полки,
Не страшны бури им, моря не глубоки;
Не тяжек зной, ни хлад, для россов нет препоны,
Выходят новые Тезеи, Сципионы;¹
К погибели срацин един остался шаг.
Колена преклонил уже Архипелаг
И лавры отдает лакедемонцам новым,²
Ко Чесме двигшимся с Спиридовым, с Орловым.

Дай крылья, муза, мне, к Морее прелечу;
Дай лиру! брань воспеть Чесмесскую хочу,
В бессмертие ее история включает:
Она бессмертием и песнь мою венчает.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Восстань, певец богов, великий муж, восстань,
Учи меня вещать, Гомер, Чесмесску брань!
Ты в памяти своих героев нам оставил,
Которых подвиги под древней Троей славил;

¹ Славные полководцы.

² Покорение Архипелага всему свету известно; храбрость наших героев всякие похвалы превосходит; и должно один раз для всего сочинения моего сказать, что все в нем написанное есть живая истина, исключая стихотворных украшений, которые всякий благо-разумный читатель легко отличить может. Весь остаток расположен по точным известиям, полученным из самых вернейших рук; и по самим словам, которые сочинитель счастье имел слышать от воспеваемых им героев.

Рождает таковых Российская страна
Для падшей Греции в новейши времена.
Не похищенную троянами Елену
Подвиглась Греция изъять войной из плену;
Не за позорную Парисову любовь
Люют россияне свою и вражью кровь;
Такой жестокости герои не питают,
Которы во странах полночных обитают.
Любовь к отечеству, любовь к друзьям своим —
То чувства их, и то едина слава им;
Благоприятствует им храбрость и судьбина;
Отечество в уме, в сердцах Екатерина.
Такие божества имея при себе,
В защиту, Греция! текут они к тебе;
Великий океан главу свою подымлет
И новы имена в пределах бурных внемлет,
Которы, восшумя от невских берегов,
До древних греческих достигли островов,
Надменны гордостью срацины где не чают,
Везде российский меч и славу их встречают;
Со всех сторон Стамбул полночный слышит гром
И зрит стада орлов, летающих кругом;

Трепещущий Босфор, как неким оплотом,
Стремится в страх привести россиян сильным
флотом.

Теки, срацинский флот, всю Азию тревожь,
Теки и наши ты победы приумножь.
О род! трепещущий от росского перуна,
Быв Марсу жертвою, будь жертвой и Нептуна.

Уже с волнами слух на понте восшумел,
Что грозный вышел флот из устья Дарданелл.
На крыльях страх разнес повсюду весть такую;
Тритоны прячутся во глубину морскую,
Не смеют выглянуть наяды из пещер;
Боязнь турецкий флот по всем водам простер,
Кровавую луну изображают волны;
Нерэиды в волнах тоски и страха полны;
Смутились небеса и страшной брани ждут;
Одни россияне против срацин текут;

Оставляя буйную и наглуую Морею,
Вручают славу, жизнь и мужество Борею.
Ни ветры, ни вода не могут утушить
Горящей храбрости и россос утрашить.
Турецких сил число везде молва сугубит,
Свирепство, смерть, войну, беды, погибель трубит,
И злоба кровь рекой, остервенев, лиет,
Опасность в Греции как буря восстает:
Там носит варварство меч, пламень и оковы,
Распростирается грабеж и бедства новы.
Услыша жители военный грозный глас,
Мечтают, будто им пришел последний час!
Зефир ли зашумит, иль грянут в небе громы,
Бегут, скрываются... пустеют бедных дома;
Везде уныние, повсюду бледный страх,
По дебрям кроются, скитаются в горах;
Там старцы по лесам между зверями скрылись,
И храмы божии в пустыни претворились.
В объятиях сыны трепещут у отца,
Он, длани вознося к селениям творца,
Ему сердечные моления приносит,
Защиты не себе, любезным чадам просит.
Родительских гробниц граждáнин прочь бежит,
Рассудок сетует, бессилие дрожит;
Страдает сиротство, невинность терпит муки,
И варварство багрит в крови младенцев руки;
Не трогает сердце девичья красота,
Все плачем и тоской исполнены места,
Благочестивая попоранна стала вера,
Срацинской ярости в Морее нет примера.
Кому спасать ее? Кому отмщать врагам?
Россияне! перун вручило небо вам.

О вы, которые прославили героев,
Певицы тишины, певицы страшных боев!
Вам славы россия везде приятен слух,
Придайте силы мне, воспламените дух!
Вы, музы, истину вещать всегда любили,
Свидетельницы вы Чесмесской брани были;
Скажите наших мне героев имена,
Которы в поздние достигнут времена;

Поведайте о них мне внятыми стихами! . .
Я вижу флот; туда перенесен я вами!

Является вдали мне Марсово лице;
Конечно, то Орлов? Он зрится мне в венце!
Геройство на челе его изображенно,
В нем сердце ревностью к отечеству разжженно;
Перун в его руке, но кротость во очах:
Се честь отечества! его злодеев страх!
Не лесь Фортуне здесь плетет венцы лавровы,
О вас известен свет, о храбрые Орловы!
Когда завистники у вас какие есть,
Пускай дерзнут глаза на вас они возвесть;
Когда вы в понте страх и смерть пренебрегали,
За славу россиян живот свой полагали,
Когда противу вас кровавый блещет меч, —
Какая нужда вас могла в опасность влечь?
Чины, сокровища, героев награжденье,
Давно усердия нашли во уваженье;
Давно Фортуна вам венец свой соплела
И верность через то к монархине почла.

Из храма счастья, в свои цветущи лета,
Когда веселости сердцам приятны света,
Стремиться проливать свою во брани кровь —
Не то ли верная к отечеству любовь?
Достойны за нее они венцов лавровых.
Двух братьев таковых имел наш флот Орловых.
Та дружба, что слывет мечтанием давно,
Друг к другу возгоря, горела в них равно.
На помощь данные герои Алексею,
Казались в кораблях единою семьею.
О вы, участники преславных в свете дел!
Не страхом править вас, но дружбой он умел;
Единым именем вы только возбужденны,
Что вы россияне, и побеждать рожденны.
Соединилися Перикл и Сципион,
В Орлове вижу их; начальник флота он.

Феодор, красотой и младостью цветущий
И первый мужества примеры подающий,
С «Евстафием» летел в Нептуновы поля;

Спиридов был сего начальник корабля,
Усердный к богу муж, покрытый сединами,
От младости своей борющийся с волнами;
Желает дни свои во свете продолжить,
Чтоб жизнь за щедрости монарши положить,
Но ты, молодой герой! уйми свое стремленье,
Отважности и страх твое увеселенье,
Увеселение ты братьев твоих;
Жалей, Орлов, жалей цветущих дней своих.
Сие, усердия украшено цветами,
Родство и дружество гласит любви устами;
Оно, души твоей приятности любя,
В морях и на земле летает вокруг тебя.
Фемису огорчил ты, храм ее оставя,
Ты ужас ей навел, себя при Чесме славя.
За тайну музы мне сказали о тебе,
Что смерть геройскую ты ставишь в честь себе;
Но жизнь геройская полезнее для света,
Весна твоя цветет, не тьми прекрасна лета;
Другие качествам дороги есть твоим.
Но в море он летит, и князь Козловский с ним!
О ты, питомец муз! на что тебе Беллона,
Когда лежал твой путь ко храму Аполлона?
На что война тебе, на что оружий гром?
Воюй ты не мечом, но сладких муз пером;
Тебя родитель твой и други ожидают,
А музы, над тобой летаючи, рыдают.
Но рок положен твой, нельзя его прейти;
Прости, дражайший друг! навеки ты прости.

Со знаменем в путь российских тек монархов
На легком корабле Орлов «Трех иерархов»;
Средземные валы бесстрашно разбивал,
Морям и ветрам он на нем повелевал.

Искусный Грейг при нем, герсйских дел свидетель,
В лице своем являл честь, храбрость, добродетель;
На истине его основан был совет;
Во всех достоинства любить обязан свет.
На «Ростиславе» плыл бесстрашный Долгорукой,
И храбрости его всё воинство порукой.

Круз¹ мужеством своим героев удивлял,
Он брань с срацинами забавой поставлял.

А вы, которых здесь в стихах не вспоминаю!
Простите скромность мне, я ваших свойств не знаю
И ваши качества, конечно, уменьшу,
Когда, не зная вас, на лире возглашу;
Но музы ваших дел в забвенье не оставят
И ваши имена торжественно прославят.
Начальник ваш почтил геройским вас венцом,
Перед монаршеским он славил вас лицом.
О вашей храбрости, почти невероятной,
Я сам свидетель слов его нелицемерный.

Летает по верхам Нептуновых полей
Немное число российских кораблей;
Но мужеством мужей, из глаз геройских зримым,
Казался малый флот, сей флот непобедимым.
Гремяща слава им предшествует с трубой,
Вещая: «Гром несут россияне с собой!
Смирите дерзкие сердца, гиганты новы;
С перунами на вас готовятся Орловы. . .»

Сей глас, сей громкий глас как буря преходил;
Афины древние и Трою возбудил,
Изображающи превратность счастья грады.
Там, кажется, встают Ахиллы, Мильтиады,
Отмщение горит в их пламенных очах,
Что бедством их страны и их поруган прах.
Ах! спите в вечности, герои, сладко спите,
Россиянам за вас отмщенье уступите;
В Орловых видит вас, и чтит, и хвалит свет,
В них слава ваших стран и ваша оживет.
Увидит Греция Парнас возобновленный,
Полночной щедростью Минервы оживленный.
Уж храбрость вспыхнула во греческих сердцах,
Почти умершая в неволе и цепях;
Российских грому труб вздремавши греки внемлют,
Текут против срацин,² оружие приемлют;

¹ Или Крюйз.

² Некоторые греки приняли против турок оружие и отменную храбрость оказали.

Отважность древняя сияет в их лице,
Дерзают помышлять о Марсовом венце.

Уже бесстрашные российски аргонаты,
Оставляя смутные морейские развраты,
Турецким кораблям во сретенье текут,
Которые на брань всю Азию влекут.
Вскипела вокруг вода под их судами вскоре,
Как плавающий лес, казались мачты в море;
Как белые шатры, несомы по волнам,
Представились вдали их парусы очам.
Увидеть страшное военных дел решенье,
Казалось, боги все взирают на сраженье.
Ужасны фурии, участницы войны,
Взошли на корабли с турецкой стороны:
Там смерть бледнеющая, там ужас, там отравы.
С российской стороны Минерва, Марс и Слава;
Летая музы вокруг, победную песнь поют;
Уже они венцы героям нашим вьют.

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ

Как пламенна гора всходяще солнце блещет,
Кровавые лучи в Средземны волны мечет,
И понту бурному как будто говорит,
Что вскоре в воду кровь сраженье претворит.
Кипящие валы при устье брань подъемяют,
Они стремление обоих флотов внемлют;
Белеют паруса турецкие вдали,
Уже встречаются им наши корабли.
Уже геройский дух горит в орлах российских,
Слетаются они с Луной в струях Хиисских.
Как страшный некий змий, простершись по валам,
Главой примкнул их флот к Чесмесским берегам;
Другую часть простер до каменистой мели,
Где робкие струи, тесняся, зашумели.
О россы, россы! вам казалось в сей час,
Что в море двигнулась вся Азия на вас,
Что паки вышел Ксеркс на древние Афины;
Но прежней у берегов дождется он судьбины.

В трикраты¹ извившись флот гордый на волнах,
Умел бы ввергнуть мир в отчаянье и в страх;
Обратный в море путь без брани бы трубили,
Когда б другие то, не вы, о россы! были, —
Опасность зрима и множество врагов,
И наших малое количество судов
Ни бодрости сердец, ни славы не лишили;
Геройский жар в сердцах зажгли, не потушили.

Уж солнце к западу кругом земли текло
И тучи мрачные над понтом навлекло,
Дабы сокрыть от глаз волнующееся море,
Которо в страшный ад преобразится вскоре.
Россияне текут к оружием своим,
Противна медленность, а не сраженье им,
Борей, летая вокруг, в пучине ужас сеет,
Крылами движет он, в российски флаги веет,
И, предвещание победы сделав им,
К срацинам страх понес, понес огонь и дым.
Се знак, громовый знак к осаде раздаётся,
Трикраты раздался, в турецкий флот несётся.
Тогда от их судов унылый вопль восстал,
И флот их, разделясь, в пучине застонал,
Он пену за собой оставил в ней кроваву,
Предвозвещая им гибель, россам славу.
Как тучи бурные, стремясь друг друга стерть,
Из мрачных недр своих с перуном мещут смерть,
Так флоты, молнией и громом воуженны,
Стеклися, равною отважностью разженны,
Далеко по волнам взыванье раздалось,
Простерла крылья брань, сраженье началось.

Фортуна в облака оттоле улетает,
Там дела для себя она не обретает;
Не требуют ее россияне венца,
Не нужно счастье им — но храбрые сердца,
От них россияне прямого ждут геройства;
Фортуна быть должна богинею спокойства!

¹ Турецкий флот, состоящий из множества судов, в три ряда был расположен.

Блеснула молния, гром страшный возгремел.
И понт, внимая звук оружий, заревел;
В дыму и в пламени слетелись флоты оба,
Отверзла хладна смерть меж ними двери гроба;
Но смерть ужасная россиян не страшит
И, кажется, от них к врагам с мечом спешит.
Сверкаючи огни в водах воспламенились,
И будто в воздухе они остановились,
Толь часто огонь вослед другому успевал,
Из медных челюстей который воздух рвал!
Явилась в облаках Беллона с звучной славой;
Исторг свой меч, летит к сраженью Марс кровавый;
Багреют вокруг судов кипящие струи.
О брань! погибельны везде следы твои.
Преобразилося пространно море адом,
Покрылись корабли свистящих пульей градом,
Несущи ядра смерть по воздуху гремят,
И гаснет тамо жизнь, куда они летят.
Смерть зрится на судах, и смерть в морской пучине;
Ближайший тамо шаг поспешный шаг к кончине;
Повсюду вопль и стон, не слышно там речей,
Единый слышен треск, гром пушек, звук мечей.

Текут против врагов полночны Марсы смело,
Едина в них душа, едино зрится тело.
Колико вижу там в сражении людей,
Толико видимо различных мне смертей.
Иный, кончая жизнь, не ропшет на судьбину;
Хоть видит сам себя едину половину,
Лишен обеих ног, еще он восстает,
К его спасению текущим вопиет:
«В покое умирать, друзья, меня оставьте;¹
Не мне служите вы, отечество прославьте».
Иный, имеючи пронзенну пульей грудь,
Со смертью борется, дерзая славы в путь.
Иный, уже покрыт завесой смертной тени,
С оружием в руках повергся на колени,
И ужас вокруг его свирепствует вотще,
Он, силы истощив, сражается еще.

¹ Сии были подлинные слова одного канонера, у которого ядром обе ноги оторвало.

Иные смертный сон, сомкнув глаза, вкушают,
Но лиц спокойствием живущих утешают.
Иные, на своих оружьях онемев,
Остаточный в лице изображают гнев.
Тот, рану захватя единою рукою,
Разит своих врагов и мечет гром другою.
Иный на корабле чрез край безгласен пал,
Явить, что смерти он шага не уступал.
Там руки плавают с кровавыми мечами,
Катятся там главы с потусклыми очами,
Как будто с тем они желали умереть,
Чтоб им на брань еще сквозь смертный мрак
воззреть.

Повсюду шум и стон, и понт и небо тмится,
И смерть от кораблей к другим, как вихрь,
стремится.

Куда ни обратись, увидишь ад везде;
Отвсюду молний блеск, спасенья нет нигде,
Сгустился воздух весь, земля вдали трепещет,
И в черном вихре смерть, вращая косу, блещет;
И время на крылах коль быстро ни течет,
Еще скорее Марс мечом людей сечет.

Меж страхов таковых, меж молниями плыли
Которы корабли со «Иерархом» были;
Там «Три святителя», там дерзкий «Ростислав»;
Со Долгоруким Грейг, в пример Орловых взяв,
Венцы приобрели геройскими делами;
Казалось, тени там сразились с телами,
Которых грозна смерть, ни ужас не страшит.
Тот место захватить убитого спешит;
Другой опасности войны пренебрегает,
Где больше страх разит, туда он прибегает.

Дискордия, в таких ликующа местах,
В груди имея злость, свирепость во устах,
Склокоченны власы и взоры раскаленны,
Дыханье огненно, уста окровавленны,
С улыбкой злобною на брань свирепу зрит;
Но мало для нее пучину кровь багрит,
Не сыта вокруг нее лежащими телами,

С мечом и пламенем летит меж кораблями;
Там груды зрит она поверженных людей,
Но жертва такова мала еще для ней.
Она свой пламенник трясет и возжигает
И грудью на корабль российский налегает;
Отъемля якорь прочь, к турецким кораблям
Рукой «Евстафия» толкнула по валам.
Воспламеняется Гассан¹ свирепством новым;
Встречает наш корабль, как вепрь, с лицом суровым.
Постой! к тебе летят Спиридов и Орлов;
Младый герой на все отважности готов.
Едва Гассаново движение приметил,
Подобно как Борей, врага в пучине встретил.
Феодор, брани зря решительны часы,
Имея по челу растрепанны влася,
Текущий пот с лица, трудов изображенье,
Стремится, как на пир, на страшное сраженье;
Сообщников своих объемля, говорит:
«Друзья! теперь на нас три части света зрит,
Себя мы зрелищу вселенная представим,
Умрем или свое отечество прославим!»
С сим словом на корабль турецкий полетел,
Он бросил молнии, сразился, возгремел.
Не действуют уже ни ружья, ни картечи;
Переменяется порядок ратной сечи;
Летящи по волнам друг к другу корабли
Как будто две горы столкнулись на земли;
Движеньем свергнуты с обоих бортов в море,
Теряют воины и жизнь, и вид свой вскоре.
Их сдавленны тела, несомы по струям,
Явили зрелище ужасное очам.
Срацины кроются, срацины вопль пускают!
Но россы их суда баграми привлекают,
От смертных стрел уйти враги вовнутрь бегут,
Герои северны за смертью вслед текут;
Недвижимы в волнах стоят, как будто в поле,
И расстояния уже не видно боле.
Иные, будто бы под ними есть земля,
С высокого в валы низверглись корабля;
Сей новый брани род, в середине волн плывущих,

¹ Гассан-бей-паша, предводитель турецкого флота.

Конечно, устрасил чудовищ, там живущих!
Рукой за край схватясь, иной разит врага;
Другому жизнь его не столько дорога,
Как честь отечества или монарша слава;
Таких рождаешь ты, Российская держава!

Тогда над турками победу возвестить
Хотел россиянин с кормы их флаг схватить;
Не отнял вдруг его, колико ни старался,
Меж волн и меж небес на воздухе остался.
Он, руки потеряв, его не отпустил,
Всех способов лишен, зубами флаг схватил;
Срацин его мечом во чрево прободает,
Трепещет, держится, Луну не покидает.
С такую твердостью он храбро воевал,
Доколь на свой корабль со флагом мертв упал.
Тут ратник ратника увидел пред очами;
Сразились копьями, ударились мечами,
Уставили они противу груди грудь,
Разят и грудой тел ко славе стелют путь.
Не успевает ад преисполняться жертвой,
Кто пал там, пал уже не раненый, но мертвый.
Тот в ярости пронзить мечом врага хотел,
Но сам стрелой убит, на месте онемел.
Иный не ведает о ранах попеченья
И только чувствует, что он среди сраженья,
Там вплоть отрубленна с мечом рука падет,
Но сим мечом врагу еще удар дает.
На саблю налетел там воин, штык имея,
И движется по ней достигнуть до злодея.
Как вихрь подъемлется мгновенно от земли,
Так быстро воины на мачты потекли;
Там стрелы их грудей и копья досягают,
Они зажженные орудия свергают.
Горящий пламенем и смертоносный град
Поспешно обращал Гассанов флот назад;
Но тщетно он из рук российских вырывался,
То к берегу спешил, то выше подавался;
Как зверь, запутанный в расставленных сетях,
Иль голубь, у орла биющийся в когтях,
Не может Бей-Гассан от россов отцепиться.
Ах! для чего он в понт сей час не погрузится!

Сберитесь, облака, вокруг дерзких кораблей;
Воздвигни понт, Нептун; Юпитер, дождь пролей!

Ни понт не движется, ни шумный дождь не льется,
Уже спасения нигде не остается.

Внимая между тем отважной брани сей,
Бесстрашно на нее взирает Алексей.
Безвредны россы с ним; не чающим спастись,
Не смеет смерть до них, не смеет прикасаться;
Нет места для него, летит по всем местам,
Где он, и слава тут; где он, и счастье там;
Минерва сей корабль эгидом покрывает,¹
Громам и молниям не жечь повелевает,
Кидаясь, грозна смерть противников разит,
Но храбрых россиян и смерть сама щадит;
Стенал от ран корабль, но россы невредимы;
Бессмертны войски в нем или непобедимы:
Не устрашает их военная гроза.

Тогда простер Орлов к «Евстафию» глаза,
Турецкий зрит корабль в дыму, в огне, в напасти,
У храбрых россиян почти уже во власти;
На помощь думает к Феодору лететь,
С ним вместе победить иль вместе умереть,
Но важные к тому препятствия предлежали
И дружества его стремленье удержали;
Отважность братнину он внутренне винит,
А храбрость юноши в нем сердце веселит;
Он смотрит... пламень вдруг «Евстафия»
объемлет;
Вздригнуло сердце в нем, он вопль и громы
внемлет;

Поколебалось и море и земля.
Взглянул на сей корабль — но нет уж корабля!
И брата больше нет! Удары раздаются.
Там части корабля волной морской несутся,
Покрылся облаком кровавым горизонт,

¹ На корабле «Трех иерархов» в самом деле ни один человек во время его сражения не убит, не ранен, хотя корабль в сильном огне был.

Казалось, падают из тучи люди в понт,
Какое зрелище герою, другу, брату!
Он вдруг восчувствовал невозвратиму трату!
«Погиб, любезный брат! погиб ты!» — вопиет;
И те слова твердя, беспамятен падет.
Не знаю лучшего печали сей примера,
Сей грусти, жалоб сих, как в песнях у Гомера;
В таком отчаяньи был храбрый Ахиллес,
Как Антилох к нему плачевну весть принес,
Что рок, плачевный рок с Патроклом совершился;
Несчастный друг его всех чувств тогда лишился,
И только сам себя лишь начал познавать,
Коль можно чувствами отчаянье назвать,
Повергся, возрыдав, герой на землю хладну
И грудь к ней приложил, грудь томну, безотрадну,
Со прахом белые власы свои смешал,
Зеленую траву слезами орошал;
Искал оружия, просил у предстоящих,
Для пресечения мучений, дух томящих.
Великою душой и мужеством таков,
Но тверже во своем отчаяньи Орлов;
Познав, что брата слез поток не воскрешает,
Отмщать за братню смерть срацинам поспешает;
Он видит вокруг себя стоящи дружбу, честь,
Родство, отечество, на праведную месть
Геройский дух его ко подвигу зовущих,
«Проснись, Орлов! и мсти за брата!» — вопиющих.

Как страшный, отходя от человека, сон
Еще крутит его и извлекает стон, —
Так, скорбию своей Орлов обремененный,
Подвигся храбростью и местью распаленный;
На власть небесную устами он роптал,
Но сердцем божеский он промысл почитал;
«Пойдем, друзья мои! — вещает предстоящим, —
Ударим вслед врагам, от нас уйти хотящим,
Злодеев истребить геройский подвиг есть!
Исполнить то велят Россия нам и честь;
Нам кровь, текущая с кипящими струями,
Феодорова тень, вися над кораблями,
Друзья вещают нам, которых мы не зрим,
Что страждут души их, коль мы не отомстим!

За флотом сих убийц мы свой корабль направим,
Умрем или отмстим, отечество прославим!»

Уже на парусах корабль его бежал,
Уже он мыслями злодеев поражал.
Таков был Александр, когда он через стену
Один перескочил к индейцам в Малиену,
Один с мечом напал на множество врагов;
Тогда-то прямо был герой в числе богов.
Подобен храбростью герою таковому,
Орлов летел вослед с перуном бею злому.
Хотя б против него всех вызвал Зевс богов,
Пошел бы против них без робости Орлов;
Он камни страшные и мели презирает
И флоту русскому дверь славы отворяет.

В то время легкие турецки корабли
В залив, как в нору змей, поспешно потекли;
Оставили во власть нам кровь свою и море.
Постойте, варвары, мы вас достигнем вскоре!
Постой и ты в волнах, стой, о храбрый муж!
Не должно тяготить тоске великих душ;
Дни брата твоего не скоро пресекутся:
Любовь сама о нем и грозный Марс пекутся.
Беллона пламенник не скоро потушит,
Но скоро у тебя ток слезный осушит.
Ты мщением теперь против срацин пылаешь,
Но будешь сожалеть о том, чего желаешь;
Не жаждешь крови ты злодея своего,
Спокойства жаждешь ты отечества всего;
Через победы нам драгого ищешь мира.
Дождись его и пой, моя усердна лира!

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О вы, кем света вся колеблется громада,
Всходящи к небесам, касающиеся ада,
Стихии страшные, огонь, вихри и вода!
Столпы вселенныя вы движете всегда;
Рушители градов и нашего покоя!
Вы в первый в свете раз смягчились для героя:

Спасли Феодора в ужасный смерти час,
Спасли и для него, для братьев, и для нас;
Смерть с грозною косою на понте свирепела,
Но, с ним встречаяся, героя пожалела;
Валы кипящие и бурные огни
Умели пощадить его цветущи дни.

Однако брат его свидетель рока злого,
Пылая мщением, не чувствует иного;
Сквозь вихри пламенны, чрез волны он летит,
И хочет умереть, когда не отомстит.
Так ястреб, в высоте за пищу летящий
И стадо голубей по воздуху гонящий,
Не внемлет ужасу гремящих туч вокруг
И, как стрела, падет в средину стада вдруг.
Достиг бы турков он в единый миг в пучине
И в жертву гордость их принес Екатерине.
Но волн среди когда отмщением горит,
Летящее к нему поспешно судно зрит,
И плователи в нем, подъемля к небу руки,
Разносят радостны в пространном море звуки;
На сей час к малому спокойствию возвращен,
Подумал Алексей, что брат его отмщен,
Что небо свой перун на турков ниспустило,
Что море двинулось и флот их поглотило.
В такой свирепости рок был бы справедлив!
Он внемлет вестнику, и внемлет: «Брат твой жив!
Он жив! и к берегу направил ход морскому».
Не верит счастью печальный брат такому.
Являлся некогда несчастливым таков
С крылатою главою посланник от богов.
Морские нимфы глас веселый в понте внемлют,
Зеленые главы из глубины подъемлют
И, видя россиян в восторге средь валов,
Со плеском к ним текут и слушают их слов.
Сыны Эоловы на час остановились,
Тритоны с мелкими струями появились,
Зеленая волны наяды не прядут
И в общей радости участие берут.
К герою посланный о брате повествует;
Он верит, и его как брата он целует,
Дары ему дает, объемлет он его;

Друзья его в слезах объемяют самого;
Веселье чувства их толь живо написало,
Как будто бы у всех по брату воскресало.
От вестника герой не отвращает глаз,
О брате повторять велит ему сто раз
И, слушая о нем, не может слез отерти:
Колико близко он приблизился ко смерти!

И вестник тако рек: «Лишь только корабли,
Бросая молнии, друг к другу притекли,
Как будто бы землей соделалось море,
Мы сблизились и в бой с врагом вступили вскоре;
Прижав ко груди грудь, мы с турками дрались,
Потоки с корабля кровавы полились,
Осталось менее живых, чем убиенных;
Мы стоя на телах сражались пораженных,
Ни мужества твой брат, ни силы не терял,
Своим примером он россиян ободрял.
«Мы славу кровию российскую искупим,
Умрем! но лавра мы победы не уступим», —
Феодор так вещал; твердя геройску речь,
Кидался первый он на копыя и на меч;
Где паче смерть свою свирепость изливала,
Туда его и честь и храбрость призывала.
Мы, следуя за ним, теснились вокруг его;
Хотели умереть и с ним и за него.
Я должен почитать в герое и злодея:
Мы зрели храбрый дух в сраженьи Гассан-бея;
Как молния, с мечом повсюду он летал,
Казалось, гром на нас из рук своих метал,
И лавр ему отдать мы стали б принужденны,
Когда б не россами мы были в свет рожденны:
Увидя близко смерть, мы смерть пренебрегли;
Летели на мечи, дрались, рубили, жгли.
Уже паша слабел и робок становился:
Вдруг пламень в корабле турецком появился!
Отчалить свой корабль одно спасенье нам,
Оставя в жертву их пожару и волнам,
И с вами к торжеству победы соединиться;
Не могут корабли друг с другом разойтись;
Подъемлем якори, но силимся вотще,
Горим и в пламени сражаемся еще;

Тут огонь противу нас, там сабли, там пучина:
Дороги к жизни нет, видна везде кончина;
Повергнуться в валы, во пламени ль сгореть,
Равно везде, равно погибнуть, умереть.
Смерть мрачны двери нам со всех сторон отверзла;
Среди огня у нас на время кровь замерзла;
Не море, не огонь, не буря нас страшит,
Но то, что случай злой победу не решит,
Что в первый раз бежать от турка принужденны.
Непобедимые пожаром побежденны!
В пучине от него спасенья россам нет,
Дыханье тушит огонь, от дыму меркнет свет,
Зардевшись от огня, над нами твердь трясется,
Пожар, как быстрая вода, в корабль лиется;
Спасенье в ужасе осталось нам одно,
Спасенье страшное: морской пучины дно!
Твой брат в ладью спущен. Прерви ту повесть, муза;
Представь на воздухе, в огне и в понте Круза;
Остался в море он «Евстафия» спасать,
Перуны ко врагам и молнии бросать.
Уже россияне победу вострубили,
Бегущих с кораблей они срацин рубили:
Гассан в сражении две язвы получил,
Трепещущ, с корабля в ладью Гассан ссочил;
Его в объятие отчаянье приемлет,
И весь турецкий флот победе нашей внемлет;
Сняв якори, от нас, как враны, прочь летят,
Людей, ни корабля спасати не хотят.
Зажженна мачта вдруг поверглась от злодеев
И наш корабль зажгла! Круз храбрый и Плещеев
Ревущим пламенем на воздух взнесены,
Но божьим промыслом от смерти спасены:¹
Низвержены к волнам, в пучине с смертью быются
И туркам отомщать безвредны остаются.
С сей вестью радостной меня твой брат прислал,
И радости такой весь флот наш соплескал...»

Тогда, вообразив событность толь чудесну,
Герой возвел глаза на высоту небесну,

¹ Крузово и Плещеево спасение сколь ни удивительно, но оно верно и справедливо.

Он бога, мнилось, во славе полной зрит;
«О боже! — в радостном восторге говорит, —
Прости мне прежнюю души моей тревогу;
Мы все живем во тьме, но всё известно богу;
Исчислены давно дни наши у тебя,
Мы должны всё сносить, твой промысл возлюбя...»
Вещал — и более героем он явился;
Ток слезный отерев, к стоящим обратился.
Сокровища свои он вестнику вручил,
Промолвив: «От тебя я больше получил:
Ты весть приятную, мне весть принес о брате,
Цены той жизни нет, как не было б и трате».
При сладкой радости его внимают стон,
Что перстня у себя не обретает он.
Лице Минервы в нем изображенно было,
Которо храбрые сердца в войне живило.
Но тщетно сей урон, Орлов, тебя горчит:
Сим перстнем он моря богине обручит,
Ты сей дражайший знак Нептуну в дар оставил,
Пред кем отечество и сам себя прославил.

На варваров герой вдали спокойно зрит,
В смятении к Чесме турецкий флот бежит;
Дрожаща робость им и страх и стыд внушает,
Колеблет мачтами и парусы мешаает,
Спираются в волнах друг с другом корабли,
Колеблются в водах, касаются земли.
Как стадо, в коем страх вран хищный производит,
В дубровах кроется, так флот в залив уходит.
«Хотя во глубине морской себя сокрой,
Достигну я тебя!» — к срацинам рек герой.
Слова его берега и волны повторили
И вящий страх в сердца турецкие вперили.
Орлов! от рук твоих сей варвар не уйдет;
Оставь его на час, тебя Феодор ждет.

Стремится к брату он как быстрыми крилами
На малой ладии меж грозными валами;
Смиряется, его увидя, бурный понт,
И расчищается туманный горизонт;
В восторгах Алексей от радости трепещет,
Он взоры быстрые в пространно море мечет;

Очами ищет он в нем ботика сего,
Где брата думает увидеть своего:
Увидел! — раздались в волнах веселий звуки;
Друг к другу издали они простерли руки
И, будто по волнам бежать они хотят,
Друг к другу с током слез в объятия летят.
Их радость извлекла приятное стенанье,
Сомкнулись их уста и пребыли в молчанье.
Растрогались у всех сим зрелищем сердца,
Тот брата любит в них, тот друга, тот отца.
Восчувствовали все в минуту предлежащу
И грусть прошедшую, и радость настоящу;
Не горький ток из глаз, но сладостный течет,
Их души, кажется, к двум братьям в грудь влечет.
Так небом некогда терзаемый и адом,
Орест увиделся с возлюбленным Пиладом;
Колико прежде он ни злополучен был,
В объятых дружеских печаль свою забыл.

При сем свидании два брата получали
За скорбью радости, за радостью печали.
Разнесшийся тогда по океану дым
Плачевно зрелище в волнах представил им:
Взирая смутными на бурный понт глазами,
На следствия войны взглянули со слезами;
В кровавых там струях вращаются тела,
Которы, поглотив, пучина отдала;
К судам их приплыли безгласны, блédны, мёртвы,
Как будто требуют от них за подвиг жертвы.
На бедствие сие Феодор с плачем зрит
И, брата своего объемля, говорит:
«Се воины, струи пьющие кровавы,
Участники моей и нашей общей славы!
Без оных, может быть, ты брата б не видал
И, как о них теперь, о мне бы возрыдал.
Об вас Россия вся, о други! пожалеет,
И наша кровь за вас отмстить не укоснеет.
Когда ж вам рок судил отечества не зреть,
Коль славно за него толь храбро умереть!
Се наших воинов тела неустрашимых,
Лишенных живота, но в нем непобедимых!
Се кровь российскую приносит к нам волна!

И требует от нас отмщения она:
Пойдем, любезный брат! злодеев востревожим,
Отмстим за братьев иль жизнь за них положим!»
Уже он мыслями злодеям вслед летел
И медлить мщением в пучине не хотел;
Но видит, что вдали бросают волны тело,
Он смотрит на него — в нем сердце закипело;
Трепещет, стонет он, на волны обратясь,
И кажется ему вдали Козловский князь!
Смущает душу в нем свирепая судьбина;
«Увы! — он рек, — тебя как брата мне, как сына,
Отец твой мне тебя, любезный друг, вручил.
Ты умер! старца я навеки огорчил!»
Ах! будь позорище сие пустой мечтою,
Козловский может быть не поглощен волною!
Когда же скрылся ты навек в морских волнах,
Так гроб твой у твоих друзей теперь в сердцах.

О муза! удались от жалостных явлений,
С слезами не сливай войне приличных пеней,
И жалобы твои и слезы прекрати,
Со мной в турецкий флот, ко Чесме прелети.
Кровавую войну и битвы ненавижу;
Но следствия ее во смутном духе вижу,
Я вижу в кораблях отчаянье, тоску,
Разбросанны тела по желтому песку!

Средь понта вижу я турецкого дракона,
Он стонет у берегов, не прерывая стона.
Томится мутный дух, и сердце в нем дрожит,
Пронзенный в грудь мечом в крови своей лежит.
Смыкаются его отравой полны очи,
Над ним простерся мрак и сени вечной ночи;
Мутится там вода и вянет вокруг трава,
Где томная лежит драконова глава;
Орловыми глава во брани изъязвленна,
Скрываясь от них, быть чае исцеленна.
Таков турецкий флот был робок, но кичлив,
Ушел от кораблей российских в свой залив,
Еще вокруг себя он прежни громы внемлет
И каждую струю за наш корабль приемлет,
И тени собственны, и ветров легкий шум

Россиян с молнией изображает ум.
Степанов страх и смерть понес в Чесмесски волны,¹
Которы ужасом, бедами, кровью полны.

Российский гений в понт с Степановым летит,
Кровавы воды в огонь он скоро превратит.
Полночными в бою ударами разженна,
Луна багровеет, серпом изображенна;
Чернеет океан вокруг робких кораблей;
Кровавая роса сгустилась над землей;
Течение косо в мир блистательного Феба,
И кажется, в валы валяются звезды с неба;
Ревет глубокий понт, и стонут берега;
В дыму им видятся и горы, и луга;
Всё кажет смерти вид, всё туркам страх наводит;
Но черный яд из уст драконовых исходит;
Единым оком он заснув, другим не спит,
Российский видя флот, места свои крепит.
И стыд его в волнах, и злоба угрызает;
Пронзен копьем, еще он двигаться дерзает,
Он хочет шествие россиянам препнуть,
Подъемлет он главу, свою подъемлет грудь.
Гассан, Гассан, тебя отважность не избавит.
Твоей судьбой Махмет, а нашей бог наш правит.
Пускай горит земля, волнует океан,
Ничто не уstraшит отважных россиян.

Срацины с ужасом в пристанище сокрылись,
Не укротилися они — остервенились;
О защищении к пророку вопиют,
Но посреде молитв лишь только слезы льют.
Стенания в бою погибели предтеча,
В чем скоро убедит срацин кровава сеча!
Кто смел российскую Минерву раздражить,
Тот казни заслужил и недостоин жить,
Потомки казнь терпеть Агарины достойны,
Они в уме всегда строптивы, беспокойны.
Готовы молнии, уже готов удар,

¹ Будучи послан к северной части Чесмесской бухты, сбил турков с поставленной ими на берегу батареи и пушки с оной перевез на свой корабль.

К ним искра упадет и воспалит пожар,
Затмится и Луна, и гордость Оттоманов.
Пришел и снял с берегов оружия Степанов...
Простерла мраки ночь!.. Но, муза, отдохни,
Ты брани петь должна, страх, ужасы, огни.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Разрушить гордые ограды Илиона
Сходила в облаках блестящая Юнона;
И, Трою истребить хотящая вконец.
Ахейских мщение возжгла она сердец.
Преополчились бессмертные герои
На разорение обманчивыя Трои.
Минерву в облаке наш флот над понтом зрит,
Екатеринин дух пред ним к Чесме парит;
Но греческих градов не хочет разоренья,
Парит кичливости срацинской для смиренья.
Когда сокрылося в волнах светило дни,
В сердцах геройские возжгла она огни.
И храбрый Гектор пал, он пал под Илионом,
И стены рушились, взведенны Аполлоном;
От россов туркам ли сокрыться в кораблях?
У них Паллада их и в мыслях, и в сердцах.

Представь, о муза! мне позорище плачевно,
Где битвы, где пожар, где кровь, где море гневно,
Средь флотов на крылах в ночи остановись,
Тех робости, других бесстрашию дивись.

Уже простерлася над понтом риза ночи,
Отверзлися небес недремлющие очи,
Луна дрожащая открыла бледный зрак,
Срацинам пущий страх ночной наводит мрак,
От их смущенных душ спокойствие уходит;
Их малый шум в струях в отчаянье приводит,
Хотят, чтоб ввек от нас их скрыла ночи тень,
Хотят, чтоб им явил движенья наши день,
Хотят отдаться в плен, сражаться с нами чают,
Хотят — и ничего умом не заключают.
В волнениях души, в смятении сердец
Умреть иль победить решились наконец,

Им тень, дрожаща тень в крови сквозь мрак явилась,
Которая в волнах в день брани погрузилась,
И внемлют от нее срацины тусклый глас:
«Крепитесь, бодрствуйте! Орловы близко вас.
Российская рука на вас перун подьмлет».
Умолк. — Гассан словам стнящей тени внемлет,
Велит сомкнуть свой флот, брега кругом крепит,
Не спит геройский дух, и робкий дух не спит!
Свирепа смерть с огнем за валом укрывалась,
Нечаянно напасть на россов порывалась;
Погиб бы весь наш флот, причины бед не зря,
Но ангел, в области имеющий моря,
От турков облаком, как ризою, закрылся,
И светлую звездой россиянам явился;¹
К заливу корабли идущи освещал.
Он лирным голосом героям так вещал:
«Оставьте ко врагам опасную дорогу!
Победы россам пальм вручить угодно богу;
Вас здесь с перуном смерть и с молниями ждет,
Там путь ваш!» Росский флот другим путем течет;
Уже, вивсь в руках, у них сверкают громы
И рвутся сжечь врагов колеблющихся дома.

К златому шел руно без трепета Язон,
И громы презирал, и бурный пламень он;
Разил чудовища, волшебну ветвь имея,
Котору хитрая составила Медея;
Драконы пламенны и огненны волы,
Колико ни были свирепы, грозны, злы,
Хоть ад против него все ужасы подвигнул,
Прошед сквозь огонь, сквозь дым, Язон руна достигнул.

В намереньи своем был тверд и храбр таков
С российским воинством дерзающий Орлов:
Оружия с берегов им встречу возгремели,
Но души вы, орлы, геройские имели;
Без трепета к врагам среди смертей текли,
Но ветвь Медеину в руках своих несли,
Не страшен россам гром, ни бурная пучина;

¹ От зажжения турецкого корабля, когда осветились берега, увидели россияне новую неприятельскую батарею.

Их ветвь, надежда их, их бог — Екатерина.
Она в морях им щит, ограда на земле.
Уже в залив они Чесмесский притекли,
В который убежав, турецкий флот трепещет;
Но яд еще сей змий в отчаянии мечет.
Тогда составили начальники совет,
Дабы предупредить осадой солнца свет.
Пренебрегающий и адом, и Нептуном,
Со брандерами Грейг подвигся, как с перуном;
Там Дугдал, пламенем и громом вооружен,
Бросал его к врагам, весь пламенем ожжен.¹
Вручает слава ветвь, вручает ветвь лаврову
Кидающему смерть к срацинам Клокачеву.
Как будто нес главу Горгоны к ним в руках;
Окаменение Ильин² навел и страх;
Он бросил молнию в их плавающие дома,
Ударили со всех сторон российски грома;
Там бомба, на корабль упав, разорвалась,
И смерть, которая внутри у ней вилась,
Покрыта искрами, из бомбы вылетает,
Рукою корабли, другой людей хватает:
За что ни схватится, всё гибнет и горит;
Огонь небесну твердь, пучину кровь багрит;
Подъемят якоря, от смерти убегают;
Тесняся, корабли друг друга зажигают.
Вопль, шум и томный крик пронзают горизонт,
Казалось, горит кругом земля и понт,
Как будто целый мир приблизился к кончине.
Волнуется огонь и дым в морской пучине,
Пожар на небеси, в воде и на берегах,
Везде отчаянье, напасть, смятенье, страх;
Погибель у срацин и смерть перед очами,
Она вооружена огнем, косою, мечами, —
И пламень, став столпом, пучину озарил,
Срацинам гробы их во глубине открыл.
Так Тартар, где Плутон преступников карает,
Во мраке бледный огонь, волнуясь, озаряет,

¹ Г. Дугдал не успел скоро сойти с брандера, и оным несколько поврежден.

² Подшед к турецкому кораблю и сцепясь с ним, зажег брандер, отчего вдруг все загорелись корабли.

Он светит грешникам в геенне показать,
Какие муки их готовятся терзать.
Открылось кровию волнующееся море,
Которое их флот поглотит с ними вскоре.
Полусожженные срацины в понт падут
И собственную кровь с водой смешенну пьют.
Кипящая вода огня не потушает,
Свирепый огонь в судах воды не осушает;
Висящих в воздухе на мачтах смерть сечет,
За ними по воде, по кораблям течет.
Нигде убежища срацины не находят;
Напрасно очеса на небеса возводят,
Покрыты тучами гремящими они,
Везде свирепствуют земля, вода, огни;
В отчаяньи клянут султанское веленье,
Подвигшее их флот к Чесме на потопленье,
Бессилен зрится им пророк их Махомет,
Который в жертву их неверным отдает.
На время позабыв кичливое свирепство,
Неизбежимое иные видят бедство,
К российским кораблям среди огней плывут
И к помощи своей врагов своих зовут;
С умильностью на них россияне взирают¹
И руку помощи злодеям простирают;
О страждущем они вздыхают естестве,
И соболезнают герои в торжестве;
Где все стихии вдруг на турков ополченны,
Одни россияне там были умягченны;
Враждуют небеса, свирепствуют огни,
Но жалость чувствуют россияне одни;
Печально следствие кровопролитных боев
Заставило вздохнуть под лаврами героев;
Они, врагов поправ, во смутном духе зрят,
С какою их суда свирепостью горят.
Наполнился залив сожженными телами.
При зрелище таком кто льстится похвалами?
Преобратилася в багряню кровь вода!
Зла парка начала ослабевать тогда,
И пряха скорая из рук у ней валится,

¹ Россияне, к чести всего отечества и нашего века, утопающих неприятелей своих спасали и безвредными оставили.

Серпом она своим престала веселиться;
Итак, суждением разгневанных небес,
Как Троя, в ночь одну турецкий флот исчез;
Покрыты кровию, и пепелом, и прахом,
Трепещущи брега на пламень зрят со страхом;
Гром страшный возгремел из вод в последний раз,
Поколебался понт и горы в оный час;
Потухли в облаках написанны пожары,
Промчались далеко подземные удары.
На бледную Луну со страхом Смирна зрит
И, слыша, что у ней в стенах земля дрожит,¹
Помыслила, когда ограды потряслися,
Что россы с Тартаром и с небом вдруг дралися;
Что новый Махомет и новый Геркулес
Один пошел во ад, другой на верх небес,
Цербера и луну они во гневе рубят;
Что россы меч несут победы, близко трубят.
Противу христиан подвиглось мщенье вновь,
По улицам рекой их льется в Смирне кровь.
Постойте, варвары, упорный дух смирите,
Во победителях спасителей вы зрите!
Вам слава говорит: незлобтивы они,
И драгоценны им людей несчастных дни.

Уже свирепый огонь у Чесмы погасает;
От пламени корабль турецкий² Грейг спасает;
Победа такова промчится в род и род,
До коей достигать не мог другой народ;
Россия превзошла геройские примеры,
И храбрость наших войск едва достойна веры:
В едину Троя ночь во прах превращена,
Но десять лет была кругом осаждена.
Здесь славу россиян победа увенчала:
День начал, вечер длил, ночь подвиги скончала;
Горящий Троя град ахеев веселит,
Здесь каждый о враге россиянин болит;
Здесь каждый на врага болезненно взирает,
К биющимся в волнах он руку простирает;

¹ На несколько верст кругом слышен был звук под землей около места сражения и до самой Смирны вскоре достиг.

² Сей корабль назывался «Родос».

Низводит с корабля, из волн его влечет,
«Мы сокрушили флот! и полно мстить!» — речет;
Толико короткими утешена сердцами,
Венчала слава их лавровыми венцами.

Уже с лица земли ночная крылась тень;
И Феб из глубины выводит светлый день;
Остановляется, на понт простерши очи,
Что флот покинул он во мраке темной ночи,
И тамо не нашел, где прежде зрел его;
Он видит огонь и дым, и больше ничего.
О солнце! бледная луна то показывает,
Коль скоро бог врагов российских наказует;
Теки, и россиян по всей вселенной славь,
А сожаление героям предоставь;
Их день веселости торжественной лишает,
И слава собственна едва ли утешает:
Какое зрелище чувствительным сердцам,
Когда простерли взор далеко по волнам?
Не воду вокруг судов, но кровь кипящу видят,
И ужасы войны и славу ненавидят;
Сгустился весь залив от плавающих тел!
Затворим очи мы не зреть плачевных дел;
Герой торжественных венцов не получает
За то, что ближним он погибель приключает,
Великодушие вручает нам венец,
А паче славит нас чувствительность сердец.
Таких в России зрим мы Сципионов новых,
Достойнейших венцов оливных и лавровых!
Смущаемы они погибелью врагов,¹
Достигли во слезах Чесмесских берегов.
Там, кажется, поля, леса и горы стонут:
Там руки, там главы, в крови срацины тонут;
Восходит к небесам с полей багровый дым,
Струятся, кажется, срацински души с ним
И купно, будто дым, навеки исчезают,
Иные, жизнь кончав, власы свои терзают
И дерзость в подвигах Гассанову клянут,
Но победителей, страдая, сердцем чтут.

¹ Чувствительность сих героев о несчастьи турок всему свету известна; она и после победы к неприятелям оказывана.

И победители, забыв свою досаду,
Приносят пищу им и помощь им в отраду,
Врачуют раны их, спасают их живот.
Состраждет кто врагу, великодушен тот!
Таких возлюбленных имеем мы героев,
Они, как братьев, чтут злодеев после боев.
И будут вечно тех героев музы петь,
Которы побеждать умеют и жалеть;
Которы правилом врагов прощенье ставят,
Нас добрые дела геройских паче славят.
На огонь, на дым, на кровь с печалию воззрев,
О супротивниках сердечно возжалев,
О следствиях войны герои воздохнули
И правила своей Минервы вспомянули,
Которыя душа кротка, каков зефир,
Которая войнам предпочитает мир;
Оплакали войну и возжелали мира,
Да мира сладости моя разыграет лира.

Внемлите, музы, мне, внемли, пространный свет,
Наш флот вооружить кто первый дал совет —
Достойно соплести венец сему герою;
Не хочет он того, молчит, я тайну скрою!

Сыны отечества, несущие главы
За веру, за престол, прославили нас вы!
Запечатлели вы российску славу кровью;
Возжжены к своему отечеству любовью,
Стремитесь защищать супруг, друзей, сынов,
Но забываете о них среди врагов.
О вы, защитники отеческих селений,
И чад, и матерей, и славы, и имений!
Когда среди войны вас грозна смерть ссечет,
Чад ваших чадами Россия наречет;
Когда вы матерей, родивших вас, лишитесь,
Отечество вам мать, вы к ближним возвратитесь.
Вселенная теперь на вас простерла взор,
О вас теперь гремит в Европе разговор:
Вы в прах надменну мысль срацинску обратили,
За дерзость их, за злость, за греков отомстили,
В Морее страждущи утешили сердца, —
Достойны, россы, вы лаврового венца!

Там слава, свой полет с трубами простирая,
Воздвигла вам трофей у бурного Дуная;
С Румянцевым гремят геройски имена,
И в поздние они промчатся времена.
Являютobelisk рассыпанны Бендеры,
Там вашей храбрости пребудут ввек примеры;
Вписала слава там на башнях, на вратах:
Здесь Панин был и гром оставил на стенах;

Доколе гордая луна на небе блещет,
Взглянув на русский флот, на Чесму, затрепещет;
Доколе будет понт в брегах своих шуметь,
Чесмесский станут бой морские нимфы петь;
И слава россиян, гремящая в Морее,
Чем доле свет стоит, промчится тем громче.
Я славны подвиги героев наших пел,
И буду не забвен, когда их петь умел.

Но ты в полях еще, Россия со перуном,
Еще ты действуешь и с Марсом, и с Нептуном,
Еще Архипелаг меча ее дрожит;
И Крым еще у ног монарших не лежит;
Еще не в Мраморном плывут герои море.
Но, может быть, главу Стамбул преклонит вскоре,
Священные верхи София вознесет
И Мекка ложные гробницы не спасет.
Вскурятся, Накс, тебе приятны ароматы
Во греческих церквах без дани и без платы.
И нектар, преж сего дарующий богам,
Бессмертно питье отправит Хио к нам;
Офиты древние прейдут в страны российски,
И сложатся из них героямobeliski.
Услышим наконец веселых голос лир,
Поющих в торжестве любезный царствам мир.
О, если бы войну забыли человеки,
Давно бы на земли текли золотые веки!
Но близок, может быть, приход золотых веков!
И греки из своих исторгнутся оков.
Из вечных книг сии пророчества читаю;
Увидим!.. Я молчу — и лиру покидаю.

РОССИАДА

Поэма эпическая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское государство в самые отдаленные времена, которые нам древние историки известными учинили, было сильно, соседям страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой европейской державе славою, силою, изобилием и победами, по тогдашнему государств состоянию, не уступало; а пространством своим все прочие, как и ныне, превосходило. Но после великого князя Владимира расторжение России на разные доли, удельные княжества, междоусобия, неурейства и властолюбие размножившихся князей время от времени силы ее истощать начинали; а наконец бедственному игу хищных орд поработили. С того времени угасла прежняя российская слава и в целом мире едва известную учинилась; она под своими развалинами в забвении близ трех веков лежала. Сие жалостное и позорное состояние, в которое Россию набеги татар и самовластие их погрузило, отторжение многих княжеств, прочими соседями у ней похищенных, беспокойство внутренних ее мятежников, вовсе изнуряющих свое отечество, — сие состояние к совершенному падению ее наклонило. Зло сие простерлось до времен царя Иоанна Васильевича первого, вдруг возбудившего Россию, уготовавшего оную к самодержавному правлению, смело и бодро свергшего иго царей ордынских и восстановившего спокойство в недрах своего государства. Но царство Казанское при нем еще не было разрушено; новгородцы еще не вовсе укрошены были; соседственные державы должного уважения к России еще не ощутили. Сия великая перемена, в какую сие государство перешло из слабости в силу, из уничижения в славу, из порабоще-

ния в господство, сия важная и крутая перемена произошла при внуке царском Иоанне Васильевиче втором, который есть герой сея поэмы.

Итак, не должно ли царствование Иоанна Васильевича второго поставять среднюю чертою, до которой Россия, бедственного состояния достигнув, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близ трех веков ею утраченную? Когда вообразим в мыслях наших государство, совсем расстроенное, от соседственных держав угнетенное, внутренними беспокойствами раздираемое, несогласием многоначальства волнуемое, иноверцам порабощенное, собственными вельможами расхищаемое, когда все сие вообразим и представим себе младого государя, самодержавную власть приемлющего, неустройства в отечестве искореняющего, сильных и страшных неприятелей державы своей поправшего, многоначальство обуздывающего, мятежников в недрах отечества усмирившего, отторженные соседями грады возвращающего и целые государства своему скипетру присовокупившего, несогласие и гордость бояр укротившего, благоразумные законы подающего, воинство в лучший порядок приводящего, — не почувствуем ли уважения толь великого духа к государю?.. Таков был царь Иоанн Васильевич!

Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Великий за честь поставлял в мудрых предприятиях сему государю последовать. История затмевает сияние его славы некоторыми ужасными повествованиями, до пылкого нрава его относящимися, — верить ли толь не свойственным великому духу повествованиям, оставляю историкам на размышление. Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным проименован, ни до намерения моего, ни до времени, содержащем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются.

Воспевая разрушение Казанского царства со властью державцев ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращенное благоденствие не одной особе, но целому отечеству, почему сие творение и «Россиадою» названо. Представляю младого монарха; лаврами увенчанного; сего монарха, о котором и г. Ломоносов в краткой Российской летописи утверждает, что сей царь уже по смерти первой своей супруги Грозным учинился и что неустройства бояр, наподобие крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо после взятия Казани. Прославляю

совокупно с царем верность и любовь к отечеству служивших ему князей, вельможей и всего российского воинства. Важно ли сие приключение в российской истории? Истинные сыны отечества, обзрев умом бедственное тогдашнее России состояние, сами почувствовать могут, достойно ли оно эпопеи... а моя поэма сие оправдать обязана.

Издавая в свет сей осьмилетний мой труд, ныне в третий раз исправленный и во многих местах дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки оногo, в сравнении с другими эпическими поэмами. Слабо сие сочинение, но оно есть первое на нашем языке; а сие самое и заслуживает некоторое извинение писателю.

Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупил к тому небольшие анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 году. Но да памятуя мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в деписаниях поэмы искать не должно. Многие отметил я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал. Успел ли я в предприятии моем, о том не мне судить; но то неоспоримо, что эпические поэмы, имеющие в виду своем иногда особливые намерения, обыкновенно по таковым, как сия, правилам сочиняются.

ВЗГЛЯД НА ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

В «Илиаде» Гомер воспевает гнев Ахиллесов за похищение его невольницы Бризеиды царем Агамемноном, гнев, толико бедственный грекам и Пергаму; кровавые битвы, пагубу осаждающих и пагубу осажденных троян. Патрокл, друг Ахиллесов, убит Гектором, он мстит за своего друга — убивает храброго Гектора, и тем поэма оканчивается.

В «Одиссее» воспето десятилетнее странствование итакского царя Улисса; возвращение его в дом свой и страшное избиение любовников Пенелопиных, которое «Минстерофанией» наречено.

Вергилий в несравненной «Энеиде» воспел побег Энеев из разоренной греками Трои, прибытие его в Карфагену, любовь его с Дидоною, неверность его к сей несчастной царице. Другой побег его, в Италию, где, убив Турна, сопрягается он с Лавиниею, невестою сего почтенного князя.

В «Погубленном рае» важный Мильтон повествует падение пер-

вого человека, вкушение запрещенного плода, торжество дьявола, изгнание Адама и Евы из рая за их непослушание, и причину злополучия всего человеческого рода.

Волтер начинает свою «Генриаду» убийством Генриха III, а оканчивает обращением Генриха IV из одной религии в другую, — но прекрасные стихи его всё делают обворожительным.

Армида в Тассовом «Иерусалиме», прекрасная волшебница Армида есть душа сей неоцененной поэмы; ее хитрости, коварства, ее острова, ее нежности, ее самая свирепость по отбытии Ренода восхитительны, но не суть назидательны.

Пробежим «Лузиаду» Камонсу и «Фарзалию» Луканову. Первая есть странствование лузитанцев в Африку, обретение некоторых новых земель — сказания и чудесности. Вся сия поэма есть пиитическое повествование, в коем и сам поэт имел участие. Но повествование, живою кистью писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея пренязщных картин, непорядочно расставленных, но каждая из них восхищает, трогает, удивляет и в память врезывается.

«Фарзалию» многие нарицают газетами, пышным слогом воспетыми; но сии газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями; в ней воспета война Юлия с Помпеем; при всем том поэма недокончена певцом своим и не была исправлена.

Для тех сие пишу, которые думают, будто эпическая поэма похвальною песнию быть должна. Эпическая поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода, — таков есть «Погубленный рай» Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, ко преобразению его послуживший, — такова должна быть поэма «Петр Великий», которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили.

К такому роду поэм причеть должно «Генриаду» Волтерову — и мою «Россиаду», не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходной эпопеей Волтеровой. Горе тому россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства! Надобно перейти мыслями в те страшные времена, когда Россия поработана была татарскому игу, надо

вообразить набеги и наглости ордынцев, внутрь нашего государства чинимые, представить себе князей российских, раболепствующих и зависящих от гордого или уничижительного самовластия царей казанских, видеть правителей татарских не только по городам, но и по всем селам учрежденных и даже кумиров своих в самую Москву присылающих для поклонения им князей обладающих, надобно прочесть внимательно всю историю страдания нашего отечества во время его порабощения ордынцам, — и вдруг вообразить Россию, над врагами своими торжествующую, иго мучителей своих свергшую, отечество наше, победоносными лаврами увенчанное, и молодого государя, прежним своим законодателям кроткие законы предписующего.

Читатель! ежели, проходя все сии бедства нашего отечества, сердце твое кровию не обливается, дух твой не возмутится и наконец в сладостный восторг не придет, — не читай мою «Россиаду» — она не для тебя писана — писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну;
Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.
Из круга сих времен спокойных лет начало,
Как светлая заря, в России воссияло.

О ты, витающий превыше светлых звезд,
Стихотворенья дух! приди от горних мест,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вечность! мне селений тех врата,
Где вся отвержена земная суета,
Где души праведных награду обретают,
Где славу, где венцы тщетою почитают;

Перед усыпанным звездами алтарем,
Где рядом предстоит последний раб с царем;
Где бедный нищету, несчастный скорбь забудет,
Где каждый человек другому равен будет.
Откройся, вечность, мне, да лирою моей
Вниманье привлеку народов и царей.
Завеса поднялась!.. Сияют пред очами
Герои, светлыми увенчанны лучами.
От них кровавая казанская луна
Низвергнута во мрак и славы лишена.
О вы, ликующи теперь в местах небесных,
Во прежних видах мне явитесь телесных!

Еще восточную России древней часть
Заволжских наглых орд обременяла власть;
На наших пленниках гремели там оковы,
Кипели мятежи, росли злодейства новы;
Простерся бледный страх по селам и градам,
Летало зло за злом, беды вослед бедам;
Курений алтари во храмах не имели,
Умолкло пение, лишь бури там шумели;
Без действия в поле плуг под тернами лежал,
И пастырь в темный лес от стада убежал.
Когда светило дня к полуночи взирало,
Стенящу, страждущу Россию обретало.
В ее объятиях рожденная Казань
Из томных рук ее брала позорну дань;
Сей град, российскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Подняв главу свою, при двух реках стоит,
Отколе на берега шумящей Волги зрит.
Под тению лесов, меж пестрыми цветами
Поставлен Батыем ко северу вратами,
Через кои в сердце он России выбегал,
Селенья пустошил и грады пожигал.
С вершины видя гор убийства и пожары,
Где жили древние российские болгары,
Разженны верою к закону своему,
Казань, поверженна в магометанску тьму,
В слезах на синий дым, на заревы взирала
И руки чрез поля в Россию простирала;
Просила помощи и света от князей,

Когда злочестие простерло мраки в ней.
Подвигнуты к странам природным сожаленьем,
Народа своего бедами и томленьем,
На части полночь всю расторгшие князья
Смирjali наглых орд, во бранях кровь лия.

Но как российские Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
И, жалы отрастив в глухих местах свои,
Вползали паки в грудь России те змеи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба в нем была не потушенна;
Под пеплом крылся огонь и часто возгорал,
Во смутны россос дни он силы собирал;
Неукротимых орд воскресла власть попрашна
Во время юности второго Иоанна.
Сей деда храброго венчаный славою внук
Едва не выпустил Казань из слабых рук;
Смутился дух его несчастливым походом,
Где он начальствовал в войне прошедшим годом,
Где сам Борей воздвиг противу россос брань,
Крылами мерзлыми от них закрыв Казань;
Он мрачной тучею и бурями увился,
Подобен грозному страшилищу явился,
В глухой степи ревел, в лесу дремучем выл,
Крутился между гор, он рвал, шумел, валил,
И, волжские струи на тучны двигнув бреги,
Подул из хладных уст морозы, вихрь и снега;
Их пламенная кровь не стала россос греть,
Дабы в наставший год жарчею воскипеть.

В то время юный царь в столицу уклонился,
Где вместо гласа труб забавами пленился.
О ты, на небесах живущий в тишине!
Прости, великий царь, мою отважность мне,
Что утро дней твоих во тьме дерзну представить,
Пресветлый полдень твой громчае буду славить;
Велик, что бурю ты вкруг царства укротил,
Но больше, что страстям душевным воспретил.

Увидев, что Москва, оставив меч, уснула,
Трепещуща луна из облак проглянула;

Храняща ненависть недремлющи глаза
От Волги поднялась как страшная гроза;
Орда, нарушив мир, оковы разрывала
И, злобой движима, мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
Россию утеснить, как в прежни времена.
Сей страшный исполин в российский грады входит,
Убийства, грабежи, насильства производит;
Рукою меч несет, другой звучащу цепь,
Валяются стены вокруг, томится лес и степь.
Уже велением коварных Сумбеки
В Қазани полились российской крови реки;
И, пламенникнося, неукротимо зло
Посады в ярости московские пожгло;
В жилища христиан с кинжалом казнь вступила,
И кровь страдальческа на небо возопила;
Там плач, уныние, сиротствующих стон;
Но их отечество сей вопль вменяло в сон.

Алчба, прикованна корыстей к колеснице,
В российской сеяла страдание столице.
О благе собственном вельможи где рачат,
Там чувства жалости надолго замолчат.
Москва, разимая погибелию внешней,
От скорбей внутренних явилась безутешной.

Сокрылась истина на время от царя;
Лукавство, честь поправ, на собственность воззя,
В лице усердия в чертогах появилось,
Вошло, и день от дня сильняе становилось.

Там лесь представилась в притворной красоте,
Котора во своей природной нагоде
Мрачна как ночь, робка, покорна, тороплива,
Пред сильными низка, пред низким горделива,
Лежащая у ног владетелей земных,
Дабы служити им ко преткновенью их.
Сия, природну желчь преобратив во сладость,
В забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгоде ревнующи своей,
Соединилися, к стыду державы, с ней;

И лесь надежные подпоры получила,
От царского лица невинность отлучила.
Гонима, истина, стрелами клеветы,
Что делала тогда? В пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны счастья они пренебрегли,
При явной гибели не плакать не могли;
Священным двигнуты и долгом, и законом,
Стенать и сетовать дерзали перед тронем;
Пороков торжество, попранну правду зря,
От лести ограждать осмелились царя.
Вельможи в седилах монарха окружают,
Их слезы общую напасть изображают;
Потупленны главы, их взоры, их сердца,
Казалось, туман простерли вокруг венца;
На смутных их челах сияет добродетель,
В которых свой позор прочесть бы мог владетель.
Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал!
Но царь, то зная сам, их плачу не внимал.

Уныл престольный град, Москва главу склонила,
Печаль ее лицо, как ночь, приосенила;
Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста,
Тоскуют вокруг нее прекрасные места;
Унынье, растрепав волосы, по граду ходит,
Потупив очи вниз, в отчаянье приводит,
Биет себя во грудь, реками слезы льет;
На стогнах торжества, в домах отрады нет;
В дубравах стон и плач, печаль в долинах злачных;
Во граде скопища, не слышно песней брачных;
Всё в ризу облеклось тоски и сиротства,
Единый слышен вопль во храмах божества.
Грызозая внутри болезнью всеминутной,
Казалась Москва воде подобна мутной,
Которая, лишась движенья и прохлад,
Тускнеет, портится и зарождает яд.
Народ отчаянный, гонимый, утомленный,
Как будто в Этне огонь внезапно воспаленный,
Лесистые холмы, густые древеся
С поверхности горы бросает в небеса.

Народ возволновал!.. Тогда, при буйстве яром,
От искры наглый бунт великим стал пожаром;
По стогнам разлился, на торжищах горит,
И заревы Москва плачевных следствий зрит.
Противу злых вельмож мятежники восстали,
Которы строгости царевы подгнетали,
Которы душу в нем старались возмущать,
Дабы при буре сей Россию расхищать.
Два князя Глинские смятенья жертвой были,
Единого из них мятежники убили,
Другой пронырствами от них спастись умел
И новой бурей от трона восшумел.
Простерся мщенья мрак над светлым царским
домом,

Непримирима власть вооружилась громом,
Разила тех мужей, разила те места,
Где правда отверзать осмелилась уста;
Поборники забав награды получали,
А верные сыны, восплавав, замолчали.

Россия, прежнюю утратив красоту
И видя вокруг себя раздор и пустоту,
Везде уныние, болезнь в груди столицы,
Набегом дерзких орд отторженны границы,
Под сенью роскошей колеблющийся трон,
В чужом владении Двину, Днепр, Волгу, Дон
И приближение встречая вечной ночи, —
Возносит к небесам заплаканные очи,
Возносит рамена к небесному отцу,
Колена преклонив, прибегла ко творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показав Москву окровавленну,
Другую — вокруг нее слиянно море зла;
Взрыдала, и речи ни слова не могла.

На радужных зарях превыше звезд сидящий,
Во бурях слышимый, в перунах бог гремющий,
Пред коим солнечный подобен тени свет,
В ком движутся миры, кем всё в мирах живет,
Который с небеси на всех равно взирает,
Прощает, милует, покоит и карает,
Царь пламени и вод, — познал России глас;

И, славы чад своих последний видя час,
Дни горести ее в единый миг исчислил;
Он руку помощи простерти к ней помыслил.
Светлее стали вдруг над нею небеса,
Живительная к ней пустилася роса,
Ее печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россию подкрепила;
Одела полночь вокруг румяная заря,
На землю ангели, в кристальну дверь смотря,
Составили из лир небесну гармонию
И пели благодать, венчающую Россию.

Тогда единому из праведных мужей,
Живущих в лепоте божественных лучей,
Господнему лицу во славе предстоящих
И в лике ангелов хвалу его гласящих,
Всевышний рек: «Гряди к потомку твоему,
Дай видеть свет во тьме, подай совет ему;
В лице отечества явился Иоанну,
Да узрит он в тебе Россию всю попанну!..»

Скорей, чем солнца луч, текущего в эфир,
Летающий средь миров, как веющий зефир,
Небесный муж в страну полночную нисходит,
Блистательну черту по воздуху проводит;
Закрытый облаком, вступает в царский дом,
Где смутным Иоанн лежал объятый сном;
С пришествием его чертоги озарились,
Весь град затрепетал, пороки в мрак сокрылись.
Является царю сия святая тень
Во образе таком, в каком была в той день,
В который, в мире сем оставив зрак телесный,
Взлетела, восстанав, во светлый дом небесный;
Потупленна глава, лежаща на плечах,
Печальное лицо, померклый свет в очах,
Мечом пронзенна грудь, с одежды кровь текуща, —
Трепещущая тень, с молчанием грядуща,
И спящего царя во ужас привела,
Приблизилась к нему и так ему рекла:

«Ты спишь, беспечный царь, покоем услаженный,
Весельем упоен, к победам в свет рожденный;

Венец, отечество, законы позабыл,
Вознавидел труд, забавы возлюбил;
На лоне праздности лежит твоя корона,
Не видно верных слуг; ликует лесть у трона.
Ты зришься тигром быть, лежащим на цветах;
А мы, живущие в превыспренных местах,
Мы в общей гибели участие приемлем,
Рабов твоих слова в селеньях горних внемлем.
«Ты властен всё творить», — тебе вещает лесть;
«Ты раб отечества», — вещают долг и честь;
Но гласа истины ты в гордости не внемлешь,
Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.
Мы, князи сей страны и прадеды твои,
Мы плачем, взор склонив в обители сии,
Для вечных радостей на небо восхищенны,
Тобой и в райских мы селеньях возмущенны;
О россах стонем мы, мы стонем о тебе;
Опомнись! нашу скорбь представь, представь себе;
О царстве, о себе, о славе ты помысли,
И избивенных нас злодеями исчисли».

Отверзлось небо вдруг вздремавшего очам,
И видит Иоанн печальных предков там,
Которы кровию своею увенчались,
Но в прежнем образе очам его являлись:
Батыев меч во грудь Олегову вонзен;
Георгий, брат его, лежит окровавлен;
Несчастный Феогност оковы тяжки носит,
Отмщения ордам за смерть и раны просит;
Склонив главы свои, стонают князи те,
Которы мучимы в их были животе.
Там видится закон, попранный, униженный,
Лиющий токи слез и мраком окруженный;
Погасшим кажется князей российских род;
Вельможи плачуши, в унынии народ;
Там лица бледные в крови изображенны,
Которы в жизни их ордами пораженны;
Он видит сродников и предков зрит своих,
Их муки, их тоску, глубоки раны их.

И тень рекла ему: «Отшед в мученье многом,
Роптая на тебя, сии стоят пред богом;

Последний убиен злодейскою рукой
 Твой предок Александр, я, бывший князь Тверской,
 Пришел с верхов небес от сна тебя восставить,
 Твой разум просветить, отечество избавить;
 зри язвы ты мои, в очах тоску и мрак,
 Се точный при тебе страны российской зрак!
 зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
 И селы вобрази и грады разрушенны;
 Днесь тот же самый меч, которым я ражен,
 И тою же рукой России в грудь вонзен,
 Лится кровь ее!.. Омытый кровью сею,
 Забыл, что бога ты имеешь судиею;
 Вопль каждого раба, страдание и стон,
 Взлетев на небеса, текут пред божий трон;
 Ты поданным за зло ответствовать не чаешь,
 Но господу за их печали отвечаешь.
 Вздремавшую в тебе премудрость воскреси,
 Отечество, народ, себя от зла спаси;
 Будь пастырь, будь герой, тебя твой бог
возлюбит;
 Потомство позднее хвалы тебе вострубит.
 Не мешкай! возгреми! рази! так бог велел...»

Вещал, и далее вещати не хотел.
 Чертог небесными лучами озарился,
 Во славе Александр в дом божий водворился.
 Смущенный Иоанн не зрит его во мгле;
 Страх в сердце ощутил, печали на челе;
 Мечта сокрылася, виденье отлетело,
 Но в царску мысль свой лик глубоко впечатлело
 И сна приятного царю не отдает;
 С печального одра он смутен восстает,
 Кидает грозные ко предстоящим очи.
 Как странник во степи среди глубокой ночи,
 Послыша вокруг себя шипение змиев,
 К убежищу нигде надежды не имев,
 Не знает, где ступить и где искать спасенья,
 При каждом шаге он боится угрызенья, —
 Таков был Иоанн, напомнив страшный сон;
 Казалось, мерзку лесь познал внезапно он,
 Страшится он льстецов, им ввериться не смеет.
 Несчастен царь, когда он друга не имеет;

Но в действо тайное хотенье произвести,
Велел в чертог к себе Адашева привести.

Сей муж, разумный муж, в его цветущи лета,
Казался при дворе как некая планета,
Вступающа в свой путь от незнакомых мест
И редко зримая среди горящих звезд.
Придворные его с досадой угнетали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Адашев счастья обманы презирал,
Мирские пышности ногами попирал;
Лукавству был врагом, ласкательством гнушался;
Величеством души, не саном украшался;
Превыше был страстей и честностию полн.
Как камень посреде кипящих бурных волн,
Боря не боясь, стоит непоколебимо,
И волны, о него бияся, идут мимо, —
Адашев так тверд среди развратов был,
От мира удален, отечество любил;
Спокойно в дом вступил, где грозный жил владетель.
Страшится ли чего прямая добродетель!
Храняща лесь еще под стражей царский двор,
Увидя правду в нем, потупила свой взор;
Отчаянна, бледна и завистью грызома,
Испытывает всё, ждет солнца, туч и грома.
Предстал почтенный муж, и честность купно
с ним;

Так в мраке иногда бывает ангел зрим!
В объятиях своих Адашева имея,
Со подданным монарх беседует, краснея:
«Тебе, — в слезах он рек, — я сердце отворю;
Ты честен, можешь ли не быть друг царю?
Каков в пустыне был, будь верен перед троном».

Тогда о страшном сне поведав с горьким стоном,
«Мой бог меня смирил, — он с важным видом рек, —
Я в нынешней ночи стал новый человек;
Стыжусь, что я благих советов уклонился...»
Восплакал Иоанн и праведным явился.
Как мать верный сын отечество любя,
Адашев чаял зреть на небесах себя;

На лесть взирающий, вокруг трона соплетенну,
Оплакивал сей муж Россию угнетенну;
В восторге рек царю: «Благословенный сон!
Верь, верь мне, государь, что богом послан он;
Внемли отечества, внемли невинных стону,
На сердце ты носи, не на главе корону.
Что пользы подданным, что есть у них цари,
Коль страждет весь народ, попранны алтари,
Злодейство бодрствует, а правда угнетенна;
Не царь порфирию, порфира им почтенна!
Довольно презирал ты сам себя и нас;
Настал теперь твоей и нашей славы час!»

Глаголам истины внимающий владетель
Увидел с небеси сходящу добродетель:
Как ангел, явльшийся Израилю в ночи,
Имела вокруг главы блистательны лучи;
«Се верный друг тебе!» — монарху говорила,
И лик Адашева сияньем озарила.
Увидел царь ее в его челе черты
И так воззвал к нему: «Будь мой сотрудник ты;
Мне нужен разум твой, совет, твоя услуга.
Всех паче благ царю искати должно друга.
Вещай мне истину, ее нам грозен вид,
Но вид сей от корон и тронов гонит стыд;
Гони сей стыд, гони, и строгим мне советом
Яви стези идти премудрости за светом!»

Адашев, чувствуя, коль хитро может лесть
От истины отвлечь, царя в обман привести,
Вещал: «От наших душ соблазны да отгоним,
Себя от здешних стен и праздности уклоним;
Небесной мудрости приобрести руно
Уединение научит нас одно;
Премудрость гордости и лести убегает,
Мирскую суету она пренебрегает,
Среди развратностей гражданских не живет,
В пещерах и лесах ее находит свет;
Где нет тщеславия, ни лести, ни дум смущенных,
Пойдем ее искать в обителях священных,
Отколе чистый дух взлетает к небесам;

О царь мой! избери сию обитель сам;
Россия сил еще последних не лишена,
Любовь к отечеству не вовсе потушена;
Вели собратъ совет, на истину воззри
И нечестивости советы разори:
Увидишь славу ты парящу пред собою;
Мы ради кровь пролить, теперь готовы к бою.
Господь, Россия вся и весь пространный свет
Кю славе, царь, тебя от праздности зовет!»

Есть место на земном лице сооруженно,
Сподвижником святых отшельцев освященно;
Угодники, оттоль восшед на небеса,
Оставили свои нетленны телеса,
Которые, прияв усердное моленье,
Даруют мир, покой, скорбящим исцеленье.
Угодник Сергей ту обитель основал,
Он в малой хижине великий труд скрывал;
Небесным житием сии места прославил
И богу там алтарь триличному поставил;
Увидя стены вокруг и храмов красоту,
Возможно городом почестъ пустыню ту;
В обитель божию сокровища внесены
Являют души к ней усердием возжены;
Там холм потоком вод целебных напоен,
Который Сергием из камня источен;
Развесисты древа пригорок осеняют¹
И храмов на главы вершины преклоняют.
То зданье к святости затем приобщено,
Что славы древних лет хранит залог оно:
Герои кистью тут живой изображены,
Которыми враги России низложены;
Там виден Святослав, сидящий на земли,
Ядущий хлеб сухой и в поте, и в пыли;
Он зрится будто бы простой меж ратных воин,
Но древним предпочтен Атридам быть достоин.
Владимир меч и пальм носящ изображен,
Стоит трофеями и светом окружен;
У ног его лежит поверженна химера;

¹ Ныне сие место большою Живоначальныя троицы церковию застроено.

РОССІЯДА ИРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свободенну,
Полранну власть Татаръ и гордость побѣжденну,
Движенъ древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянь, спокойствія начало
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

А

От-

Со славой съединясь, его венчает вера.
Там лавры Ярослав имеет на главе;
Донской блистает здесь; там Невский на Неве;
Там лик великого представлен Иоанна,
Цесарской первого короною венчанна;
Победы, торжества, блистания венца
К делам великим огонь внушают во сердца;
Для сих причин в сей храм, ко славе предизбранна,
Адашев убедил склониться Иоанна.

Еще не скрылося в волнах светило дни,
Достигли мирного убежища они.
Сопутницей своей имея добродетель,
Как будто видел рай в обители владетель:
Во славе зрится бог, присутствующий там!
С священным ужасом вступил в господний храм;
Он ведал, что душа, на небо вознесена,
От тела своего врачевна и нетленна,
Творила многие и ныне чудеса,
И то сказать могла, что кроют небеса;
Приходит к Сергию, мольбы ему приносит,
Всевышней помощи против Казани просит,
Вещая: «Муж святой! ты Дмитрию помог
Татарския луны сломить кичливый рог,
И мне ты помоги, дерзнув против Казани,
Россию оправдать во предлежащей брани;
Мое отечество, о Сергей! и твое...
Возносит пред тебя моление сие!»
Молитва в воздухе как дым не исчезает,
Но будто молния небесный свод пронзает,
На радужных она возносится крылах:
Молитву искренну читает бог в сердцах;
Она небесный свод и звезды сквозь преходит,
В умильность ангелов, геенну в страх приводит.
Мольбы его как гром пред богом раздались,
Проснулася Москва, ордынцы потряслись!

В сию достойную внимания годину
Измеривал творец двух царств земных судьбину:
Российский до небес возвысился венец,
Ордынской гордости означился конец;

Но победительным народам и державе
Препятства предлежать в гремящей будут славе.
Рассеется орда, угаснет их престол,
Но россам наперед устроит много зол.

Тогда господнее изрек определенье
Орган небесных тайн в священном исступленьи,
Трепещущ, духом полн, служащий алтарю,
Душ пастырь возвестил пророчества царю:
«О царь! сплетаются тебе венцы лавровы,
Я вижу новый трон, короны вижу новы!
Но царства покорить и славу обрести,
Ты должен многие страданья пренести.
Гряди, и буди тверд! ..» Слова произнеслися
И гласом песненным по сводам раздалися.
В душе монарх тогда спокойство ощутил
И паки шествие ко граду обратил.
Адашев к славе огонь в царе усугубляет,
Написанных князей в предсени являет.
«Се Рюрик, предок твой, — вещает он царю, —
Троянску отрасль в нем и Августову зрю;
Он, силы подкрепив колеблемой державы,
Потомкам начертал бессмертный образ славы.
Се Ольга мудрая, казняща Искорест,
Лучи вокруг главы, в руках имеет крест;
Коль свято царствует полночною строною!
Жена прославилась правленьем и войною!
Се праотцы твои! Взгляни на них, взгляни:
Ты видишь славу их! колена преклони.
Здесь кисть учение твое изобразует...»
И деда царского Адашев указывает,
Который внутри и вне спокоил царств раздор;
Но, кажется, к царю суровый мечет взор
И внука праздностью на троне укоряет.

Краснея, Иоанн на лик его взирает,
Ток слезный от стыда из глаз его течет,
«Начнем, начнем войну!» — Адашеву речет.
И се парящая в кругах эфирных слава
Гласит: «Готовься цвествь, Российская держава!»
Благочестивый дух царя в Казань ведет;

Престольный град его с гремящим плеском ждет.
Всевышний на него склонил свою зеницу,
И царь торжественно вступил в свою столицу;
Окрестности ее внезапно процвели,
Во сретенье ему, казалось, рощи шли;
Суровостью времен веселость умерщвлена
В долинах и лесах явилась оживленна;
Как будто бы струи прешедый чермных вод,
Ликует на холмах толпящийся народ;
Подъемлет высоко Москва верхи золотые,
И храмы пением наполнились святы;
Любовью видит царь возженные сердца,
Зрит в подданных детей, они в царе — отца;
На лицах радости, в очах увеселенье,
И духом сладкое вкушает умиление.

Коль царь всевышню власть нечестием гневит,
Натура вся тогда приемлет смутный вид;
Но если под венцом сияет добродетель,
Ликует весь народ, натура и владетель.
Казалось, Иоанн вновь царство приобрел;
Избранной думе быть в чертоги повелел;¹
Доныне стольный град стнящий, утружденный
Явился, будто бы осады свободенный.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

О нимфы красные лесов и рощей злачных!
Наяды, во струях живущие прозрачных!
Оставьте водный ток, оставьте вы леса
И дайте ваши мне услышать голоса:
Украйте песнь мою и лиру мне настройте,
Любезну тишину кругом Казани пойте.
Уже в полях у вас кровавых браней нет,
Где прежде кровь лилась, там малый Тибр течет;
Парнасские цветы, как благовонны крины,
Цветут под сению щедрот Екатерины;
Ликуют жители во счастливой стране,

¹ Избранная дума именовалась в то время вышнее правитель-
ство, что ныне Сенат.

В прохладном житии, в безбедной тишине.
Недавний грозный рок вы, нимфы, позабудьте,
Вкушая сладкий мир, благополучны будьте;
С моей свирелию хочу пристать я к вам,
Придайте вы моим приятности стихам.
Вы зрели шествие прекрасная Сумбеки,
Когда ее из стен несли к Свяжску реки;
Вы видели тогда страдание ее;
Вложите плач и стон в сказание мое,
Дабы царицы сей вещал я о судьбине,
Как бедства, страхи, брань умел вещать донине;
От браней ко любви я с лирой прелетал,
Недовершенный труд моим друзьям читал.
О! если истину друзья мои вещали,
Мои составлены их песни восхищали;
И муз любители у невских берегов
Сих часто слушали внимательно стихов.
Придайте, нимфы, мне цветов и силы ныне,
Да будет песнь моя слышна Екатерине;
Цветущий пред ее престолом яко крин,
Да внемлет пению ее любезный сын;
О праотце твоём, великий князь! вещаю,
Военную трубу тебе я посвящаю;
Геройские дела поют стихи мои,
Да будут некогда воспеты и твои.

Еще печальна ночь Сумбеку окружала,
Еще рыдающая в одре она лежала,
Когда достигла к ней не сладостная лесть,
Но слух разящая изгнаньем вечным весть;
В лице приятный цвет, в очах тускнеет пламень,
И сердце у нее преобразилось в камень.
Как пленник, внемлющий о смерти приговор,
Сомкнула страждуща полуумерший взор;
Одним стенанием пришедшим отвечала,
Лишенная плотских чувств, душа ее молчала;
В устах язык хладел, в груди спирался стон;
Сумбеку наконец крилами обнял сон
И, мысли усыпив, тоску ее убавил;
Тогда в мечтании ей ангела представил,
Который ризою небесною блистал;

Держаш лилейну ветвь, царице он предстал
И с кротостию рек: «О чем, о чем стонаешь?
Взгляни, несчастная! и ты меня узнаешь;
Я руку у тебя в то время удержал,
Когда вносила ты на грудь свою кинжал;
Я послан был к гробам всесильною судьбою,
Когда супруг в ночи беседовал с тобою;
Что сердце ты должна от страсти отвращать,
Я тени страждущей велел сие вещать;
Но ты любовь твою разум ослепила,
Советы данные и клятву преступила,
И бедства на тебя рекою потекли,
В пучину бурную от берега отвлекли.
Однако не крушись, печальная Сумбека:
Бог смерти грешного не хочет человека;
Последуй здравого сиянию ума.
Сей город мрачная покроет вскоре тьма,
Взгляни ты на Казань!..» На град она взглянула
И, зря его в крови, смутилась, воздохнула;
Узрела падшую огромность градских стен,
Рыдающих девиц, влекомых юнош в плен;
Зрит старцев плачущих, во грудь себя разящих,
Оковы тяжкие казанцев зрит носящих...
«Се рок твоей страны! — небесный ангел рек. —
Настанет по златом ордам железный век;
Тебя в Свяжске ждет приятная судьбина,
Гряди, и не забудь Гирея взять и сына,
Гряди!..» И воссияв, как светлая заря,
На небо возлетел, то слово говоря.
Виденье скрылося. Сумбека пробудилась,
Мечтой подкреплена, в надежде утвердилась;
Невеста будто бы ликующа в венце,
Имела радости сияние в лице;
Величественный вид изгнанница имела
И к шествию ладьи готовить повелела.
О, коль поспешно был исполнен сей приказ!
Но как смутилась ты, Сумбека, в оный час!
Какою горестью душа твоя разилась,
Когда судьба твоя тебе изобразилась,
Когда взглянула ты ко берегу шумных вод,
Где вокруг твоих судов стесняется народ!
Повинна следовать небес определенью,

Сумбека власть дала над сердцем умиленью;
Взглянула на престол, на дом, на вертоград,
И смутным облаком ее покрылся взгляд;
Все, кажется, места уже осиротели,
Но прежни прелести от них не отлетели.
Тогда, от видов сих не отнимая глаз,
Рекла: «Итак, должна я ввек оставить вас!
И вечно вас мои уже не узрят взоры?»
Любезный град! прости, простите, стены, горы! . . .»
Объемлет во слезах все вещи, все места;
Примкнула ко стенам дрожащие уста,
«Прости, Казань, прости!» — Сумбека возопила
И томным шествием в другой чертог вступила.
Лишь только довлеклась она золотых дверей,
Из меди изваян где виден Сафгирей,
Взор кинув на него, она затрепетала,
Простерла длани вверх и на колени стала,
Порфиру свергнула; пеняющей на рок,
В очах супруговых ей зрится слезный ток;
Терзая грудь, рекла: «Супруг великодушный!
О мне, несчастнейшей, ты плачешь и бездушный!
Ты чувствуешь, что я в позорный плен иду,
Ты видишь токи слез, мою тоску, беду;
В последний раз, мой царь! стопы твои объемию,
В последний, где ты скрыт, сию целую землю;
Не буду в ней лежать с тобою, мой супруг! . . .»
Лобзая истукан, затрепетала вдруг.
Как будто ночь ее крилами окружала,
В объятиях она бездушный лик держала.
Вещают, будто бы, внимая плачу, он,
Иль медь звенящая произносила стон.
Но светом некаким незапно озаренна,
Отторглась от царя Сумбека, ободренна;
«Венец и трон! — рекла, — уже вы не мои!
Беги, любезный сын! в объятия сии;
От многих мне богатств мне ты один остался;
Почто, несчастный сын, надеждой ты питался,
Что будешь некогда престолом обладать?
Невольница твоя, а не царица, мать;
О князи сей страны и знамениты мужи!
Простите, стали мне в отечестве вы чужии;
Вы мне враги теперь! Россияне друзья;

Гирея одного прошу в награду я:
В моем злосчастьи мне он остался верен,
Он мало чтит меня, но был нелицемерен!
Ах! если есть еще чувствительны сердца,
Последуйте за мной, хотя я без венца».

Как дочери, видя мать от света отходящу,
Уже бесчувственну в одре ее лежащу,
Рабыни, возрыдав, произносили стон,
Воскрикнув: «Чужд и нам казанский ныне трон!
Последуем тебе в неволю и в темницу,
В тебе мы признаем в изгнании царицу».

Сумбека, сняв венец с потупленной главы
И зря на истукан, рекла: «Мой царь! увы!
Недолго будешь ты в сем лике почитаться,
Спокоен и в меди не можешь ты остаться:
Ты узришь город весь горящий вкруг себя,
На части разбьют безгласного тебя;
И тень твоя, кругом летая в сокрушенье,
Попранным царское увидит украшенье;
Попранным узришь ты сей дом и сей венец,
И кровь, текущую реками, наконец;
Гробницы праотцев граждане позабудут,
Мои гонители меня несчастней будут!
Опустошится град!» — Сумбека вопиет;
Терзающая власы, руками грудь бьет.
Когда рыдающая из храмин выступала,
В объятия она к невольницам упала;
Как Пифия она казалася тогда,
Трепещет, и грядет с младенцем на суда.

Коль басня истины не помрачает вида,
Так шествует в морях торжественно Фетида;
С весельем влажные простря хребты свои,
Играют вкруг нее прозрачные струи,
Готовят серебряны стези своей царице,
Седящей с скипетром в жемчужной колеснице;
Тритоны трубят вкруг в извитые рога,
Их гласы звучные приемлют берега,
И, погруженные во рвах седья пены,

Поют с цевницами прекрасные сирены;
Там старый видится в середине нимф Нерей,
Вождями правящий богининых коней;
Главы ее покров зефиры развевают
И в воздух аромат крилами изливают.

Такое зрелище на Волге в мыслях зрю,
Сумбеку вобразив, плывущую к царю.
Со стоном пение повсюду раздавалось,
Гордилася река, и солнце любовалось;
Златыми тканями покрытые суда
Изображала там во глубине вода;
Рабыни песнями Сумбеку утешают,
Но горести ее души не уменьшают.
Тогда увидела она сквозь токи слез,
Увидела вдали почтенный оный лес,
Где сердце некогда Алеево пронзила;
Его любовь, свою неверность вобразила;
В смятение пришли душа ее и кровь,
И зрит по воздуху летающую любовь,
Котора, пламенник пылающий имеа,
Пеняет и грозит Сумбеке за Алея.
Кипридин сын во грудь ей искру уронил
И страсть к Алею в ней мгновенно вспламенил.
Сумбека чувствует смущений нежных свойство;
Не вожеленное и сладкое спокойство,
Но тень одну утех, спокойства некий род,
Тронувший, как зефир крылом, поверхность вод.
Сумбеку стыд смутил, рассудок подкрепляет,
Надежда веселит и горесть утоляет.

Меж тем российский царь, осматривая град,
Услышал пение, простер по Волге взгляд;
Не постигает он, чей глас несут зефиры,
Который слышится приятней нежной лиры;
Но царские послы, ходившие в Казань,
Принесшие к царю ветвь масличну — не брань,
Ответом их вельмож россиян восхищают
И шествие царю Сумбекино вещают.
Царь выгодным себе признаком то почел,
Сумбеке радостен во сретение шел;

Под градом зрит ладьи, у брега песни внемлет
И с полным торжеством царицу он приемлет.

Подобну грудь имев колеблемым волнам,
Сумбека к княжеским не падает стопам;
«Каких еще побед, — вскричала, — ищешь боле?
Казань ты победил, коль я в твоей неволе;
Смотри, о государь! венца на суету
И счастье почитай за тщетную мечту!
Я узница твоя, но я была царица,
Всему начало есть, середина и граница;
Когда мне славиться нельзя уже ничем,
Несчастье мое почти в лице моем.
Признаться я должна: как тронем я владела,
О пагубе твоей и день и ночь радела;
Я с воинством тебя хотела истребить;
Но можешь ли и ты врагов твоих любить?
Врагов, которые оружие поднимают,
И царство у тебя, и твой покой отъемлют?
Что сделать хочешь ты, то делала и я;
И если я винна, свята вина моя;
Но, ах! за то, что я отечество любила,
Свободу, счастье и скипетр погубила.
О! для чего не твой победоносный меч
Судьбы моей спешил золотую нить пресечь?
Утратила б мое со тронем я спокойство,
Но победителем мне было бы геройство;
Вдовице плачущей внимание яви,
С несчастным сиротой меня усынови;
В Казани не имев ни дружества, ни трону,
Всё я хочу забыть, и даже до закону, —
На погруженную сомнения в ночи
Вели, о царь! простерть крещения лучи».

Царь в сердце ощутил, ее пронзенный стоном,
Любовь ко ближнему, предписанну законом;
Обняв ее, вещал: «Не враг несчастным я:
Твой сын сын будет мой, ты будь сестра моя».

Любовь, которая на небе обитает,
На шар земной в сей час мгновенно низлетает;

Сие приятное вселенной божество,
Которое живет и красит естество,
Златыми в воздухе носимое крылами,
Двумя свой крепкий лук направило стрелами,
И предназначенны для брачного венца
Пронзило ими вдруг погасшие сердца.
Как нежная весна, их страсть возобновилась,
Любовь из воздуха в их души преселилась;
Алей готовился неверность позабыть,
Сумбека искренно готовилась любить.

Как солнце с высоты на шар земной взирает
И, в небе царствуя, все вещи озаряет,
Так взор, Сумбекин взор, хотя к царю сиял,
Но он Алея жег, который близ стоял.
Сей муж против нее колико был ни злобен,
Стал воску мягкому в сии часы подобен;
Суровый сей Катон есть нежный Ипполит;
«Прости меня! прости!» — вещал Сумбекин вид.
Душа Алеева всю нежность ощутила,
Как томный взор к нему Сумбека обратила.
Монарх томящимся их чувствам сострадал,
Любовь Алееву к Сумбеке оправдал;
И рек: «Расстроил вас закон махOMETанский,
Теперь да съединит навеки христианский;
Злопамятным царев не должен быти друг;
Ты был любовник ей и буди ей супруг!
Мятежная Казань которых разлучает,
Хощу, да те сердца Россия увенчает».

Алей на то сказал: «Примеры, царь! твои
Обезоружили суровости мои;
Но я унижен был позорною любовью,
Мне время оправдать сердечну слабость кровью;
Прости, что предпочту супружеству войну,
Я счастлив не совсем: мой друг еще в плену!»

Когда та речь в кругу стоящих раздалася
И Волга на его слова отозвалася,
Вступил на брег реки печальный человек,
Дрожащею рукой он цепь землю влек;
Лишенный зренья, воззвал сей муж Алея.

Алей вострепетал и в нем познал Гирея. . .
«Се ты! — вскричал Гирей, — благодарю судьбе!
Лишился я очей, рыдая по тебе;
Но я уже теперь о свете не жалею,
Коль отдан мне Алей, коль отдан я Алею;
Та цепь, которую влечет моя рука,
Чем я окован был, мне цепь сия легка».

Алей возопиял, пролив источник слезный:
«Достоин ли таких я жертв, мой друг любезный?
Я мало верности взаимной докажу,
Коль мстящий за тебя живот мой положу;
Сумбека! зри теперь, и зрите, христиане,
Какие могут быть друзья махометане».

Тогда вещал Гирей: «Хвалы сии оставь;
Я чужд в народе сем, царю меня представь;
Одеян в рубище, предстать ему не смею,
Но дело важное открыть ему имею;
Где он стоит? Скажи, — я ночь едину зрю».
Взяв руку у него, Алей привел к царю
И возопил к нему: «Се! видишь, царь, Гирея,
Другого зришь меня, другого зришь Алея;
От рубищ ты моих очей не отвратил
И преступившего ты некогда протил;
К сему, покрытому всегдашним мраком ночи,
Простри кротчайший слух и милосердны очи».
Рукою ощутил царя вблизи Гирей,
Повергся и вещал: «О сильных царь царей!
Дозволь мне тайное простерти ныне слово:
Я сердце к верности принес тебе готово;
Алея любишь ты, довольно и сего.
Для изъявления усердия моего
Мятежную орду навеки забываю;
Что совесть мне велит, России открываю:
Отечество мое Москва, а не Казань;
Казань вещает мир, а я вещаю брань;
Ордынской лести я не ведаю примера:
Склонясь на мир, они склонили Едигера,
Склонили, да на их престоле б он воссел;
Сей князь на берегах Каспийских трон имел,
И скоро в стены он казанские приспеет;

Шесть храбрых рыцарей в дружине царь имеет,
Которы подкреплять клялись Казань и трон,
И каждый есть из них воскресший Асталон;
Меж ими есть одна бесстрашная девица,
Смела как лютый вепрь, свирепа яко львица.
Война тебе грозит, когда оступишь град,
Война последует, когда пойдешь назад, —
В темнице сведал я о замыслах казанских;
Орда невольников тиранит христианских,
Угрозами теперь желает их склонить
Иль муки претерпеть, иль веру пременить;
Но я безбожную их веру отметаю,
Ордынцев я клянусь, россиян почитаю;
Хочу я истину питать в душе моей,
Какую знаешь ты и знает царь Алей».

Простерши руку, царь ответствовал Гирею:
«Тот будет друг и мне, кто верный друг Алею;
Твой разум слепота бессильна ослепить,
Тебя не просвещать — осталось подкрепить;
Ты брат россиянам! Но что орда мутится,
На их главу их меч и злоба обратится;
Я детскою игрой считаю их совет,
Российскому мечу дадут они ответ».

Тогда он повелел в российскую столицу
Отправить пленную с рабынями царицу...
Настал разлуки час! В ней дух вострепетал,
Уже он пламенну к Алею страсть питал;
Объемлет царь ее, стеньящ объемлет друга,
И рек: «Священна есть для вас моя услуга!»
Рыдаючи они друг с другом обнялись,
Как лозы винные, руками соплелись,
Друг друга долго бы из рук не отпустили,
Но шествие ее Сумбеке возвестили;
Алей в слезах стоял; Гирей, обняв его,
Не мог, прощаяся, промолвить ничего;
Сумбека, обомлев, поверглась в колесницу,
И зрением Алей препровождал царицу.

Тогда простерла ночь свою вечерню тень;
Назначил царь поход в последующий день.

Лишь только путь часы Авроре учредили,
Гремящие трубы героев возбудили;
И, купно с солнцем встав, российские полки
Дерзали за царем на оный брег реки.
Как туча двигнувшись, военная громада
На многи поприща лежала окрест града;
Свияжск, который тень далеко простирал,
Как дуб на листья, на воинство взирал.

Се брани предлежат! О вы, казански волны,
Которы звуками российской славы полны!
Представьте мне полки, вещайте грозну брань,
Явите во струях разрушенну Казань,
Мне стены в пламени, трепещущие горы,
Сражения, мечи представьте перед взоры,
Да громче воспевать военну песнь могу,
Седящий с лирою на волжском берегу.

Умыслил Иоанн, боярской вверив власти,
Всё войско разделить на полчища и части,
Дабы изведать их к отечеству любовь
И порознь рассмотреть геройску в каждом кровь.

Ты, Слава, подвиги российские любила,
Казанской брани ты доныне не забыла!
Поведай мне теперь героев имена,
Венчаные тобой во древни времена. ¹

Большой приемлет полк, как лев неустрашимый,
Микулинский, в войне вторым Ираклом чтимый.
Мстиславский с Пенинским сотрудики его,
Они перуны суть и щит полка сего.

Щенятев правую при войске принял руку,
Сей муж отменно знал военную науку.
Князь Курбский разделял начальство вместе с ним,
Сей рыцарь славен был, кипяч, неустрашим;
Имел цветущих лет с собою брата купно,
Который следовал герою неотступно;

¹ Сие ополчение из подлинных тогдашних записок взято.

Их смелость, дружба их, пылающая кровь
Жарчае делали в них братскую любовь.

Причислен Пронский князь к полку передовому;
Он туче сходен был, его доспехи грому.
Хилков определен помощником ему,
Никто не равен есть с ним в войске по уму.

Не ужасаемый боязнью никакою,
Романов левою начальствовал рукою,
И храбрость на лице сияла у него;
Плещеев, твердый муж, сотрудник был его.

Главою был Палецкий полка сторожевого;
Во бранях вихря вид имеет он крутого,
Преходит сквозь ряды, что встретится — валит.
Герой Серебряный начальство с ним делит;
Два рыцаря сии и Шереметев с ними
Казались воинства Ираклами троими.
Шемякин строевым повелевал челом.
Князь Троекуров нес и молнии, и гром.
Отменной храбростью сияючи во стане,
Сложились муромски в особый полк дворяне;
Являлися они как страшны львы в бою
И славу сделали бессмертною свою.

Царь войска знатну часть на сотни разделяет
И бодрых юношей меж них распределяет;
Твердыней каменной казалась каждая часть,
В которой сердцем был имущ над нею власть.

За сими двигались военные снаряды,
Сии надежные воителей ограды;
Начальство Розмыслу над ними царь вручил,¹
На сих сподвижниках надеждой опочил.
Как сильный бог, на всю вселенную смотрящий
И цепь, связующую весь мир, в руке держащий,

¹ Кто сей Розмысл был, в истории не означено. Некоторые думают, что имя Розмысл означало инженера; но, кажется, многим бы розмыслам в том смысле быть надлежало при воинстве, а я ни прежде, ни после не нашел такого названия в нашей истории; следовательно, остаюсь в нерешимости.

Так властью в войске царь присутствует своей,
Сопутствуют ему Адашев и Алей.
Царь, воинство свое устрояющ к бою,
Как вихрь листы, подвиг полки перед собою;
Казалось, каждый вал, подняв главу свою,
По шумной Волге нес с перунами ладью.
Как множеством цветов среди весенней неги,
Покрылись воинством противоположны бреги;
Уготавлиемы орудия к войне
Блестят на луговой у Волги стороне.
Тогда великому подобясь войско змию,
К Казани двинулось, прошед чрез всю Россию.
Тимпанов громких звук, оружий многих шум
Ко брани в ратниках воспламеняли ум.

Уже прекрасное вселенная светило
Два раза небеса и землю озлатило,
И дважды во звездах являлася луна,
Еще Казань была идущим не видна;
Недальное градов соседственных стоянье
Далеким сделало всеместно препинанье;
Казанцы, дивные имеющие мечты,
Разрушили кругом преправы и мосты;
Потоки мутные, озера, топки блата
Для войска времени была излишня трата;
Чрез все препятства царь стремительно парил,
Идущим воинам с весельем говорил:
«О други! бодрствуйте, недолго нам трудиться;
Вы видите теперь, что нас Казань страшится;
Когда б не ужасал их славы нашей глас,
Они бы встретили на сих равнинах нас.
Коль бодрость у врага боязнь превозмогает,
Он к подлой хитрости, воюя, прибегает;
Дерзайте, воины! нам стыдно унывать,
Познав, с каким врагом мы будем воевать...»
«Не страшны орды нам!» — россияне вскричали;
Восстали, двинулись и путь свой окончали.
Едва сокрылася с луною ночи тень,
Казань представилась их взорам в третий день.

Сей град, приволжский град, велик, прекрасен, славен,
Обширностью стен едва Москве не равен;

Казанка быстрая, от утренних холмов
Ушел из гордых стен, течет среди лугов;
От запада Булак выходит непроходимый
И, тиной заглушен, влечет источник водный.
Натура две реки старалась вкуче свести,
Бойница первая твердынь где градских есть;
Тесня ногой Кабан, другою Арско поле,
Подъемлетя гора высокая оттоле:
Не может дотянуть ее вершины взгляд.
На пышной сей горе стоит в полкруга град;
Божницы пышные и царские чертоги
Имеют на своих вершинах лунны роги,
Которые своим символом чтит Казань;
Но им она сулит не мир — кроваву брань.
Казанцы робкие в стенах высоких скрыты,
От них, не от луны, надежной ждут защиты.
На рвы глубокие, на стены царь воззрев,
Почувствовал в душе крушение и гнев;
Вообразил себе обиды, страхи, брани,
Которы пренесла Россия от Казани;
Воспламенилась в нем ко сродникам любовь,
Которых на стенах еще дымится кровь;
Воображает он невольников стелящих,
О помощи его в отчаяньи молящих;
Внимает глас вдовиц, он видит токи слез,
Простерты длани зрит ко высоте небес
И слышит вопль сирот, на небо вопиющих,
Спасенья от него в неволе тяжелой ждущих.
Но вдруг представился необычайный свет:
Явился в облаках царю усопший дед;
Он, перстом указав на гордые бойницы,
На возвышенные чертоги и божницы,
Вещал: «О храбрый внук! смиряй, смиряй Казань:
Не жалость ко стенам тебя звала, но брань!»
Как будто бы от сна владетель пробудился, —
Мгновенно бодрый дух в нем к брани воспалился;
Глаза к видению и длани устремил,
Сокровища творцу сердечны отворил:
«О боже! помоги!» — возопиял пред войском...
И зрелися лучи в его лице геройском.
Тогда на всю Казань, как верви наложить,
Полкам своим велел сей город окружить;

И, смертоносною стрельбою ненасытны,
Оружия велел устроить стенобитны.
Казалось, медяны разверзив смерть уста,
По холмам и лугам заемлет все места;
И стрелы, и мечи во втулах зашумели,
Которы храбрые воители имели.

Дабы начальникам осаду возвестить,
Велел монарх хоругвь святую распустить.
Князь Пронский, жаждущий сего священна знака,
С отборным воинством преходит ток Булака;
Стоящий близ его в лугах с полком своим
И Троекуров князь подвигся купно с ним.
Как туча воинство ко граду воздымалось,
И молниями в нем оружие казалось.
Преходят; зрится им Казань как улей пчел,
Который меж цветов стоящий запустел;
Молчаща тишина во граде пребывала,
Но бурю грозную под крыльями скрывала.
Так часто океан пред тем впадает в сон,
Когда готовится к великой буре он;
И многи ратники, войной не искушенны,
Казанской тишиной казались восхищенны.
Но два начальника молчащу злость сию
Почли за скрытую в густой траве змию.

С орлиной быстротой прешед холмы и рвины,
Едва крутой горы достигли половины,
Отверзив пламенны уста, как страшный ад,
И вдруг затрепетав, изрыгнул войска град:
Казанцы бросились полкам российским встречу,
И с воплем начали они кроваву сечу.
Как волки, наших сил в средину ворвались,
Кровавые ручьи мгновенно полились.
Российски ратники, на части разделенны,
Быть скоро не могли в полки совокупленны;
С одной страны, как град, летела туча стрел,
С другой редела смерть, пищальный огонь горел.
Последующи два героя Едигеру,
Покинув смутный град, как страшны львы пещеру,
Оставив две четы героев во стенах,
Смешали воинство, как вихрь смущает прах;

Их стрелы не язвят, и копыя устремленны,
Ломаясь о щиты, падут, как трости тленны.
Озмар един из них, производящий род
От храбрых рыцарей у крымских черных вод,
На россов страх в бою, как грозный лев, наводит,
Трепещут все, куда сей витязь ни приходит;
Главу единому, как шар, он разрубил,
Другого в чрево он мечом насквозь пронзил;
Всех косит, как траву, кто щит свой ни уставит,
Строптивый конь его тела кровавы давит;
Уже с Русинского с размаху ссек главу,
Она, роптающая, упала на траву.
Угримова поверг немилосердый воин,
Сей витязь многие жить веки был достоин;
Единый сын сей муж остался у отца
И в юности не ждал толь скорого конца.
Отъемлет лютый скиф супруга у супруги,
Восплачут от него и матери, и други.
Тогда злодей полки как волны разделил,
На Троекурова всю ярость устремил.
Воитель, в подвигах неукротимый, злобный,
Закинув на хребет свой щит, луне подобный,
В уста вложив кинжал и в руки взяв мечи,
Которы у него сверкали как лучи,
Бежит; но встретил князь мечом сего злодея;
Текуща кровь с броней на землю каплет, рдея;
Наводит ужас он, как близкая гроза;
Сверкают под челом у варвара глаза;
Героя поразить мечами покушался,
Подвигся, отступил, во все страны метался;
Хотел со двух сторон мечи свои вонзить,
Но князь успел его сквозь сердце поразить;
Злодей, заскрежетав, сомкнул кровавы очи,
И гордый дух его ушел во мраки ночи.

Поверженна врага увидев своего,
Герой российский снять спешит броню с него;
Удары злобных орд щитом своим отводит,
Их нудит отступить, с коня на землю сходит;
Поник, но храбрость ту другой злодей пресек,
С копьем в одной руке, в другой с чеканом тек;
Шумит, как древний дуб, велик тяжелым станом,

И Троекурова ударил в тыл чеканом:
Свалился шлем с него, как камень, на траву;
Злодей, алкающий рассечь его главу,
Направил копие рукою в самую выю
И скоро бы лишил поборника Россию;
Уже броню его и кольца сокрушил,
Но Пронский на коне к сей битве поспешил;
Узнавый, что его сподвижник погибает,
Как молния, ряды смешенны прелетает;
Разит, и руку прочь успел он отделить,
Которой враг хотел геройску кровь пролить,
Свирепый витязь пал. Ордынцы встрепетали,
Воскрикнули, щиты и шлемы разметали;
Смешались, дрогнули и обратились в бег.
С полками Пронский князь на их хребты налег.
Как волны пред собой Борей в пучине гонит
Или к лицу земли древа на суше клонит,
Так гонят россы их, в толпу соединясь,
«Рубите! бодрствуйте!» — им вóпит Пронский князь.
Весь воздух огустел шумящими стрелами,
И дол наполнился кровавыми телами;
Звук слышится мечнóй и ржание коней;
Летает грозна смерть с косою меж огней;
Катятся там главы, лиются крови реки,
И человечество забыли человеки!
Что было б варварством в другие времена,
То в поле сделала достоинством война.
Отрубленна рука, кровавый меч держаща,
Ни страшная глава, в крови своей лежаща,
Ни умирающих прискорбнóй сердцу стон
Не могут из сердец изгнать свирепства вон.
За что бы не хотел герой принять короны,
То делает теперь для царства обороны;
Недосязающий бегущего мечом
Старается его достигнуть копием;
Бросает вдаль копье, и кровь течет багрова;
Лишь только умерщвлять, на мысли нет иного!
Окровавились лазоревы поля,
И стонет, кажется, под грудой тел земля.
Казанцы робкие свой путь ко граду правят,
Теснятся во вратах, секут, друг друга давят;
Безвременно врата сомкнувши, робкий град

Как вихрем отразил вбегающих назад.
Казанцы гордый дух на робость пременили,
Спираясь у врат, колена преклонили.
Князь Пронский, мщением уже не ослеплен,
Их просьбой тронут был и принял их во плен.
Тогда луна свои чертоги отворила
И ризой темною полки и град покрыла.

Но кровию своей и потом омовен,
Князь Троекуров был во царский стан внесен.
Какое зрелище! С увядшим сходен цветом,
Который преклонил листы на стебле летом,
На персях он главу висящую имел,
Взглянувший на царя, вздохнул и онемел.
Рыдая, Иоанн бездушного объемлет;
Но царь, обняв его, еще дыханье внемлет:
«Герой сей жив! .. он жив! ..» — в восторге вопиет;
Сам стелет одр ему и воду подает.
Коль так владетели о подданных пекутся,
Они безгрешно их отцами нарекутся.
Ах! для чего не все, носящие венцы,
Бывают подданным толь нежные отцы?
Но царь при горестях веселье ощущает,
Исходит из шатра и воинству вещает:
«Ваш подвиг нам врата ко славе отворил
И наши будущи победы предварил;
Мужайтесь, друзья! мы зрим примеры ясны,
Что брани наглых орд для россов безопасны».
Увидя Пронского, «О князь! — вещал ему, —
Коль мы последуем примеру твоему,
Наутрие орда и град их сокрушится. . .»

Сие пророчество внедолге совершится!
Ордам поборник ад, поборник россам бог;
Начальник храбрый царь: кто быть им страшен мог?
О муза! будь бодра, на крилех вознесися,
Блуди полночный час и сном не тяготися.

Что медлишь, мрачна ночь, что волны спят в реке?
Лишь веют тихие зефиры в тростнике;
Что солнце из морей денница не выводит?
Натура спит, а царь уже по стану ходит.

«Доколе брани дух в сердцах у вас горит,
Крепитесь, воины! — владетель говорит. —
Казань меня и вас польстила миром ложным;
Мы праведной войной отмстим врагам безбожным».
Во взорах молнии, нося перун в руках,
Он храбрость пламенну зажег во всех сердцах.

Но чьи простерлися от града черны тени,
Текущие к полкам как быстрые елени?
Как в стаде агничем, смятенном страшным львом,
Ужасный слышен вопль в полке сторожевом:
Российски ратники порядок разрывают
И тинистый Булак поспешно преплывают;
Открыла ужас их блистающа луна,
Которая была в окружности полна.
Там шлемы со холма кровавые катятся;
Там копья, там щиты разбросанные зрятся;
Как овцы, воины, рассыпавшись, бегут;
Четыре рыцаря сей полк к шатрам женут;
То были рыцари, исшедши из Казани
Отмщать россиянам успех вечерней брани:
Из Индии Мирсед, черкешенин Бразин,
Рамида персянка и Гидромир срацин;
Горящие огнем неистовой любви,
Алкают жаждою ко христианской крови;
Исторгнув в ярости блестящие мечи,
Как ветры бурные повеяли в ночи
И войска нашего ударили в ограду,
Как стадо лебедей скрывается от граду, —
Так стражи по холмам от их мечей текли. . .
Злодеи скоро бы вломиться в стан могли,
Когда б не прекратил сию кроваву сечу
Князь Курбский с Палецким, врагам исшедши
встречу.

Но вдруг нахмурила золотое ночь чело;
Блистающа луна, как в тусклое стекло,
Во мрачны облака свое лицо склонила
И звезды в бледные светила пременила;
Сгустилась вскоре тьма, предшественница дня.
Лишенны витязи небесного огня,
Друг к другу движутся, друг к другу ускоряют;

Но воздух лишь во мгле мечами ударяют,
И слышится вдали от их ударов треск;
Встречаяся, мечи кидают слабый блеск,
О камни копья бьют, когда друг в друга метят,
Им пламенны сердца в бою при мраке светят.

Тогда кристальну дверь небесну отворя,
Рождаться начала багряная заря
И удивилася, взглянув на место боя,
Что бьются с четырьмя российских два героя;
Дивилася Казань, взглянув с крутых вершин,
Что Палецкий с тремя сражается един;
Как лев среди волков их скрежет презирает,
Так Палецкий на трех ордынцев не взирает;
Кидается на них, кидается с мечом,
Который тройственным является лучом,
Толь быстро обращал герой свой меч рукою!
Он с кровью б источил ордынску злость рекою,
Но Гидромир, взмахнув велику булаву,
Вдруг с тыла поразил героя во главу;
Потупил он чело, сомкнул померклы очи
И, руки опустив, нисшел бы в бездну ночи,
Когда б не прерван был незапно смертный бой.
Со Курбским на холме биющийся герой
В изгибах ратничьих подобен змию зрится;
Чем больше есть упорств, тем больше он ярится.
К главе коня склонив тогда чело свое,
Пустил он в Курбского шумяще копие;
Но язву легкую приняв в ребро едину,
Князь Курбский, быстроту имеющий орлину,
Толь крепко меч во шлем противника вонзил,
Что в части все его закрепы раздробил.
Воителя ручки кровавы обагрили,
Волнистые власы плеча его покрыли,
По белому челу кровь алая текла,
Как будто по серебру. . . Рамида то была!
И рану на челе рукою захватила,
Вздыхнула и коня ко граду обратила.
Увидя витязи ее текущу кровь —
Чего не делает позорная любовь! —
Что ратуют они, что в поле, что сразились,
Забыли рыцари, и к граду обратились;

Им стрелы вслед летят, они летят от них;
Во пламенной любви снедала ревность их;
Рамиду уступить друг другу не хотели;
От славы ко любви, как враны, полетели.

Но в чувство Палецкий меж тем уже пришел;
Он взоры томные на рыцарей возвел;
«Бегут они!» — вскричал. . . и скорбь пренебрегает,
Коня пускает вслед, за ними в град влетает;
Он гонит, бьет, разит, отмщеньем ослеплен;
Сомкнулись вдруг врата, и князь пойман в плен.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ

В пещерах внутренних Кавказских льдистых гор,
Куда не досягал отважный смертных взор,
Где мразы вечный свод прозрачный составляют
И солнечных лучей паденье притупляют,
Где молния мертва, где цепенеет гром,
Иссечен изо льда стоит обширный дом:
Там бури, тамо хлад, там выюги, непогоды,
Там царствует Зима, снедающая годы.
Сия жестокая других времен сестра
Покрыта сединой, проворна и бодра;
Соперница весны, и осени, и лета,
Из снега сотканной порфирию одета,
Виссоном служат ей замерзлые пары,
Престол имеет вид алмазные горы;
Великие столпы, из льда сооруженны,
Сребристый мещут блеск, лучами озаренны;
По сводам солнечно сияние скользит,
И кажется тогда, громада льдов горит;
Стихия каждая движенья не имеет:
Ни воздух тронуться, ни огонь пылать не смеет;
Там пестрых нет полей, сияют между льдов
Одни замерзлые испарины цветов;
Вода, растопленна над сводами лучами,
Окаменев, висит волнистыми слоями.
Там зримы в воздухе вещаемы слова,
Но всё застужено, натура вся мертва;
Единый трепет, дрожь и знобы жизнь имеют,
Гуляют инеи, зефиры там немеют,

Метели вьются вокруг и производят бег,
Морозы царствуют наместо летних нег;
Развалины градов там льды изображают,
Единым видом кровь которы застужают;
Стесненны мразами составили снега
Сребристые бугры, алмазные луга;
Оттоле к нам Зима державу простирает,
В полях траву, цветы в долинах пожирает
И соки жизненны древесные сосет;
На хладных крылиях морозы к нам несет,
День гонит прочь от нас, печальные длит ночи
И солнцу отвращать велит светящи очи;
Ее со трепетом леса и реки ждут,
И стужи ей ковры из белых волн прядут;
На всю натуру сон и страх она наводит.

Влеком змиями к ней, Нигрин в пещеру входит;
Безбожный чародей, вращая смутный взгляд,
Почувствовал в крови и в самом сердце хлад;
И превратился бы Нигрин в студеной камень,
Когда б не согривал волхва геенский пламень;
Со страхом осмотрев ужасные места,
Отверз дрожащие и мерзлые уста
И рек царице мест: «О страх всея природы!
Тебя боится гром, тебя огонь и воды;
Мертвеют вокруг тебя натуры красоты,
Она животворит, но жизнь отъемлешь ты;
Хаос — тебе отец, и дочь твоя — Ничтожность!
Поборствуй Тартару и сделай невозможность:
Хотя затворена твоих вертепов дверь
И осень царствует в полуночи теперь, —
Разрушь порядок свой, сними, сними заклепы,
Метели свободы, мороз, снега свирепы;
Не обнаженная и твердая земля —
Теперь одры для них цветущие поля;
Теперь бесстрашные россияне во брани,
Ругаясь тобой, стоят вокруг Казани;
Напомни им себя, твою напомни мочь:
Гони их в дома вспять от стен казанских прочь;
Твои способности, твою возможность знаю,
И Тартаром тебя в сем деле заклинаю,
Дай бури мне и хлад! . . .» Согбенная Зима,

Российской алчуща погибелью сама,
На льдину опершись, как мрамор, побелела,
Дохнула — стужа вмиг на крылех излетела.
Родится лишь мороз, уже бывает сед,
К чему притронется, преобразует в лед;
Где ступит, под его земля хрустит пятою,
Стесняет, жмет, мертвит, сражаясь с теплотою;
Свои исчадия в оковы заключив,
Вещала так Зима Нигрину, поручив:
«Возьми алмазную цепь, влечи туда свободно,
Где мразов мощь тебе испытывать угодно;
Се вихри! се снега! иди. . . Явлюсь сама,
Явлюсь россиянам. . . узнают, кто Зима!»

Подобен с ветрами плывущу Одиссею,
Нигрин отправился в Казань с корыстью сею.
При восходе третьей луны к царю притек;
Народу с бурями отраду он привлек.
При вихрях радости повеяли во граде,
Когда готовились россияне к осаде.
Но прежде чем Нигрин простер на россов гнев,
Четырех свободил от пагубы змиев:
Рамида, любяща обильны прежде паствы
И млечные от стад и с поля вкусны ястывы,
Веселий ищуща во прахе и в пыли,
Рамида скрылася во внутренность земли.
Который из любви слиял себе кумира,
Ток водный поглотил навеки Гидромира.
Единым суетам идущий прежде вслед,
В стихию прелетел воздушную Мирсед.
Бразин, пылающий свирепостью и гневом,
Геенны поглощен ненасытимым зевом
И тако перешел в печально царство тьмы.

Но что при сих мечтах остановились мы!
Готовяся Казань изобразить погранну,
О муза! обратим наш взор ко Иоанну.

Уже в подобие чреватых гор огнем,
Селитрою подкоп наполнен был совсем;
И, смерть имеющий в своей утробе темной,
Горящей искры ждал в кромешности подземной.

Под градом ад лежит; во граде мраз и хлад!
Царь ждет, доколь Хилков приидет в стан назад.
И се полки его с Хилковым возвратились,
И гладны времена в роскошны претворились;
Сокровища свои хранила где Орда,
Град Арский, яко прах, развеян был тогда;
Исчезнул древними гордящийся годами,
Пустыни принял вид, расставшись со стадами.
Россияне его остатков не спасли,
С победой многие богатства принесли.
Терпящи нищету и голодом утомленны,
Российски вдруг полки явились оживленны;
На части пригнанных делят стада волов,
Пирь составились на высоте холмов;
Ликуют воины, припасами снабженны,
И злато видно там, и ризы драгоценны.
Но совесть воинам издалека грозит,
Которых злата блеск и роскошь заразит;
Герои таковы надежда есть державы,
Которым льстят одни венцы бессмертной славы;
Но царь внесенные сокровища к нему
В награду воинству назначил своему.
Такою храбрость их корыстью награжденна,
Могла корыстью быть взаимно побежденна,
И вскоре то сбылось! . . . Отважный Иоанн
Уже повелевал подвигнуть ратный стан;
В долинах воинство препятства не встречало,
Осады пламенной приблизилось начало.
Возволновался вдруг природы стройный чин:
Пришедый с бурями и мразами Нигрин
На стены с вихрями как облако восходит,
Оковы съемлет с них, в движение приводит;
На войски указав, лежащи за рекой,
Туда он гонит их и машет им рукой:
«Летите! — вопиет, — на россос дхните прямо!
Рассыпьте там снега, развеите стужи тамо! . . .»
Он, бури свободив, вертится с ними вкруг.¹
Как птицы хищные, спущенны с путел вдруг,
Поля воздушные крилами рассекают,

¹ О сем волхвовании летописатели тогдашних времен согласно повествуют,

На стадо голубей паренье устремляют, —
С стремленьем таковым, оставив скучный град,
На белых крыльях летят морозы, хлад,
И воздух льдистыми наполнен иглами.
Россиян снежными покрыл Борей крилами;
Поблекла тучная зеленость на лугах,
Вода наморщилась и стынет в берегах;
Жестокая Зима на паствы возлегает
И, грудь прижав к земле, жизнь к сердцу притягает;
У щедрой Осени престол она берет
И пух из облаков рукой дрожащей трет.
Мертвеют ветвями леса, кругом шумящи;
Главы склонили вниз цветы, поля красящи;
Увяла сочная безвременно трава.
Натура видима томна, бледна, мертва;
Стада, теснимые метелями и хладом,
В единый жмутся круг и погибают голодом;
Крутится по льду вихрь, стремится воздух сжать;
Не могут ратники оружия держать.
Из облака мороз с стрелами вылетает,
Всех ранит, всех язвит, дыханье отнимает.
Российски ратники уже не ко стенам,
Но, храбростью горя, бегут к своим огням;
И там студеной вихрь возженный пламень тушит,
Зима все вещи в лед преобразует, сушит.
Не греет огонь, вода речная не течет,
Земля седеет вкруг, и воздух зрится сед.
Уже спасения россияне не чают;
Смущены, на стенах Нигрина примечают,
Который в торжестве с казанцами ходил,
Руками действуя, морозы наводил.
Сие казанское лукавое злодейство
Признали ратники за адско чародейство.
Вступивше солнце в знак Весов узрев, они
Далеко от себя считали зимни дни;
В противны времена естественному чину
Поставили зиме волшебную причину.
Нигрин, который их тревожить продолжал,
Россиян вихрями и стужей поражал.

Но царь благий совет священных старцев внемлет,
Который помощью врачебною приемлет;

И чародействие, и Тартар отразить,
Велел, подняв хоругвь священну, водрузить,
На ней изображен в сиянии Спаситель,
Геенских умыслов всемогущий победитель;
Святыня на челе, во взорах божество
Сулили над врагом России торжество.
Благоприятствует России мысль царева —
Во знаме часть была животворяща древа,
На коем божий сын, являя к нам любовь,
К спасенью грешников бесценну пролил кровь;
И сею кровью мир от ада избавляет.
Се! верных крест святой вторично искупляет.
Божественную песнь священники поют,
Возжегся фимиам, и бури престают.
Светило дневное, воздушны своды грея,
Обезоружило свирепого Борея;
Зефирами гоним, он тяжко восстенал,
Метели пред собой и бури вспять погнал.
Теряют силу всю Нигриновы угрозы,
Ветр крылья свернул, ушли в Кавказ морозы,
Седые у Зимы растаяли власы,
Приемлют жизнь в полях естественны красы.
Но риза, чем была Казань вокруг стен одета,
Та риза, солнечным сиянием согрета,
Лишилась белизны и расступилась врозь,
Тончает и хребет земный проходит сквозь.
Россиян строга зима не победила,
Но снежная вода подкопы повредила;
Она в утробу их ручьями протекла,
Селитру пламенну в недейство привела.

Явлением святым животворятся войски,
Воскресли в их сердцах движения геройски;
И видя помощь, к ним ниспосланну с небес,
Ликуют посреди божественных чудес.
К осаде их сердца, готовы к браням руки;
При пении святом внимают трубны звуки.

Адашев и Алей! я вашу кротость зрю:
Вы мира сладости представили царю;
К ближнему любви и кротости послушный,

Приемлет Иоанн совет великодушный;
Он видел всех подпор лишенную Казань
И руку удержал, держащу гром и брань;
Предпочитающий сражениям союзы,
С казанца пленного снимает тяжки узы;
Велит его во град мятежный отпустить
И тамо их царю с народом возвестить,
Что рока близкого себя они избавят,
Когда россиянам их древний град оставят
Или, врата свои монарху отворя,
Приимут от него законы и царя
И тако возвратят наследие и правы
Обиженной от них Российския державы.

Нечаянной своей свободой восхищен,
Казалось, пленник был крилами в град несен.
Простерла ночь тогда с звездами ризу темну,
И Розмысл паки вшел во глубину подземну.
Сумнение с Ордой о мире царь имел,
Водой размытый путь исправить повелел;
Гробница мрачная была совсем отверста
И город поглотить ждала по знаку перста.

В то время светлые открылись небеса,
Во мраке озарив различны чудеса:
Вне града слышались казанских теней стоны,
Внимались во стенах церковей российских звоны,
Остановилося течение ясных звезд,
Простерлась лестница к земле от горних мест,
Небесны жители на землю нисходили
И россам верную победу подтвердили.
Над градом облако багровое лежит,
Вздыхают горы там, и здание дрожит;
Там жены горьких слез не знают утоленья:
Вещают близкий рок им страшные явленья;
Ожесточенная и гордая Казань
Крепится, бодрствует и движется на брань:
Так змий, копьем пронзен, болению не внемлет,
Обвившись вкруг копья, главу еще подьемлет.
Нигрин пророчеством казанцев веселит,
Дает виденьям толк, победу им сулит.

Невольник присланный во граде остается;
С другими во стенах он вскоре погребется.

Едва заря луга румянить начала,
Упала пред царем пернатая стрела,
Которую Казань с высоких стен пустила;
Писание к стреле с презреньем прикрепила:
Как древу сей стрелы вовек не процветать,
Так россам царства ввек Орде не уступать...
«Уступите его!» — вещает царь с досадой,
И войска двинулся с великою громадой.
Так басни брань богов изображают нам,
Когда Олимп отмщал их злость земным сынам;
Перунами Зевес со многозвездна трона
Разил кичливого и гордого Тифона;
Весь ад вострепетал, и всей вселенной связь
В тревоге ропотной дрожала, устрашась.
Со всех сторон трубы во стане возгремели,
Казанцы робкие смутились, онемели;
Но, видя молнии оружий под стеной,
Весь град, объемлемый как будто пеленой,
Казанцев Едигер на стены призывает.
Отчаянье плодом свирепости бывает!
Отрыгнув подлую россиянам хулу,
Готовят на стенах кипящую смолу,
Гортани медные, рыгающие пламень,
Горящи угля, песок, разженный камень;
Блистают тучи стрел россиян отражать,
Не может россов гром, ни пламень удержать;
Как будто посреди цветов в глухой пустыне,
Российские полки дерзают в стройном чине;
Подобно молниям, доспехи их горят;
Казалось, то орлы противу туч парят;
Весь воздух пение святое наполняет.
Сам бог, сам бог с небес идущих осеняет
И лаврами побед благословляет их!
Остановился ветер, и шум речной утих;
Повсюду теплое возносится моленье;
Во граде слышен вопль, вне града умиленье;
В стенах гремющий звук тревогу вострубил,
Но он пронзительным подобен стонам был,
Унывны немлются там гласы мусикийски;

Благоговение бодрит полки российски;
За веру и народ грядут, ополчены,
Со псалмопением священные чины;
Святою воинство водою окропляют,
И храбрости огни во ратниках пылают.
Как солнце, видимо во славе при весне,
Так войску царь предстал, сидящий на коне;
Он взором нову жизнь россиянам приносит,
Господней помощи сражающимся просит:
«О боже! — вопиет, — венчаемый тобой,
Мамаю сокрушил Димитрий, предок мой,
У невских берегов тобой поправны шведы,
Там храбрый Александр пожал венцы победы.
Коль благо мы твое умели заслужить,
Дай помощь нам Казань, о боже! низложить;
Вели торжествовать твоей святыни дому. . .»
Он рек; слова его подобны были грому:
В пылающих сердцах россиян раздалась,
И стены гордая Казани потряслись.
Промчался в поле глас, как некий шум дубровы:
Пролить за веру кровь россияне готовы!
И вдруг умолкнул шум, настала тишина:
Так, вышед на берега, смиряется волна.

Тогда, последуя благоволеньям царским,
Князь Курбский, исцелен, к вратам подвигся Арским;
С другой страны покрыл нагайских часть полей
С отборным воинством бесстрашный царь Алей.
Как камни некие казались в пучине,
Вельможи храбрые российских войск в середине;
Различной красотой убранство их цветет,
Но разности в огне сердечном к славе нет.
Полки, как бог миры, в порядок царь уставил
И, дав движенье им, к осаде их направил.
Вдохнув советы им, склонился Иоанн
К молению теплomu в неотдаленный стан;
Но войску повелел, идущему ко граду,
Услышав грома звук, начать тотчас осаду.

Сей знак с надежной был победой сопряжен:
Уж Розмысл вшел в подкоп, огнем вооружен,
И молния была в руках его готова;

Ужасный гром родить он ждал царева слова.
Тогда, воздев глаза и руки к небесам,
Молитвы теплые излил владетель сам.
Господь с умильностью молитвам царским внемлет,
Любовь возносит их, щедрота их присмлет:
Надежда с горних мест, как молния из туч,
Царю влилася в грудь и пролилася луч.
Воззвал, внимающий святую литургию:
«О боже! подкрепи, спаси, прославь Россию!..»
И бог к нему простер десницу от небес.
Едва сей важный стих пресвитер произнес:
«Единый пастырь днесь едина будет стада...» —
Разрушились вдруг под градом связи ада;
Поколебались и горы, и поля;
Ударил страшный гром, расселася земля;
Трепещет, мечется и воздух весь сгущает,
Казалось, мир в хаос создатель превращает;
Разверзлась мрачна хлябь, исходит дым с огнем,
При ясном небеси не видно солнца днем.
Мы видим ветхого в преданиях закона,
Как стены гордого упали Ерихона,
Едва гремящих труб стенам коснулся звук —
Казански рушились твердыни тако вдруг.
Расторгнув молнии пролом в стенах возженных,
И победителей страшат, и побежденных.
Осыпал темный прах и горы, и луга;
Земля волнуется, вздыхают берега,
Изображение казанския напасти,
Летают их тела, расторгнуты на части.
В развалинах они, кончаясь, вопиют,
Но громы слышать их стенанья не дают.
Нигрин, отломком в грудь от камня пораженный,
Валится вместе с ним в глубокий ад безденный;
Вращаяся, летел три дни, три ночи он;
В геенне рвет власы, пускает тяжкий стон.
Приемлет таковой конец всегда злодейство!

Но дым густой закрыл полков российских действо;
Князь Курбский с воинством кидается в пролом,
Огонь через огни, чрез громы вносит гром;
Преходит градски рвы, стеною заваленны,
Преграды разметал, огнями воспаленны.

Как бурная вода, плотину разорвав,
Вломился он во град, пример другим подав;
По стогнам жителей встречающихся рубит,
Разит, стесняет, жмет, победу в граде трубит.
С другой страны Алей, как будто страшный лев,
С полками на раскат и с громом возлетев,
По лествицам стрельниц казанских досягает,
Кипящий вар, песок, огонь пренебрегает;
Он, пламень отряхнув со шлема и власов,
Касается одной рукою стен зубцов,
Другой врагов разит, женет, на стены всходит,
Неустрашимостью страх, ужас производит.
Как солнечным лучом влекомая вода,
Текут ему вослед его полки туда.
О диво! вносятся знамена не руками,
Возносятся они на стены облаками.
Как легким бурный ветер играющий пером,
Россияне врагов свергают, бросив гром.
Со трепетом местá казанцы покидают,
Кидаются со стен, иль паче упадают.
Но яко часть горы, от холма отделясь,
Валит дубовый лес, со стуком вниз катясь,
Или как грудью ветр корабль опровергает,
Шумящ оружием, Алей во град вбегаёт:
Всё ломит и крушит, отмщением разжен,
Ему не внятен стон мужей, ни вопли жен.
Российские полки, Алеем ободренны,
Бросаются к врагам, как тигры разъяренны;
Стесняют, колют, бьют, сражаются — и вдруг
Услышали вблизи мечей и копий звук;
Россияне врагов, друзей казанцы чают;
Но Курбского в дыму далеко примечают,
Который на копье, противника небес,
Вонзенную главу ордынска князя нес:
Померклых глаз она еще не затворила
И, мнится, жителям: «Смиритесь!» — говорила.
Сей князь с державцем их воспитан вместе был,
К России за вражду народ его любил,
Но, зря его главу, несому пред полками,
Смутились, дрогнули и залились слезами.
Казалось, казнь и смерть отчаянных разит;
Такое ж бедство им, иль вящее, грозит,

Зияют из главы, им зрится, черны жалы.
Казанцы в ужасе исторгли вдруг кинжалы;
Един из воинов в неистовстве речет:
«Вы видите, друзья! что нам спасенья нет;
Предупредим позор и нам грозящи муки,
У нас кинжалы есть, у нас остались руки».
И вдруг кинжал вонзил внутрь чрева своего;
Дрожаща внутренна упала из него.
Жестокий сей пример других ожесточает:
Брат брата, сын отца в безумстве поражает;
Междоусобное сраженье началось,
И крови озеро со зверством пролилось.
Бесчеловечное такое видя действо,
Российски воины забыли их злодейство;
Ко избавлению враждующих текут,
Вломившись в тесноту, из рук кинжалы рвут,
Смиряют варваров, их злобу утоляют,
Хотящих смерти им от смерти избавляют.
Но жалит иногда полмертвая змея
Спасителей своих, в утробе яд тая:
Един признательным ордынец притворился,
Весь кровью орошен, он россам покорился.
Лишь только подступил россиянин к нему,
Он, меч его схватив, вонзил во грудь ему.
К Алею бросился с поносными речами
И тамо кончил жизнь, пронзенный сквозь мечами.
Другие дней скончать спокойно не могли,
На кровы зданиев горящих потекли;
Стрелами и огнем россиян поражали,
Сгорая, мщенья жар в героях умножали.
Россиян огонь губил и улиц теснота,
Но града часть сия уже была взята.
Как два источника, с вершины гор текущи,
И камни тяжкие и с корнем лес влекущи,
Гремящею волной разят далече слух;
Полстада потеряв, на холм бежит пастух,
Трепещущ и уныл, на пажити взирает,
Которы с хижиной ток бурный пожирает, —
Так с Курбским царь Алей победы умножал,
Так робко Едигер от грома прочь бежал;
Разрушилась его надежда со стенами;
Он скрылся в истукан с прекрасными женами:

Пророчеством своих волхвов предубежден,
Еще ласкался быть на троне утвержден.
Уже россияне препоны не встречали,
И вскоре б лавры их во граде увенчали;
Но вдруг сквозь бурный огонь, сквозь пыль, сквозь
черный дым

Корыстолюбие, как тень, явилось им:
Их взоры, их сердца, их мысли обольщает,
«Ищите в граде вы сокровищей», — вещает.
Затмились разумы, прельстился золотом взор;
О древних стыд времен! о воинства позор!
Кто в золото влюбится, тот славу позабудет,
И тверже сердцем он металлов твердых будет.
Прельщенны ратники, приняв корысти яд,
Для пользы собственной берут, казалось, град;
Как птицы хищные, к добыче устремились,
По стогнам потекли, во здания вломились;
Корыстолюбие повсюду водит их,
Велит оставить им начальников своих.
Уже на торжищах граблением делятся,
Но хищники своей бедою веселятся.
Сребро успело их отравой заразить,
Возможно ль было ждать, возможно ль вообразить?
Там жребий ратники на смерть свою метали,
Единодушные противниками стали.
Раздор посеялся, из рук одежды рвут,
И реки за сребро кровавые текут,
Забыта важная отечеству услуга,
Лишают живота россияне друг друга.
Коликих ты, корысть, бываешь зол виной!
Отломки золота за град влечет иной;
Иной, на тлен и прах исполненный надежды,
Окровавленные уносит в стан одежды;
Но прежний друг его за ним с мечом бежит,
Сражает, и над ним пронзенный мертв лежит.

Ко славе пламенем и ревностью возженны,
Князь Курбский и Алей, сим видом раздраженны,
Как вихри мчатся вслед и воинам рекут,
Которые от них к граблению текут:
«Стыдитесь! вспомните, что россами родились,
Не славой вы теперь, но тленом ослепились;

Победа вам и честь стяжаньем быть должна». Рекут, но речь сия бегущим не слышна! К отважности Алей и власти прибегает: Советом не успев, он меч свой исторгает И, потом орошен, бегущим вслед течет; «Вам лучше кончить жизнь во славе, — он речет, — Чем слыть грабителями!..» Тогда до Иоанна Достигла весть: Казань взята, попранна. Доколь победою пророк не возгремел, Дотоле руки вверх простертые имел, Молитвой теплою ршилась брань велика, И тако поразил во брани Амалика, — Держал в объятиях своих святой алтарь, Доколь победы глас услышал с громом царь. Он пролил токи слез, какие множит радость, Производя в душе по тяжких скорбях сладость; И только речь сию промолвить в плаче мог: «Закон российский свят! Велик российский бог!» Над ним летающа с трубою зрелась Слава, В очах, в лице его ликует вся держава; Подобен небесам его казался взгляд; С оруженосцами он шествует во град. Так видится луна, звездами окруженна; Иль множеством цветов в лугах весна блаженна; Или объемлемы волнами корабли; Иль между сел Москва, стояща на земли: Его пришествие победа упреждает, И слава подданных монарха услаждает; Адашева обняв, вещает наконец: «Не устыдится мной ни дед мой, ни отец; Не устыдишься ты моею дружбой ныне, Не именем я царь, я славлюсь в царском чине; Но славен бог един!..» Сия кротчайша речь Заставила у всех потоки слезны течь.

И царь, достигнувший под самы градски стены, Увидел вдруг свои поверженны знамены. Как агнцы робкие, россияне текут, Вещают с ужасом: «Там рубят и секут!» Как язва, жителей терзающа во граде, Или свирепый тигр, ревуший в агнчем стаде, —

Так сильно действует над воинами страх
И мечет их со стен, как буря с камней прах;
Царя бегущих вопль и робость огорчает,
Печальный оборот победы видеть чает.
Уже исторгнув меч, он сам во град дерзал,
Но посланный к нему Алеем муж предстал.
Явились истины лучи во темном деле:
Не ужас гонит их, корысть влечет отселе,
И сребролюбие сражаться им претит.
Тот робок навсегда, кого серебро прельстит!
Алеем посланный царю сие вещает:
«Ни стыд от грабежей, ни страх не отвращает;
И если царь сея алчбы не пресечет,
То вскоре сам Алей из града потечет,
Едва крепится он! . . .» Смущенный царь речами;
Велел опричникам приблизиться с мечами,
И сим оплотом бег текущим преградить,
Велел забывших честь россиян не щадить.
В румянном облаке Стыд хищникам явился,
Корысти блеск погас и в дым преобразился;
На крыльях мужества обратно в град летят,
За малодушие свое Казани мстят.
Трепещет, стонет град, реками кровь лиется,
Последний россам шаг к победе остается;
Растерзан был дракон, осталася глава,
Зияюща еще у Тезицкого рва.
Подобны вихрям, внутрь пещеры заключенным,
И пленом собственным и тьмой ожесточенным,
Которы селятся, в движенье и борьбе,
Сыскать отверстие чрез своды гор себе,
Казанцы, воинством российским окруженны,
Противуборствуют, громами вокруг раженны;
Прорваться думают сквозь тысячи мечей,
Текут; но не они, то крови их ручей;
Волнуются, шумят, стесняются, дерзают;
Но, встретив блеск мечей, как тени исчезают.

Князь Курбский и Алей полками подкреплен,
Ни тот сражением, ни сей не утомлен,
Подобны тучам двум казались идущим,
Перуны пламенны в сердцах своих несущим,
Котора вдалеке блистает и гремит;

Восходят вверх горы, где царский двор стоит.
Там робкий Едигер с женами затворился,
Сокрывшись от мечей, от страха не сокрылся.
Отчаянье туда вбежало вслед за ним,
Свет солнца у него сгущенный отнял дым;
Казалось, воздух там наполнился измены;
Земля вздыхает вокруг, трепещут горды стены;
Рыдание детей, унылы вопли жен;
И многими смертьми он зрится окружен. . .
Еще последние его полки бьются,
Последней храбрости в них искры остаются,
Тень мужества еще у царских врат стоит,
Волнуется и вход россиянам претит;
Усердие к царю насильства не впускает,
Почти последний вздох у прагов испускает;
Но силится еще россиян отражать.

Возможно ль тленным чем перуны удержать?
Алей и Курбский князь — как вихри напряженны,
Которых крылья к дубраве приложенны,
Лес ломают и режут; князь Курбский — с копием,
Алей по трупам тел бежит во рвы с мечом,
Как будто Ахиллес гремящ у врат Скиисских.
Там виден брани бог и дух стрельцов российских;
Вещает грозну смерть мечный и трубный звук,
У стражи падают оружия из рук;
Отчаянье в сердцах, на лицах томна бледность
Телохранителей являют крайню бедность.
Как будто бы народ на храм с печалью зрит,
Который, воспален от молнии, горит,
И, видя пламенем отвсюду окруженно
Любезно божество, внутрь стен изображенно,
Спасая свой живот, от храма прочь течет,
«О бог! избавься сам!» — в отчаянье речет, —
Так, видя молнии и стены вокруг дрожащи,
Рекой кипящу кровь, тела кругом лежащи,
Казански воины у Сбойливых ворот,
Творящи царскому двору живой оплот,
Который, как тростник, герои врозь метали,
Телохранители сражаться перестали;
Россиян укротив на малый час, рекли:

«Цареву жизнь до днесь, как нашу, мы брегли;
Россияне! тому свидетели вы были,
Что крови мы своей за царство не щадили;
Но днесь, коль вас венчал победою ваш бог,
Когда падет наш град и царский с ним чертог,
Когда ордынская навеки гибнет слава,
Вручаем вам царя несчастлива, но здрава,
И вам казанскую корону отдаем;
Но смертну чашу пить теперь за град пойдем...»
Спускаются с горы, текут за стены прямо.
Бегущих Палецкий с полками встретил тамо,
Уставил щит к щиту, противу грома гром;
Ордынцы мечутся чрез стены, чрез пролом,
Окровавляются берега реки Казанской,
И кровь ордынская смешалась с христианской.
Багровые струи, Казанка где текла,
Несут израненны и бледные тела...
Внезапно вопль возник, умножилось стенанье:
То город, испустя последнее дыханье,
Колена преклонил!.. Но дерзкая Орда
Ласкается, что ей погибнуть не чреда;
И гибелью своей в свирепстве ускоряют,
Болотам и рекам несчастну жизнь вверяют;
От покровительства отторглися небес,
В безумстве предпочли подданству темный лес.
С перуном Курбский князь по их стремится следу,
Достиг, сразил, попрад и довершил победу.
Между прекрасных жен во истукане скрыт,
Увидев Едигер, что град кругом горит,
Что, стражи обнажась, трепещут замка стены,
Наполненные рвы кровавой видя пены,
Что робость отгнала воителей в поля, —
Несчастный царь, тоске и плачу жен внемля,
Бьет стеньяшу грудь, венец с главы свергает,
Но в ужасе еще к лукавству прибегает.
Как будто плаватель, богатством удручен,
На мели бурных вод стремленьем привлечен,
Спасая жизнь свою, души своей приятства,
В боязни не щадит любезного богатства,
И что чрез долгий век приобретенно им,
То мечет с корабля во снедь волнам седым, —
Так, войска окружен российского волнами

И вкупе сетующ с прекрасными женами,
Умыслил Едигер, еще алкая жить,
Пригожство жен против россиян вооружить,
Которы иногда героев умягчают,
Над победительми победы получают.
Отчаянный на всё дерзает человек!
Златыми ризами наложниц он облек,
Украшил в бисеры и камни драгоценны,
Приятства оживил, печалью потушенны;
В убранствах повелел им шествовать к вратам
И взорами князей обезоружить там.
Уже прекрасный пол с высоких лествиц сходит,
Единый их царев воспитанник предводит;
Выносят не мечи, несут они цветы,
Приятства, нежности, заразы, красоты;
Главы их пестрыми венками увязенны,
Власы по раменам, как волны, распущенны,
Стенанья вырвались и слезы наконец, —
Оружия сии опасны для сердец!
Выходят, ко стопам героев упадают,
Обняв колени их, болезную, рыдают
И злато вольности на выкуп отдают,
«Спасите нашего монарха! — вопиют. —
Кровавые мечи, свирепость отложите
И человечество при славе докажите;
Для нас царя и нас спасите для него;
Остались мы ему, и больше никого! . . .»
Россиян трогает красавиц сих моление,
И близко прилегло к сердцам их сожаленье.
Сабинки древние так нежностью речей
Смягчили сродников, кидаясь средь мечей.
Теряют мужество, теряют крепость мочи,
В сердца желание, соблазн приходит в очи:
Младые воины не храбростью кипят,
Кипят любовью и пасть к ногам хотят;
Победу прелести над разумом приемлют:
Россияне уже прекрасных жен объемлют.

Но вдруг, как некий вихрь, поднявшийся с полей,
Вломились во врата Мстиславский и Алей;
Приметив, что любовь воителей прельщает,
Мстиславский их стыдом, как громом, поражает:

«Где россы? — вопиет, — где делися они?
Здесь храбрых нет мужей, но жены лишь одни!»

При слове том Алей, ордам злодейство мстящий,
Преходит сквозь толпу, как камни ключ кипящий,
Подъемлет копие и, яростью разжен,
Разит он юношу, стоящего средь жен.
Сей юноша самим воспитан Едигером
И женской наглости соделался примером;
Пораненный в чело, бежит в чертоги он, —
Отвсюду слышится рыданье, плач и стон.

Как ветер, играющий в ненастный день валами,
Или как горлицы, шумящие крылами,
Которых ястреба, летая вокруг, страшат,
Так жены, обратясь, за юношей спешат,
Теснятся, вопиют, бегут ко истукану;
Но юноша, схватив своей рукою рану,
Из коей кровь текла багровою струей,
К Алею возопил: «Будь жалостлив, Алей!
Не убивай меня, оставь царю к отраде;
Я не был на войне, ни в поле, ни во граде,
Не омочал моих в крови российской рук».
Алей на то ему: «Но ты Казани друг;
Довольно и сего!..» В нем ярость закипела,
Уже главу его хотел сорвать он с тела,
Но храбрый Иоанн, как вихрь, туда вбежал
И руку, острый меч взносящу, удержал;
К Алею возопил: «Престанем быть ужасны!
Престанем гнать врагов, которы безопасны:
Казань уже взята! Вложи обратно меч;
Не крови — милостям теперь прилично течь».

Явились, яко свет, слова его пред богом;
Бог пролил благодать к царю щедрот залогом...
Молчит вселенная, пресекая бег планет,
Казалось, Иоанн в правленье мир берет.

Но только робких жен казанский царь увидел —
И скипетр, и престол, и жизнь возненавидел;

Увидел, что сердце не тронула любовь,
Багрову на челе воспитанника кровь;
Внимая гром мечей, внимая трубы звуки,
Отчаян, рвет волосы, рыдает, вносит руки.
«Коль юность не смягчат сердце, ни красоты,
Чем льстишься, Едигер, смягчить героев ты?» —
Он тако возопил и, растерзая ризу,
Низвергнуться хотел со истукана низу.
Хотя во ужасе на глубину взирал,
Но руки он уже далеко простирал,
Главою ко земле и телом понижался,
Висящ на воздухе, одной ногой держался.

Тогда клопочущий в полях воздушных шар
Направил пламенный во истукан удар;
Громада потряслась, глава с него свалилась,
Весь град затрепетал, когда глава катилась;
Расселся истукан. . . Но робкого царя
Небесный дух схватил, лучами озаря;
Он пальмы на главе венцом имел сплетенны,
Лилеи он держал, в эдеме насажденны,
И ризу, в небесах сотканную, носил;
Взяв руку у царя, как лира возгласил:
«Несчастный! укрепись, отринь махометанство,
Иди к россиянам, наследуй христианство!
И верой замени мирские суеты;
Не трать твоей души, утратив царство, ты;
Российский кроток царь, не недруг побежденным:
Живи, гряди и вновь крещеньем будь рожденным!»
Во изумлении взирая на него,
Смущенный Едигер не взвидел вдруг его.
Но, благовестие напомнивший небесно,
Признал божественным явление чудесно;
Свой жребий Едигер судьбине покорил,
Нисходит с высоты пареньем быстрых крил,
Бежит, является царю, во двор входящу,
«Спасите царску жизнь!» — воителям гласящу.
И се! его зовет военная труба,
Приходит Едигер во образе раба:
Глава его была на перси преклоненна,
Покрыта пепелом, дрожаща, откровенна;
Омыта током слез его стеньяща грудь;

Сквозь воинов сыскав лишенный царства путь,
Отчаян, бледен, нищ и в рубище раздранном,
Повергся, возрыдал, упал пред Иоанном;
Челом биющий пыль, стопы монарши зря,
Вещает: «Не ищи казанского царя!
Уж нет его! уж нет! . . ты царь сея державы,
С народом я хочу твои принять уставы;
Всеобщей верности я ставлю честь в залог.
Ты будь моим царем! Твой бог мой будет бог!»

Со умилением герой стенанью внемлет,
И пленного царя как друга он объемерет,
Вещая: «Верой мне и саном буди брат! . .»
Услыша те слова, вспрынул и ожил град.

Тогда умножились во граде звучны бои,
Приветствуют царя российские герои;
Князь Курбский, кровию и пылью покровен,
Вещал: «Да будет ввек сей день благословен!
О царь, великий царь! твои победы громки
Со временем прочтут с плесканием потомки».

Мстиславский, меч в руке, как молнию, носящ,
Царей казанских скиптр в другой руке держащ,
Сию величества подпору и блистанье
К монаршеским стопам приносит на пограние.

Щенятев пленников окованных привлек,
«Ордынских многих сил се тень последняя! — рек. —
Твоею, царь, они рукою побежденны;
За подвиг наш твоей мы славой награжденны».

Романов, с торжеством текущий по телам,
Приносит знамя то к монаршеским стопам,
Которо смутных орд символом гордым было;
Оно, затрепетав, Луну к земле склонило.

Шемякин окружен добычами предстал,
Но славой паче он, чем бисером, блистал.

Микулинский, сей муж, российских сил ограда,
Орудия принес разрушенного града,

Мечи кровавые, щиты, пищали там
Как горы видятся монаршеским очам.

Адашев возопил: «О царь и храбрый воин!
Ты славен стал, но будь сей славы ввек достоин!
Спокойство возвратил ты не единым нам,
Даруешь ты его и поздним временам.
О! если б ты смирить Казани не решился,
Каких бы ты похвал, каких побед лишился!»

Явился Палецкий, парящий как орел,
По грудам он к царю щитов и шлемов шел;
Хотя рука его корыстей не имела,
Но вокруг его хвала российских войск гремела.

У Шереметева еще и в оный час
Геройский дух в очах и пламень не погас.

Плещеев пленников собирает христианских,
В темницах ищет их, в развалинах казанских
И, вкупе возвратив свободу им и свет,
Ко Иоанну их в объятия ведет.

Сбирает в тесный круг вельможей храбрых слава.
Вдруг новый царь настал и новая держава!

«Ликуй, российский царь! — вещал ему Алей. —
Казань ты покорил, и всех ордынцев с ней;
Отныне ввек Москва останется спокойна.
Но верность ежели моя наград достойна,
В корысть прошу одну Сумбеку, государь! . . .»
— «И дружбу с ней мою прими!» — вещает царь.

В восторгах радостных монарх приветствам
внемлет,
Вельможей, воинов с потоком слез объемлет,
И речь сию простер: «Сей град, венцы сии
Дарите россам вы, сотрудники мои!
И, если наших дел потомки не забудут,
Вам славу воспоют и вам дивиться будут,

А мне, коль славиться удобно в мире сем,
Мне славно, что я есмь толь храбрых войск царем!»

Внимая небо то, оделось новым блеском,
И речь заключена общенародным плеском.

Разженный к вышнему благоговеньем царь,
Во граде повелел сооружить алтарь.
Влекомые к царю небесной благодатью,
Сопровождаются чины священны ратью;
Ликуют небеса, подземный стонет ад;
Благоуханием наполнился весь град.
Где вопли слышались, где стон и плач недавно,
Там ныне торжество сияет православно;
Святое пение пронзает небеса;
Животворящая простерлася роса,
И стены, чистою водою окроплены,
Свой пепел отряхнув, явились оживленны;
Святому пению с умильностью внемля,
Возрадовались вокруг и воздух и земля.
Тогда среди кадил на гору отдаленну
Алтарь возносится, являющий вселенну;
Хоругвями уже он зрится огражден,
Недвижимый стоит, на камнях утвержден.
Перед лицом святой и таинственной сени
Первосвященник пал смиренно на колени;
Он руки и глаза на небо возносил
И бога, к алтарю нисшедша, возгласил!
Народ и царь главы со страхом преклопили,
Небесные огни сердца воспламенили.
Тогда, дабы почтить святую благодать,
Тела во граде царь велел земле предать;
Он теплых слез своих ордынцев удостоил;
По стогнам наконец священный ход устроил;
Повсюду пение, повсюду фимиам.
Где Тартар ликовал, ликует вера там;
Безбожие, взглянув на святость, воздохнуло.

И солнце на Казань внимательно взглянуло,
Спустились ангелы с лазоревых небес,
Возобновленный град главу свою вознес,

От крови в берегах очистилися волны, —
Казались радостью леса и горы полны.
Перуном поражен, Раздор в сии часы
Терзает на главе змиинные власы,
Со трепетом глаза на Благодать возводит,
Скрежещет, мечется, в подземну тьму уходит.

Чело венчанное Россия подняла;
Она с тех дней цвести во славе начала.
И если кто, сие читающий творенье,
Не будет уважать Казани разрушенье,
Так слабо я дела героев наших пел,
Иль сердце хладное читатель мой имел.
Но, муза! общим будь вниманьем ободренна,
Двух царств судьбу воспев, не будешь ты забвенна.

1771—1779

БАХАРИАНА, ИЛИ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок

ВСТУПЛЕНИЕ

Илионску брань воспев, Гомер
Пел войну мышей с лягушками;
Тамо важен — тут забавен был,
Резвыми играл идеями.
После «Генриады» славимой
«Орлеанку» сочинил Волтер,
Повесть шуточную, вредную,
Вредную, но остроумную.
Духа не имел Гомерова,
Ни шутливости Волтеровой,
После многих сочинений
Издаю в свободные часы
Приключенья Неизвестного,
Повесть новую, волшебную.

Мне собрания наскучили,
Надоели игры карточные,
Разговоры опротивели —
Разговоры неприманчивы,
Рассуждения газетные;
Вести сделались несносны мне,
Вести, вести злоречивые,
Убивающие честь других,
Никого не исправляючи;
Ужины мне стали тягостны,
Длинные, но пустословные;
Скрылся я в уединение! . .
О! душа уединения,
Сладостное книги чтение,

Заменяешь ты мне целый мир,
Кроме искреннего дружества;
С другом я сижу, как сам с собой;
В друге я, как будто в зеркале,
Вижу сам себя без всех прикрас;
Только не наружные черты,
Вижу чувства сокровенные,
Те же мысли, те же правила,
Друг живая книга для меня!
Ах! но мало, мало добрых книг,
А друзей гораздо менее!
Захочу ли философствовать,
Со Платоном древним мудрствую,
С Анахарзисом я странствую,
С умным Локком беседую,
Или с русскими поэтами,
Истинными муз любимцами.

Но всегда ль сидеть над книгами?
Не забавна жизнь сидячая,
Ради здравия вредна она —
Так ученый написал Тиссот.
Что же делать мне наедине?
Не заемлюся охотою,
Робких не люблю зверков травить
И лютее в поле зверя быть,
Не люблю невинных птиц стрелять,
Чтобы ими голод утолять,
Их не для стрелянья создал бог,
Для веселья в мире создал их,
Для любви и — ради пения!

Праздность, я слышал, пороков мать;
Удаляюся от праздности;
Много случаев без ней для нас,
Где наш разум развлекается,
Сердце в сети попадается,
В сети искушений мирских;
Мысленных соблазнов избежать,
Лучше стану что-нибудь писать!
Но писать хочу не рифмами,
Мне и рифмы надокучили!

Что же, что же я начну писать?
Слишком много в мире издано
И духовных книг, и нравственных,
А сердца не исправляются,
Люди так же развращаются;
Хоть в священной книге сказано:
Гордым людям бог противится, —
Только гордость в мире царствует;
Запрещают ближних убивать,
Но законов тех не слушают,
Изреченных словом истины.
Громом славы оглушенные
Ближних убивают на войне.
Если правды глас не действует,
Что мне голову свою ломать,
Чтобы головы других целить;
Гарпагона не исправить мне,
Ни льстеца не сделать искренним;
Жен бесстыдных не привести мне в стыд,
Глупым людям не привить ума;
Не унять языка вредного,
Не заставить меньше лгать лжеца,
Клеветы не обуздать пером,
Как теченья рек не удержатъ.
Правда всякому ли нравится?
Вымыслам и верить не хотят;
За сатиры люди сердятся,
За советы часто сетуют;
И с досадой скажет мне иной:
«О врачу, врачу! целися сам!»
Строгость нам скучна Катонова,
Тяжки правила Сенекины.
И на что, на что о том писать,
Что никак не исполнительно?
Ныне времена не прежние,
Времена ученой Греции,
Было только семь где мудрецов, —
Ныне в наших современниках
Ни семи не сыщешь дураков,
Дураками признающихся;
В свете люди стали все умны,
Увещания ненадобны;

Книги разве только нравятся,
Книги ради утешения;
Льзя ль при старости утешну быть! . .
Так с собою размышляя сам,
Покидаю я мое перо,
И писать я заклинаюся.

Вдруг явилась мне волшебница,
Покровенна с головы до ног:
Весь ее покров исписан был
Разными, как атлас, красками;
Замки есть на нем воздушные,
Видимы кони крылатые,
Люди, в камень обращенные,
Во деревья заключенные;
Видны старые волшебницы,
Превращенные сороками;
Тамо латы очарованны,
К телу ран не допускающи;
Видны кольца-невидимки там;
Там колдовки престарелые
Представляются в пятнадцать лет
И находят воздыхателей.

Там Платонова республика
Тонкой краскою написана,
Времени рукой повытерта;
Там свобода безрассудная
Обещает людям равенство,
Но себе престолы делает,
Только льзя прочесть в глазах у ней,
Что она готовит узы тем,
Кто свободой ослепляется;
Тамо виден славный дружбы храм,
В нем Орест с Пиладом кроются;
Там сидят Тезей и Пиротой,
Только свет для них несносен был,
И за тенью прятались они.

Но исчислить всех нельзя фигур,
Чем волшебница украшена;

На челе у ней подписано:
«Нарицаюся Фантазией!»
То растет она, то малится,
Всемигнута изменяется,
Будто бы Протей Вергилиев,
То как в май непостоянный день;
Толстый свиток у нее в руках,
Мне она приятным голосом
Говорила, свиток показав:
«Этот свиток я тебе дарю,
Лучше заниматься сказками,
Чем день целый в праздности сидеть
Или забавляться картами;
Услаждай, рисуй, выписывай,
Древним пой стопосложением,
Коим пели в веки прежние
Трубадуры царства русского,
Пели, пели нимфы сельские;
Им хорей, ни ямб не знаем был,
Только верная любовь у них
Попадала как-то в полный лад,
И размер в стихах был правилен;
Иль таким стопосложением,
Коим справедливо нравится
Недопетый Илья Муромец.

Что тебе писать советую
Небылицы, сказки, вымыслы,
Не стыдись — не беспокойся тем;
Где нет вымыслов? где басней нет?
Загляни времен в историю,
Там нелепые сказания,
Повести невероятные;
Загляни ты в книги важные. . .
Или — лучше не заглядывай! . .

В мыслях я была Гомеровых;
Пела я троян с Вергилием;
Превращения с Овидием;
Сладкий Тасс со мной беседовал,
Ариост наперсником мне был.

Ты со мной давно знакомился,
В царстве у меня ты странствовал
Как стихами, так и прозою;
Под личиной баснословия
Часто истина скрывается.

Музы не живут без грациев,
Но и грации рождены мной;
Буду часто я тебе шептать,
Буду пальцем то указывать,
Что из свитка выбирать тебе».
На столе его оставила,
А сама, как будто легкий пар,
Вдруг развеялась Фантазия
И сокрылась от глаз моих!
Так исчезнет повесть и моя,
Так и прочие творения,
Писанные не для вечности,
Для корысти напечатанны;
Или дети самолюбия,
Дети хворые и слабые.
Всё, что в мире ни встречается,
Тлеет, вянет, разрушается,
Слава, пышность, сочинения
Сокрушатся, позабудутся;
Мимо идут небо и земля. . .
Что же не исчезнет в век веков?
Добрые дела душевные!
Но пишу теперь не кáзанье,
Должность не моя других учить,
Поспешаю к самой повести.

Вижу палец указательный,
На одной статье протянутый;
Долго та статья не кончится,
Неизвестный ей заглавие.
Что мне велено выписывать,
Прочитать кто любопытствует,
Слушай тот повествования!

ТРАГЕДИИ

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МОНАХИНЯ

Трагедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М и р о з и, сенатор и начальник стражи
города Венеции.

К о р а н с, сын его.

Ж е р о м, наперсник Мирозия.

З а н е т а, венецианская монахиня.

О ф и ц е р к а р а у л ь н ы й.

С т р а ж и.

Действие в Венеции. Театр представляет
часть монастыря святой Иустины и часть
дому послов европейских.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Строгие венецианские законы всему свету известны; сия республика, наблюдая свою вольность, в такую неволю себя заключила, что часто печальнейшие приключения от того происходят. Между прочими древними установлениями, которые целост республики укрепляют, наблюдается и то, чтоб ни один венецианин ни с каким чужестранцем в городе сообщения не имел; тайные посещения и разговоры с чужестранными у них подозрительны, и многих до крайнего несчастья приводили. Важнее всего, ежели кто из венециан, какого бы знатного рода ни был он, в запрещенное время или без особенного на то дозволения в дом посланничей придет; такой без всякого рассмотрения смертью казнится. Сие самое потеряния жизни одному знатному молодому человеку стоило и мысль к сочинению сей трагедии подало. Здесь переменил я для некоторых обстоятельств имена тех лиц, с которыми сие приключение случилось, притом простительно будет, что, пользуясь обыкновенною стихотворческою вольностью и наблюдая театральную экономию, несколько отступал я от подлинности. Для любопытных читателей (каким образом всё сие происходило, также и для показания, что перемена та, которую я употребил в моей трагедии, не весьма велика) подлинную историю вкратце приобщаю. Коранс, который под другим именем известен в Венеции, влюблен будучи в одну молодую девицу, посещал ее иногда в монастыре, в котором она в то время воспитываема была. Отцы молодых сих любовников ничего о том сперва не знали. Сии посещения продолжались до тех пор, пока Коранс не получил повеления от отца своего, первого сенатора в республике, для некоторых дел оставить Венецию.

По возвращении своем молодой Коранс нашел любовницу свою в том же монастыре, где она и прежде была, уже постриженну; пылая к ней страстию, предпринял одолевать все к свиданию препятства,

пройти к жилищу своей любезной и свиданьем утешить свое опечаленное сердце. Дабы достичь к сему намерению, надлежало ему проходить чрез дом некоторого посла европейского; уничтожа опасность, непременно от сего предприятия произойти могущую, следовал он одним своим жарким чувствам, и ночным временем тайно к монастырю отправился. Имел ли он свидание с любезной или нет, о том неизвестно, только при самом выходе из посольского дому, как человек по их законам подозрительный, захвачен караульными помянутого города и отведен в темницу. Коранс, будучи от природы скромн, не хотел объявить истины и утвердился в тех мыслях, что лучше казнь принять, нежели, признавшись в своем намерении, обесчестить имя своей любезной. Сенат, невзирая на заслуги и знатность отца его, который и сам судьей сыну своему был, осудил отсечь Корансу голову. Прежде, нежели приготовиться к казни, Коранс уведомил о том свою любезную; но сия несчастная напрасно спешила предупредить невинную смерть своего любовника: уже казнь совершилась, и Корансово тело так, как обличенного злодея, обезглавлено увидела; она прибежала пред судей, объявила им тайность Корансова намерения и показала письмо его, в котором точно написано было, что он лучше сам бесчестно умереть хочет, нежели, открыв о любви своей, любезную обесславить; но тогда уже помочь сему несчастию поздно было. История далее не говорит, как только то, что в оправдание сего молодого человека и в утешение сродников его правление повелело вылить из золота голову с лицом Корансовым и, в знак чести и неповинности его, в знатном публичном месте поставить. Вот подлинное приключение, которое основанием своей трагедии я избрал! Читатели не могут меня упрекать в том, ежели что невозможным им покажется; я описывал то, что конечно было; а что и от себя прибавил, то в драме позволено быть может. Однако, как сами читатели теперь усмотреть могут, все мое старание в том состояло, чтоб в продолжении сей трагедии не отступать далеко от подлинности; и сие самое в трех действиях сочинить оную меня принудило.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Коранс

Вот стены, где моя любезная живет!
Но ныне не моей, но ангелом слывет.
Над бедным, стены, вы Корансом умилитесь!
Отверзитеся мне, на время расступитесь,
Дабы, расставшись с ней, на ту воззреть я мог,
Котору, мне вручив, теперь отъемлет бог;
С Занетой съединен и сердцем и душою,
Хочу и на земле и в небе быть я с нею.
Три года я моей Занеты не видал,
Три года мучился, крушился и страдал;
Теперь, мученьями смягча судьбину люту,
Тремя годами чту одну сию минуту,
И мнится, что вовек уже не встречусь с ней;
Но, может быть, уже я стал противен ей.
Откройте мне скорей, о стены! к ней дорогу,
Да к ней я приступлю иль паче с нею к богу.
Друг друга на земли любить мы родились,
Дабы и в небесах сердца у нас спряглись;
Но чей я слышу глас? что свет вдали блистает?
Не ангела ль ко мне всевышний посылает?
Ах! рано льщуся тем! о сердце! не греши;
Не божий ангел то, душа моей души!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Занета и Коранс.

Коранс

Тебя ли вижу я? Занету ли любезну?
Могу ль предать теперь забвенью жизнь я слезну:
Любим ли я тобой?..

Занета

Зачем пришел, зачем?
Молиться ли со мной пред здешним алтарем
Или сияющей на небе благодати
Пути святоши, оставя мир, искати?
Отрекся ль навсегда и ты мирских сует?
Раскаянье тебя иль страсть сюда зовет?
Оплакать ли свои грехи пришел со мною?
Иль мне сказать, что ты пленился уж иною?
То счастье для другой; и мне не есть напасть.

Коранс

К твоим ногам, моя любезная, упасть,
Пролить потоки слез, места наполнить стоном,
Которы признаю священным божьим троним;
Принять последнее прощенье от тебя
И кончить томну жизнь, к мученью полюбя.

Занета

Ах! должен ли еще о мне, Коранс, ты мыслить?
И можешь ли меня между живыми числить?
Привя небесный чин, я света отреклась,
В забвение навек от мира погреблась.
Люби меня, Коранс, но так люби, как мертву,
И чти не за свою, но за господню жертву;
Я смерть монашеску за жизнь души беру.
А ты спокоен будь...

Коранс

Умру, и я умру!
Умру, чтоб после жить мне тех в числе с тобою,
Которых бог ведет на небеса к покою;
Когда нам здесь нельзя соединить сердец,
По смерти в небесах получим мы венец.

Занета

В которых не совсем истреблены пороки,
Для тех суть небеса закрыты и высоки.
Ты хочешь божески законы преступить
И вечну жизнь себе злодействами купить;
Отъемлешь жизнь твою, в которой ты не властен.
Когда ты человек, терпи, хотя несчастен.

Коранс

Несчастливая жизнь есть близкий к смерти путь;
Сказать: она сносна — то мир весь обмануть.
Что есть несчастнее: коль кто сердечно любит,
И то, что любит он, еще при жизни губит?
Я чувствую теперь, что вечно трачу ту,
Которую любя дороже жизни чту.

Занета

Которы от пути отводят благодати
Желающих спастись, те славы божьей тати.
Принять священный чин, оставить вечно свет —
Мне был родительский при смерти их завет;
Здесь мой отец лежит, здесь мать в земной утробе,
Здесь мой любезный брат покоится во гробе,
Здесь я спасенье их душам подать тружусь,
И солнцу и луне в молитвах я кажусь.
Чтоб чувствовать могли мою горячность сами,
Молюсь о их грехах, смочив их прах слезами.
Слышна ль, родители, сия вам речь моя?
Утешила ль твой прах, мой брат, сестра твоя?
Исполнила ли то, что вы мне повелели?
Я света отреклась, того ли вы хотели?
Я плачу, бегая от всех людей, об вас,
Молюсь, чтоб съединил господь на небе нас.
Когда монашеству себя я посвятила,
Тогда забыла мир, тогда в любви простыла,
Тогда уже и ты прельщать меня не мог.
В то сердце, где ты жил, ко мне вселился бог.

Коранс

Ту жертву с щедростью всевышний не приемлет,
Котора ближнего покой и жизнь отъемлет;

Мольбы твои пред ним, Занета, пропадут,
Не даст утех тебе господний правый суд.
Напомни ты, кого свидетелем имела,
Когда взаимну страсть со мной запечатлела?
Чьим именем клялась, что будешь ты моя?
Где ныне оный бог и клятва где твоя?
Не думай, что господь те души услаждает,
Кто имя божие напрасно призывает;
Не мни, чтоб гибели хотел он чьих сердец;
Мы все его рабы, он общий нам отец.
Пускай ты суетность теперь забудешь света,
Но только не забудь священного обета;
Край света за тобой пойду спасаться вслед,
Где искушения и где лукавства нет;
Там в рубищах одних, в лесах, в пустой пещере,
Спасемся, как и здесь, по нашей чистой вере.

З а н е т а

Какой тогда пример обители подам,
Когда я для любви всевышнему предам,
Когда родительско прошение забуду
И за тобой одна скитаться в свете буду?
Их прах почувствует, что нет уж здесь меня,
И станет вопиять, ко господу стена,
Дабы на нас его отмщенье возгремело
И скрывшейся отсель не погребалось тело:
Да пренебрегшия смешать свой с ними прах,
Он ветрами носим был в поле и в волнах.

К о р а н с

Когда они тебя спасеньем завещали,
Про нашу страсть тогда родители не знали,
Не знали, что тебя я искренно любил,
Что нашей верности господь свидетель был.
Когда же чувствовать теперь они то станут,
Что бог, и крест его, и я тобой обманут,
Когда мой жалобный, как твой, их тронет стон,
Поднимется их прах, стена, из гроба вон,
Умножится болезнь душевного мученья,
И за меня они потребуют отмщенья;
За них и за меня бог мстить тебе начнет,

Что скажешь ты тогда, Занета, им в ответ?
Бог двуязычников и льстивых ненавидит.

Занета

Что я люблю тебя, господь, конечно, видит.

Коранс

Престань, престань; греха сей лестию не множь.

Занета

Из уст моих теперь не может выйти ложь.
Язык мой у творца спасенья только просит
И кроме имени его не произносит;
О нем печется дух, и сердце полно им,
Свидетель он теперь с тобой словам моим,
Хоть с нашими речми различен сей свидетель,
Но требует того священна добродетель;
Что мною ты любим, еще в том признаюсь,
И в том пред господем и пред тобой винюсь.
Люблю; но ты не мни, когда скажу то слово,
Что сердце уж мое отдаться в плен готово.

Коранс

Кто любит подлинно, тот так не говорит.

Занета

Кто служит господу, на слабости не зрит.

Коранс

Такие слабости не ставит он пороком.

Занета

На грешные сердца он зрит свирепым оком.

Коранс

Когда ты подлинно страстна ко мне была,
Так для чего, любя, ты чин сей приняла?

Занета

Внимай мою вину иль грозный случай паче:
Как ты оставил нас, осталась я во плаче;
В слезах застигнет ночь, в слезах меня заря;
И мысли за тобой летели чрез моря.

С родителями я беседовать скучала,
На все вопросы их смятенно отвечала;
Раздумаюсь — хочу забыть свою любовь,
Ты вобразишься мне — ослабеваю вновь;
Всё стало скучно мне, прискорбно, горько, мрачно;
Любила жарко я, но слезно, неудачно.
Чрез полгода, к моей печали наконец,
Скончалась мать моя, оставил свет отец;
Потом лишилася, к несносной скорби, брата,
Для твердых самых душ сия велика трата!
Лишилася троих. . . прости слезам моим,
Я горести свои смягчаю только сим.
Но прежде, нежели им всем меня покинуть,
С тобой несчастье нас решилося не минуть:
Разнесся слух, что ты близ здешних берегов
Погиб в сражении на битве от врагов.
В те смутны времена то время наступило,
Что вдруг меня тремя ударами сразило;
Родители, взглянув на сиротство мое,
Мне завещание оставили сие:
Чтоб я, несчастная, их следуя совету,
Навеки отреклась от брака и от свету;
Чтоб я молилася оставшу жизнь о них
В том месте, где теперь сокрыты гробы их.
К моим родителям всегдашне послушанье
Способствовало мне и братнино желанье;
Я, видя их конец, не стала им скучать
И заклалась свой век в монашестве скончать.
Тебя уже не чла я больше в мире жива,
Спасением одним хотела быть счастлива,
По бедствах таковых вступя в небесный путь,
Винна ль против тебя, скажи, я в чем-нибудь?

К о р а н с

Хотя передо мной быть чаешь не виновна,
Но честь тебя винит и страсть моя любовна;
Честь клятвы прежние напомнить мне велит,
Любовь о нежностях минувших говорит,
Прошедшее мои стенанья извлекает,
А настоящее в отчаянье ввергает.
Когда в тебе еще хоть искра страсти есть,
Когда обязану ты помнишь клятвой честь,

Представь ты нашего свиданья дни минувши
И жалость ощущай, на скорбь мою взглянувши;
Представь, в каком со мной ты дружестве была,
Когда моею ты невестою слыла;
Искала ли тогда к убежищу ты места,
Чтоб скрыться от меня? . .

Занета

Я богу днесь невеста!

Его единого должна теперь любить.

Коранс

Но лязь ль сей лестницей на небеса взойтить?
Не можно получить в грехах нам отпущенья,
Доколь от ближних мы не обретем прощенья:
Когда душа твоя на небеса взойдет,
За нею и моя тогда повеет вслед.
Создателя никто словами не обманет.
Твой дух просить венца, а мой сужденья станет.
О вечном житии кого начнешь просить,
Пред тем же жалобы начну произносить,
Что ты клялася им и не сдержала слова.

Занета

На всё ему ответ я принести готова.
В случаях таковых моя вина мала,
Что смертному в любви я бога предпочла.

Коранс

Святые клятвы нам велит всевышний помнить;
Кто ими раз клялся, тот должен их исполнить;
Не требует господь вдруг многих клятв от нас,
Исполня первую, другой клянися раз;
Ты раз его своим свидетелем имела,
Как, в том не устояв, призвать вторично смела?
Господь каратель сам обид, измены, лести.

Занета

Меня прощает бог, и ты меня прости;
Противен тот ему, кто мстителен и злобен;
Он щедрый судия, ты будь ему подобен,
Души своей пустым желаньем не слепи,
Оставь меня, оставь, и богу уступи.

Коранс

Не можно вообразить, Коранс колико беден!
Я вреден и тебе, и сам себе я вреден:
Тебе — что склонностью твоею душу льщу,
Себе — что той, кто мир оставила, дышу.
На что тебе, на что, следуя закону,
Противу нежностей брать бога в оборону?
Как должно свой закон нам свято наблюдать,
И клятвы должно нам за свято почитать.

Занета

Возьми со мной, возьми, Коранс, одну дорогу:
Остави суеты и обратися к богу;
Единое сие осталось средство нам —
Взнестись на небеса и съединиться там.

Коранс

Не можно мне принять намеренья такого,
Доколе на земли не совершу земного.
Не с тем произведен на свете человек,
Чтоб он безвременно отселе в вечность тек;
Упорным чувствам души своей казаться,
То благодатию господнею гнушаться;
Не можно меньше жизнь иль доле нам иметь,
Бог час назначил нам родиться и умереть;
Он должность нашу нам на свете предоставил,
А склонность наших душ на волю нам оставил;
Но только он того не требует от всех,
Чтоб жить между людьми мы ставили за грех.
На что ж? иль нет людей порочней нас во свете?
Нам света убежать в цветущем жизни лете?
Довольно в свете средств возможно обрести,
Не покидая мир, себя грехов спасти.

Занета

Тех прелести уже земные не пленяют,
Которы чистоту небес пресветлых знают;
Кто видит райские сияющи врата,
Тому противна вся земная суета;
Всходящим святости отселе на степени
Не внятны грешников ни слабости, ни пени.

К о р а н с

Что ты о святости, Занета, говоришь,
Ты, оным лстя себя, сугубее грешишь;
Кто упованием излишним дух прельщает,
То грех, который нам всевышний не прощает.

З а н е т а

Кто сердцем и душой очищен перед ним,
То грех отчаяться тому быть вместе с ним.

К о р а н с

Нередко и порок мы чтим за добродетель,
Но таинству сердец всевышний сам свидетель.

З а н е т а

Все тайны господу и дух мой посвящен.

К о р а н с

Один лишь я тобой был в те часы забвен,
Когда себя пред ним хотела ты оправить;
То ль средство избрала любовника оставить?

З а н е т а

Я вижу, что в своих ты заблужденьях тверд.

К о р а н с

Я вижу, что твой дух жесток, немилосерд.
Постой, не уходи, останься ты со мною!

З а н е т а

Беседовать с тобой мне бог почтет виною.
Стыжусь, здесь мешкая, начавшегося дня,
Чтоб солнце не нашло с Корансом и меня;
Прости, прости, Коранс! тебя я не забуду,
Молиться о тебе бесперестанно буду,
В церквах, в позорищах, в трудах, наедине.

К о р а н с

Недолго будешь ты молиться обо мне;
В позор любви твоей начну искать случая,
Мучения свои и жизнь свою скончаю.
Когда лишаюся Занетиной красоты,
В плачевны времена сладчайшие часы,

Уж не осталось ничем мне в жизни льститься;
С тобой и с жизнью решусь навек проститься.

З а н е т а

Такое мнение есть действо суеты,
Прости, и уповай на бога больше ты!

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

К о р а н с

(один)

Неверная бежит, речей моих не внемлет
И веселится тем, что жизнь мою отъемлет.
Стыдись ты слабости своей, Коранс, стыдись!
И к прежней славе ты от страсти возвратись.
Возьми оружием своим ее свирепость
И победи любовь, прияв душевну крепость!
Но сыщешь ли, Коранс, толико сил в крови?
Ах! нет, я чувствую, что слаб против любви!
Любовь! когда в тебе сердцам мала удача,
Ты есть источница мучения и плача;
В успехах ты своих сердцам есть благодать,
Житейских плод утех и всех веселий мать, —
Нет в свете сем тебя приятней и горяче;
Я в первом и в другом познал тебя случае,
Любил, любимым был, и должен не любить.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Коранс и офицер с стражею.

О ф и ц е р

Здесь точно надлежит какой измене быть!
Кто право дал тебе такого своевольства,
В полночный час ходить в окрестностях посольства?
Одни разбойники в такой лишь ходят час.

К о р а н с

Я за разбойников могу считать и вас;
Не знаете, кому так дерзко говорите.
Сокройтесь и себе подобных вы ищите!

О ф и ц е р

Кто б ни был, должен ты вину свою сказать.

К о р а н с

Не вам таких людей сердечны тайны знать!

О ф и ц е р

Темница умыслы злодейские докажет.

К о р а н с

(нападая на караул с кинжалом)

Что не разбойник я, то сей кинжал вам скажет:

Примите дерзости своей достойну мечь!..

Выхватывают кинжал его.

О ф и ц е р

Теперь ты доказал свою нам явно честь!

Кто обличается в делах своих безвинно,

Тот не поступит так злодейски и бесчинно.

К о р а н с

Вы можете давать сии мне имена,

Когда моя рука кинжала лишена;

Однако не страшусь за смелость вашей мести,

С кинжалом вы моей отнять бессильны чести.

О ф и ц е р

Не слушаю теперь твоих я больше слов,

Поди! кажися храбр под тягостью оков,

Ты вреден обществу!..

К о р а н с

Я вреден, в том признаюсь,

Однако я угрозу твоих не опасуюсь;

Не ты отъемлешь мой несчастливый живот,

Но кем несчастлив я, его отъемлет тот;

Коль должно умереть, с охотой умираю;

Теряя жизнь свою, я чести не теряю.

О ф и ц е р

Как ты злодействовал, тому свидетель я;

А виновен ты иль нет, народ тебе судья.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мирози и Офицер караульный.

Мирози

Так можешь на него довод представить ясный,
Что граду он злодей и человек опасный?
Какое подал он сомненье о себе,
В измене обличен, в убийстве иль в татьбе?

Офицер

Отечеству служил до старости я честно,
Как правду наблюдал, тебе сие известно;
Злодея укрывать ни в брате не могу,
А на безвинного напрасно не солгу;
Вот кая злость его неволю заслужила:
Когда народ утих и полночь наступила,
Последуя во всем приказу твоему,
Я с стражею ходил по городу сему;
Согласно было всё со тихостью ночью,
Весь город услажден был общей тишиною,
Как вдруг услышали мы некий шум вдали,
Сомненья стражи всей туда нас привели.
Приблизясь, видим мы под здешними стенами
Идуща в дом послов поиманного нами;
И как о имени его спросить хотел,
В ответ он вдруг на нас с кинжалом налетел;
На стражу, на меня он в ярости метался,
Но выхвачен кинжал, наш враг в плену остался;

И как я раз еще о деле спросил,
Ругательны слова он мне произносил;
Потом признался сам, что вреден он народу.

М и р о з и

Открыл ли вам свою невольник сей породу?
Сказал ли о своем достоинстве он вам?

О ф и ц е р

Ни слова ни о чем сказать не хочет нам;
Но знать, что страх его к раскаянию клонит;
Он, заключен в свои оковы, тяжко стонет;
Страшася, может быть, последнего часа,
Подъемлет плачущи глаза на небеса;
«О боже! — вопиет в признание иль притворно, —
Ты знаешь, должен ли я умереть позорно;
Однако казнь сию с охотой получу,
Я для того умру, что умереть хочу».
Еще он, государь, знать, робость в нас влагает,
Нередко имя он твое напоминает
И часто вопиет, в слезах пуская стон,
Что только о тебе одном жалеет он.

М и р о з и

Он, может быть, во мне считая добродетель,
Жалеет, что его мук буду я свидетель.

(К одному из воинов)

Вели от уз его на время разрешить,
Вели ко мне на суд несчастного впустить.
О боже мой! подай рассудку больше свету,
Чтоб за неправый суд не дать тебе ответу;
Открой ты истину, открой душе моей,
Присутствуй днесь во мне и будь со мной судьей;
Я правду наблюдал и честь хранил всечасно;
Не дай мне осудить преступника напрасно;
Наставь ты различать меня со правдой лжи,
Неправой казнию меня не накажи.
Когда ж отечеству злодей он и предатель,
Открой завесу мне пронырств его, создатель,
Но се его ведут. . .

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Прежние и Коранс (выводится на театр под караулом).

Коранс

Кого я вижу здесь?

(Отступает за театр.)

Мирози

Не тень ли то его? я цепенею весь.

Офицер

Каким смущением твой дух поколебался?

Мирози

Сей узник сыном мне, о друг мой! показался;
Не дай при старости того мне, боже, зреть!
А ежели то он, дай прежде умереть,
Скрой свет от глаз моих. Но что я сомневаюсь?
Коль мало я на честь сыновню полагаюсь!
Ничто его к тому не может привести;
Сомнение мое, любезный сын, прости.

(К воинам)

Представьте узника...

Коранс выводится Офицером.

Коранс

Идти нет больше мочи;

Не мучь мя, отврати ты от злодея очи!

(Бросается на колени.)

Мирози

Какой удар душе готовится судьбой!
Скажите, подлинно ль зрю сына пред собой?

Коранс

Несчастий в глубину злым роком погруженный,
Став именем злодей, к преступникам причтенный,
Я сыном не могу себя твоим назвать,
И сына ты во мне не должен признавать:
Уж больше он не тот, кем род твой украшался,
Кто в славных подвигах отцу уподоблялся.

Далеко от себя твой прежний сын ушел,
Себя в презрение, он в стыд отца привел.
Себе бесчестие, позор наносит роду
И мраком гнусных дел затмил свою природу.
Я добродетели противлюсь и бегу,
Однако не любить я чести не могу;
Не тот я становлюсь, себя я сам гнушаюсь,
Я сердца своего и сам уже чуждаюсь;
Из виду правила достоинства гублю,
Но в слабости моей я честь еще люблю.
Вот где твой сын теперь, вот чем себя он славит!
Вот память по себе какую он оставит!
Забудь того навек, кого во мне любил,
Не сердцем он со мной, но видом сходен был.
Ни роду своего, ни крови не жалея,
Не сына ты суди, отечеству злодея!
Святую истину ты на суде хранишь,
Нарушишь честь, когда меня ты не казнишь.
Я враг отечеству, убийств производитель!

М и р о з и

А я бесчестному такому был родитель!
Едва могу сыскать пристанище уму.
Ты сын мой! можно ли поверить мне тому?
В каком ты образе предстал передо мною?
Злодей! ты вечного позора мне виною.
Наш род во славе был лет не едино сто,
На торжище из нас не умирал никто;
Никто из предков жизнь не кончивал бесчестно.
Служили верно ль мы, то в мире всем известно;
В народе нас за то знатнейшими почли,
На первую степень мы почести взошли.

К о р а н с

Мне стыдно, государь, что я умру в неволе,
И стыд мой множится твоим воззреньем боле;
Но ты не причитай ко мне злодейских вин,
Невольник твой — злодей! однако честен сын.

М и р о з и

Злодеем чтить тебя причину я имею,
Но в том увериться еще совсем не смею;

Нельзя, чтоб кровь сия, где честь всегда жила,
Такой бесчестный плод на свет произвела.

К о р а н с
(восстав)

Что я не с подлою душой иду отселе,
Я докажу тебе при смерти то на деле;
Я в твердости отцу и в славе подражал,
Неробким, как и он, на свете возмужал,
При всяких бедствиях я тверд был и спокоен,
За то любви твоей, за то я был достоин;
На возрастe ты стал наставник мне и друг,
Не огорчался твой, ни мой тобою дух;
Твои дела во всем давали мне уставы,
Вослед тебе стремясь, я мнил достигнуть славы;
Но рок меня на сем пути остановил
И облак предо мной препятствий положил.
Во мраке слабостей от славных дел скрываюсь,
Честь, честь зовет к себе, но я не отзываюсь.
Уже к спасению я ни луча не зрю,
Бегу всего. Люблю!.. Но что я говорю?
Нет! тщетно сердце в том признаться принуждаю,
Что прежде я сказал, всё то же подтверждаю:
Злодейский умысл я, родитель мой, имел,
Противу общего покоя встать хотел.
А ежели о всем ты хочешь быть известен,
Знай, кончу жизнь свою и умираю честен!
Хотя ж злодея ты меня быть ныне мнишь,
Но, наказав меня, невинного казнишь.

М и р о з и

Иль рассуждение, несчастный сын, теряешь?
Ты вдруг себя винишь, винишь и оправдаешь.
Коль замыслы свои злодейски подтвердил,
Ходил ли ты, скажи, в посольский дом?

К о р а н с

Ходил!

М и р о з и

Скажи мне точную намеренья причину.

К о р а н с

Не можешь в том велеть невольнику, ни сыну;
Довольно, я сказал, что явный я злодей,
А больше из меня не вырвешь тайны сей!

М и р о з и

Когда родителям их дети не послушны,
Не должны быть отцы для них великодушны.
И ты коль позабыл, что мною ты рожден,
Рождение свое забыть я принужден.
Упрямствуй! Умножай бездельническую злобу,
И позабудь тебя носившую утробу!
Когда отечеству престал ты сыном быть,
Хочу и я тебя теперь отсыновить;
Сим честным именем не смей ты нарицаться;
Бесчестными детьми родители стыдятся;
Что я отец тебе, пред всеми отрекусь
И доказать сие моим судом потщусь.
Коль жалости уже лишаешь ты природу,
Какую жалость лъзя к тебе иметь народу?
Какой уж милости желать тебе посметь?

К о р а н с

Чего желаю я? — скоряе умереть!

М и р о з и

Умрешь, несчастливый! тебе готовы муки;
Я первый омочу в крови злодейской руки.
Чтоб явный стыд с себя непринужденно стерть,
Предам тебя, предам своей рукой на смерть!

(Хватается за кинжал.)

О ф и ц е р

(удерживая его)

Народ уж о его неволе известился.

К о р а н с

Не думай, государь, чтоб смерти я страшился!
Когда намеренье имею жизнь скончать,
Равно мне, как ее теперь ни потерять.

Но если на себя толь гнусну должность примешь,
То поношения от мира ты не минешь,
И может быть еще, хоть знают честь твою,
Приложит и тебе народ вину мою.
Коль гнев на смерть мою тебя так строго нудит,
Пусть вместе град с тобой на казнь меня осудит.

М и р о з и

Ты, варвар, думаешь, что всяк, как ты, свиреп!
Родитель как ни зол, однако к чадам слеп.
Но что о нем жалеть? о мне он не жалеет.
Кто сына такова, как я, теперь имеет?
Привел меня к тому, злодей, ты наконец,
Что должно мне забыть, что я тебе отец!
Пойдем! Я покажу злодея скрытна граду
И сам тебе судьей перед народом сяду.

К о р а н с

(бросаясь на колени и схватя за руку его)

Постой! мне в свете жить один остался час;
Позволь сыновний долг отдать в последний раз.
Почувствуй на сию минуту сожаленье,
Прими последнее от сына ты прошение.
Я знаю, что тебе сие прискорбно зреть,
Что сын твой, как злодей, обязан умереть;
Но, чтоб в глазах твоих злодеем не казаться,
Едино средство есть — мне с жизнью расстаться.
Не должен для меня ты сделать ничего,
Для прежнего смягчись лишь сына твоего;
Любовь его к себе и честь его напomini
И ради имени Корансова исполни:
Он просит при конце, чтоб то, что он имел,
Чем наградить его когда-нибудь хотел,
Сие, несчастливой душе моей в отраду,
Отдай живущим в сей обители в награду,
Чтоб дщери божии о мне молились там,
Через них да обрету прощение грехам.
Когда ж на смерть меня мое осудит дело,
Казня меня, сокрой, сокрой мое здесь тело,
Чтоб я очиститься святым сим местом мог,
Дабы грехи мои скоряй простил мне бог.

М и р о з и
(подняв его)

Восстань! мне жалостно такое завещанье!
Но верь, что всё твое исполнится желанье.
О! если б ты, мой сын, не посрамил себя,
Я мог бы положить живот мой за тебя!
Когда б, как в мире все, ты жизни сей лишился,
Я б меньше мучился и меньше бы крушился;
А то, к погибели и к горести моей,
Минется жизнь твоя, и честь минется с ней;
Себя ты смертию позорной обесславишь,
А мне при старости печаль и стыд оставишь.
От многих мне детей остался ты один
И был достойный мне наследовати сын;
Тобой я уповал наш славный род восставить
И сына верного отечеству представить.

К о р а н с

Что ж делать! уж того нельзя переменить,
И поздно о моем несчастье тужить.
Позволь, пока еще твой сын живет на свете,
Пред божиим судом дабы не быть в ответе,
Да буду на земли развязан для небес,
Я покаяние святым местам принес.
Позволь грядущему к позорной смерти сыну
Пред сим монастырем в мольбе пребыть едину;
Чтоб скрылся я, о том сомненья не имей;
Я смерти не бегу, бегу умереть скорей.

М и р о з и

О! как меня своим отчаяньем ты мучишь!
Останься; может быть, ты здравый ум получишь
И, покаянием своим нашед творца,
Познаешь, должен ли таиться сын отца.
Вы, стражи, от него на время отступите,
Потом его на суд к народу приведите.

Все выходят.

О боже мой! могу ль такой удар снести!

Поди в объятие, в последний раз прости!
Прости — и не слыви моим ты сыном боле!

(Уходит.)

К о р а н с

Прости, родитель мой! не мучь ты сына доле.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К о р а н с

(один)

Питая лютостью свою жестоку грудь,
Несчастливого отца несчастный сын забудь;
Не слушай в варварстве родительского стону;
Противен богу будь, народу и закону!
На смерть позорную готовь себя, готовы!
За что же гибнешь ты? За слабую любовь!
Для ней ты честь свою и славу днесь теряешь,
Для ней отца крушишь, для ней ты умираешь;
А страсти лютой сей не ведает никто;
Всяк мнит, что я злодей и что умру за то.
Отечество врагом тебя решится числить,
И для кого умрешь, та будет то же мыслить.
Ах! не бесчесть себя, поди и объяви,
Что произвольно ты жизнь кончишь от любви!
Изобрази свое несчастье народу;
Он сжалятся и даст тебе и ей свободу.
Священный чин, меня зря в горести такой,
Святую сложит цепь с нее святой рукой;
И только к небесам достигнет их моление,
Простит господь сие нам наше преступленье.
Но сердце от того утешится ль мое?
Мне сердца не дадут, дав руку мне ее;
Она, лишась меня, нимало не жалеет
И прежняя любви ни искры не имеет,
Повсюду моего присутствия бежит.
Умереть тебе, Коранс, конечно, надлежит!
Народ мной раздражен, ожесточен родитель,
Несклонна та ко мне, чей друг был, чей любитель.
Кончайся, жизнь моя! Несносен всем я стал!
Отца, любовницу и друга потерял.

Я должен сам себя и жизнь возненавидеть;
Хочу лишь при конце любезную увидеть.
Где? где ее сыщу? увы! она нейдет.
Иль в крайности меня покинул целый свет?
Весь свет мерзит моей соделанной виною,
Колелеблется земля и стонет подо мною;
Разжегся гнев небес пороков от огня,
Сверкают молнии и блещут на меня!
Стремится страшный гром во ад мой дух
низвергнуть!
Куда я обращусь? К чему теперь прибегнуть?
О праведны места! я прибегаю к вам,
Спасите вы меня и дайте свет очам!
Не смерти я боюсь, не молний дух страшится,
С любезною хочу, кончая жизнь, проститься.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Занета и Коранс.

Занета

Еще ль тебя любовь земная не страшит?
Уж небо против ней сверкает и гремит.
Что делаешь ты здесь? Беги святого места!
Бог гонит прочь тебя и прежняя невеста;
Беги громовых стрел, беги, спасай себя!

Коранс

Уж я и так бегу, Занета, от тебя;
Не думай, чтоб хотел от молний укрываться,
Я рад всевышнего оружием скончаться.
Услышишь скоро ты пред здешним алтарем,
Как станут вспоминать о имени моем;
И как уж мертвого меня тебе вспомнят,
Сильнее в сих местах, сильнее громы грянут!
Блестящи молнии тебя повергнут в страх,
В слезах увидишь ты у ног своих мой прах;
Моя стенаща тень не даст тебе покою
И станет следовать повсюду за тобою,
И будет вспоминать сия ужасна тень
И место наша любви, и первый день;
За клятвы ложные ты месть от ней получишь!

Занета

Престань! за что меня такой угрозой мучишь?
И так уж к небесам дорогу я гублю,
За то, что я слаба, за то, что я люблю.
Люблю! кто дерзко так сказать в сем сани смеет?
Почто отважный мой язык не цепенеет!
Почто порочная не каменеет грудь. . .
Поди! не мучь меня и к слабости не нудь.

Коранс

Ты ясно говоришь, что я тобой обманут.
Любовники от глаз друг друга гнать не станут.
Пойду и злость твою вселенной докажу;
Умру и смертью сей тебя я накажу!

Занета

Как можешь ты питать толь зверское желанье?
За что готовишь мне такое наказанье?
Проснись! любви твоей велика слепота;
Занета, как была, поднесь к тебе вся та.
Что чувствует Коранс, то чувствую подобно;
Страдание мое с моим терпеньем сходно;
Я так же мучуся и так же я люблю,
Но больше, может быть, креплюся и терплю.
Едина страсть с тобой, и мысль моя едина,
Но твердости моей мой сан и долг причина.
Ты так же, как и я, жар сердца потуши,
Рассудком слабости преодолей души;
Соблазнам в мысль свою не открывай ты следу,
Терпеньем одержи над сердцем ты победу;
Возьми меня в пример и мне примером будь:
Я скрылась от тебя, и ты меня забудь;
Решишься ли на то? . .

Коранс

Не требуй в том ответу,
Тот слаб в своей любви, кто любит по совету!

Занета

Того желает бог, того желаю я,
И требует того и честь, и жизнь твоя.

К о р а н с

Нет в жизни никакой опричь любви мне лести,
И нет иныя в ней, как слыть твоим, мне чести.

З а н е т а

Живи ты для себя, для света, для отца.

К о р а н с

Не для других любовь вселяется в сердца.
Законы отдавать велят заслуги роду,
Полезное себе, народное народу;
Однако долг от нас свободы не берет;
Что сродно нам, им то на волю отдает.
И ты отколе те изобрела уставы,
Что хочешь у любви отнять законны правы?

З а н е т а

Из должности моей, из сердца моего.

К о р а н с

От сердца хладного, от зверства своего!

З а н е т а

Судите, небеса, обоих нас, судите,
Кто прав из нас, кто прав, то сами докажите;
Подайте способ мне уверити его,
Бессильна я в своих речах против него;
Меня вы перед ним невинну оправдайте.
А если я винна, пред ним и покарайте.

К о р а н с

Преступник завсегда к свидетельствам спешит
И тщетной клятвою себя оправить мнит.
На что душа твоя так много лицемерит?
Кто был обманут кем, тому вперед не верит.
Сколь крат ты небеса в свидетели брала?
Какими клятвами себя ты заклала,
Что в верности ко мне по смерть не пременишься?
Переменилось всё, почто ж еще божишься!

З а н е т а

Когда бы в сем была обмане я грешна,
Давно б мне райска дверь была отворена,

Когда б пред богом я порок сей учинила,
В минуту бы потом прощенье умолила.
Но ах! есть более пороки, есть за мной;
Я, ближась к святости, теряю путь святой.
Тревожится мое душевное терпенье,
Мне скучно кажется мое уединенье.
Подумаю, что я действительно грешу,
Паду пред алтарем, не зная, чего прошу;
Всё мучит, всё томит, печалит всё Занету!
Смятенью своему не знаю дать ответу.
Отдамся сну, мой дух покоить хоть на час,
Услышу вдруг во сне меня зовущий глас.
Проснусь, и чаю быть геенску искушенью,
Прибегну в трепете к усердному моленью;
Простершись пред алтарь, я слезы лить начну;
Алтарь затмится вдруг, отважно лишь взгляну;
На лики божии взираю беспристрастно,
Что в чем-нибудь грешна, сие мне кажется ясно.
Когда затворен был к молению мне путь?
Когда на небеса робела я взглянуть?
Душа моя чиста, сие я знаю точно,
Знать, впала в тяжкий грех я сердцем не нарочно?
Страшуся за него я душу погубить.

К о р а н с

Чего боишься ты, оставя мир?

З а н е т а

Любить!

К о р а н с

Кто что преодолел, того ли тот страшится?

З а н е т а

Не мни, что больше я хотела изъясниться.
Прости меня, творец! мой грех уже велик,
Что тот же о любви дерзнул вещать язык,
Который истребить все слабости клянется,
Которым похвала блаженству воздается.
Беги, Коранс, беги! оставь меня одну!
Дай мне потоком слез омыть мою вину.
Ах! что теперь начать? пойду; но где восплачу:
Везде мой грех со мной, повсюду бога трачу!

К о р а н с

Не сею тратишь ты его, не сей виной,
Меня ты погубя, его теряешь мной.
Противен господу священных клятв рушитель.

З а н е т а

Дух слабый подкрепи, мой бог и защититель!
Прости! иду тебя забыть иль умереть!

К о р а н с

Ах! больше ты меня не будешь в свете зреть.

З а н е т а

Возненавидь меня, коль жизнь ты ненавидишь.

К о р а н с

Занета! ты меня в последний раз здесь видишь;
Увидишь, может быть, чрез несколько минут,
Когда меня во храм бесчувственна внесут!
И как я, мучимый неверностью, увяну,
Заплачешь надо мной, но я уж не восстану.
На что несчастному Корансу восставать,
Коль в мире надлежит терзаться, тосковать!
Теперь на смерть спешу, всё кончить жизнь мне
нудит!

Услышишь ты, к чему Коранс себя осудит.

З а н е т а

Дай, небо, чтобы ты меня забыти мог!

К о р а н с

Прости! Тебе ее вручаю, щедрый бог!

З а н е т а

Поди, скорей поди, и так я согрешаю!

К о р а н с

Прости, лишась тебя, я к смерти поспешаю!

(Уходит.)

Занета

(одна)

Колико ты вредна сердцам, любовна страсть!
Спеши, Занета, ты пред алтарями пасть,
Омой слезами грех. Но что, смутясь, робею?
Чего страшусь, о чем грущу, о чем жалею?
Хочу войтить во храм и возвращаюсь вновь;
Никак еще в моей крови горит любовь?
О силы вышние! вы сердце подкрепите,
Навек его от уз любовных свободите;
Подайте помощь мне, я силы все гублю
И чувствую, увы! что стражду и люблю!
Ах! я ко господу в молитвах прибегаю,
Но вслед глаза мои Корансу посылаю;
Почто я не могу вступить во храм в сей час?
Мне томный слышится за сей стеною глас!
Чьи жалобны слова коснулись внятно слуху
И что еще грозит смутившемуся духу?
Конечно, благодать меня к себе зовет,
И душу мрачную озаревает свет:
Я следую тебе, невидимая сила,
Ты мысль смущенную и сердце просветила.
Спокойство в душу мне священна вера льет;
Но сердце, встрепетав, покою не дает!
Страсть с верой борется, а вера с нежной страстью.
Увы! Коранса я увидела к несчастью,
Но долго ль слабостью мне бога раздражать?
Ах! тщетно бодрствую; куда мне убежать?
Коранс, ты предо мной, дай к храму мне дорогу,
Люблю — но предпочесть тебя могу ли богу?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

М и р о з и
(один)

Чем, боже! пред тобой я тако согрешил,
Что сына ты меня в цветущи дни лишил,
Единыя моей при старости отрады
И лучшей в жизни мне утехи и награды?
Рача о нем, я всё старанье приложил,
Я в нем отечеству, а он во мне служил.
Конечно, пред тобой я, боже! стал виновным,
Что наказуюся бесчестьем сыновным;
Тебя он раздражить грехами не успел,
Я жил и раздражить тебя случай имел;
За что же он, не я, мой творче, наказуюсь?
Ты так судил, твоим законам повинуюсь;
Тебе я предаюсь, о щедрый мой творец!
Созданье я твое — увы! но я отец;
Креплюся и хочу тебе повиноваться,
А слезы из очей неволею катятся.
Я плачу — слезы те суть действие родства,
Но дух мой волей весь исполнен божества.
Над сыном пусть моим свершает смерть
свирепость,
Родительской душе лишь дай, мой боже,
крепость.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мирози и Занета с письмом.

Занета

Кто будет мне в моем желаньи предводитель?
Где казнь приемлет он? И где его родитель?
Но кто сей человек, что сходен тако с ним
И взором, и лицом? . .

Мирози

Дивлюсь словам твоим;
Чьего родителя, чью казнь ты вспоминаешь?

Занета

О муж, почтенный муж! коль веру считаешь,
Когда ко ближнему ты чувствуешь любовь,
Не дай, дабы лилась невинна в граде кровь!
Когда имеешь ты лицо с Корансом сходно,
И сердце можешь ты иметь ему подобно.
Скорей к отцу его, скорей меня веди!
Мне время дорого; иди со мной, иди!

Мирози

(в сторону)

Прилична ль речь сия монашескому чину?

(К ней)

Скажи мне наперед предстательства причину.

Занета

Не медли, сжался ты, коль сам имеешь чад;
Услышишь после то и весь услышит град;
Коранса я спасти от смерти восхотела.

Мирози

Конечно, умысл ты злодейский с ним имела?
Коль так, беги отсель, беги, себя храни!

Занета

Напрасно ты меня, несчастну, не вини;
Я с саном ангельским согласный дух имею
И для того о нем пекуся и жалею.

М и р о з и
(в сторону)

Нельзя, чтоб странному не быти тут чему;
Мне те известны все, известен кто ему;
Когда и как они знакомы оба стали?
Или по злым делам друг друга вы узнали?

З а н е т а

Конечно, он мне стал знаком по злым делам,
Свидание бедой обоим стало нам,
Обоим должно нам прошедших дел стыдиться;
Я им небес лишусь, он жизни мной лишится.
Когда ты справедлив, веди меня к суду,
Сей милости прошу, сего я только жду!

М и р о з и

Открой мне таинство, души ее содетель!

З а н е т а

Хранишь ли ты, скажи, хранишь ли добродетель?
Имеет ли в тебе какую жалость дух?
Не затворяется ль к плачевным просьбам слух?
Могу ли на тебя, могу ли положиться
И ввериться тебе и в тайне сей открыться?
Но ты, смущаясь, мне не хочешь отвечать,
Знать, ты Корансу враг, знать, жизнь ему скончать!
О! если б где отца Корансова сыскала,
Он сжалился б, когда б два слова я сказала,
Не мешкал бы спасти он сына своего!
Я, может быть, прошу гонителя его,
Обманута твоим наружным постоянством.
Не слыхано сердец таких меж христианством!
Чтоб казнь приял Коранс, нарочно время длишь,
Пойду искать отца!..

М и р о з и

Ах! ты пред ним стоишь!

З а н е т а

Как! ты его отец? Мне то невероятно;
Отцу спасение сыновне неприятно.
Когда прошу тебя к суду меня вести,

Чтоб жизнь несчастного Коранса соблюсти,
Нарочно медлил ты, нарочно отрекался!

М и р о з и

Я преж сего отцом Корансу назывался;
Когда ж он в гнусные дела изменой впал,
Он сыном мне, а я отцом ему не стал!

З а н е т а

За что родительской любви его лишаешь?
За что его, за что злодеем называешь?
Чем имя он сие и гнев твой заслужил?
Не тем ли, что его ты нежным в свет родил?
Знай, винен тем Коранс, что он несчастно любит.
Увы! за страсть свою и честь, и жизнь он губит.

М и р о з и

Как хочешь, чтоб твоим поверил я словам,
Когда в бездельстве он своем признался сам?
Ты смеешь оправдать изобличенно дело
И мне ответствуешь так дерзостно и смело!
Я, сына не щадя, не пощажу тебя.

З а н е т а

Я смею всё сказать, сама его любя.
От варварской души друг друга люди губят,
Знать, жалость в тех лишь есть, которы верно любят!
Где кроется, увы! небесная любовь,
Когда не жалостна отцам сыновня кровь?
Что сделал сын тебе? Что сделал он народу?
И чем он посрамил, скажи, свою природу?
Не спорю, что слаба в любви душа его,
А что невинен он, ручаюсь за него!

М и р о з и

Что страстно любит он, о том я неизвестен,
Но только знаю то, что сделался бесчестен.
С отцами толковать о детях лъзя ль чужим?
Он взрос в моих очах, я был всечасно с ним,
Он честен был, но честь сразил своей виною.

З а н е т а

Неправа та вина, а он стал винен мною.

М и р о з и

Я не могу твоих речей никак понять;
Как можешь сердце ты его так верно знать?

З а н е т а

Знай, сердце я его в своей имея власти,
Узнала по моей к нему взаимной страсти.
Хоть непорочность я свою чрез то врежу,
Вот чем его тебе невинность докажу!
Он сам ко мне писал. . .

(Отдав ему письмо.)

М и р о з и

(читает письмо)

«Неверная Занета!

Жестокостью своей меня ты гонишь с света.
Когда я от тебя тобой гоним пошел,
Жизнь горестну скончать злой случай я нашел;
Захвачен стражею, злодеем я сказался,
Отец мне был судья, отцу я в зле признался.
Несносен быв тебе, хочу на смерть идти
И, честь твою храня, приемлю казнь; прости!»

З а н е т а

Что скажешь ты теперь?

М и р о з и

О весть! о время грозно!
Ах! оправдание сие, Занета, позно.

З а н е т а

Не позно, ежели жалеешь ты о нем!

М и р о з и

Ах, позно! он уже скончался под мечом.

З а н е т а

Он умер! Боже мой! что слышу я, несчастна!

М и р о з и

О! мой несчастный сын. . .

З а н е т а

О ведомость ужасна!

Затмись в моих глазах, затмись скорее, свет,
Не нужен ты, когда в тебе Қоранса нет!
Спеши, он, может быть, еще не принял казни;
Я вслед тебе пойду, не чувствуя боязни,
И кинуся на меч, подъятый на него.

М и р о з и

Напрасно льстишься ты, уж в свете нет его.
Я отдал сам на казнь его своей рукою;
Не возвратим его мы просьбой никакою.
Увидим тело мы, лишенное души,
Зачем туда идти? . .

З а н е т а

Спеши туда, спеши!

С час времени письмо его я получила;
Он был в неволе жив. . .

М и р о з и

Ты час не упредила.

Представ на казнь, меня привел в смущенье он,
Я, скроясь вдалеке, его услышал стон;
Глас томный, смертный глас ушам моим касался,
Он обезглавлен мне и весь в крови мечтался.
Но он мечтается мне здесь, о боже! вновь.

З а н е т а

Так пролилась, Қоранс, твоя невинна кровь!
Ты умер для меня в мучении жестоком,
И я была твоей плачевной смерти роком!
Не возвратишься ты уже вовеки к нам,
Мне страшен без тебя весь мир и божий храм!

М и р о з и

Ах! ты, несчастная, Қоранса погубила!

З а н е т а

Могла ль его губить, когда его любила?
Несчастен стал Қоранс, что он прельстился мной,
Моя к нему любовь всех бед его виной;

Несчастливы оба мы, горя взаимной страстью,
Преобразилась нам теперь она напастью.
Его отсутствие, монашеский мой чин
Причиною тому, что принял казнь твой сын.

М и р о з и

Почто же в той любви мой сын мне не открылся?

З а н е т а

Знать, строгостью моих ответов огорчился!
Он скрылся от меня на смерть себя предать.

М и р о з и

Я должен мучиться, и ты должна страдать!

З а н е т а

Уж мучуся и так подобно как во аде
И не найду вовек спокойствия к отраде:
Всё станет мне мой грех по всем местам казать,
Всё будет душу рвать и мысль мою терзать!
Уж нет ни на земле, ни под землею места,
Где б успокоилась Корансова невеста.
Здесь совесть, там душа принуждены страдать;
Здесь радостей, а там прощенья не ждать!

М и р о з и

Благодарю творца, что стал о всем известен.
Мой сын был слаб в любви, но умер не бесчестен.
Пойду, сие письмо народу покажу
И, что мой сын Коранс невинен, докажу.

З а н е т а

Любезное письмо в последний лобызаю,
Иду — куда? — во храм вступить я не дерзаю.

М и р о з и

Я боле нахожу жалеть о нем причин:
Тебе любовник он, а мне Коранс был сын;
Невинной кровью он обязан мне своею.

З а н е т а

Тебе он кровию, мне сердцем и душою.
Ах! как мне не жалеть? в нем жизнь была твоя,

Три жизни отняла в своем упрямстве я,
И вдруг я три души, несчастна, погубила,
Твою, сыновнюю и, ах! свою убила.
Как можно небесам преступницу простить! . .
Однако надлежит всегда творца просить.
Введи меня во храм, страшусь одна явиться,
Против убийцы огонь оттоле возгорится!
Ввергает в горесть жизнь, и смерть ввергает в страх,
Не примут в гроб к себе родители мой прах.
Страшна я сделалась самой земной утробе
И недостойна быть в одном с отцами гробе.
Дай волю мне и клясть греха не воспрещай,
Убийцу своего ты сына не прощай!
Соедини со мной и ты свое моление,
Да мне ниспошлет бог за смерть его отмщенье!
А ты, надежды всей навек меня лиша,
Сияй пред господом, любезная душа!
Чтоб часть спасения с тобой соединилась,
Которой я своим несчастьем лишилась.
Прошед сквозь чистый свет небесного огня,
Не вспоминай моей досады, ни меня,
Не помни суетной любви моей измены!

(К Мирози)

Прости! Введи меня в сии святые стены,
Хочу в раскаяньи прибегнуть ко творцу
И приготовиться к последнему концу!
Мне казнь жестокая — любезного лишение,
Прости, да бог тебе ниспошлет утешенье!

Мирози

Тебя прискорбно мне, увы! и горько зреть.

Занета

Спокоить дух отца, должна я умереть.

Мирози

Бог нам един отец, он грешных утешитель.

Занета

За кровь невинную бывает бог отмститель!
Прости! . .

(Ушла.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мирози

(препроводив ее, один)

О боже мой! на смерть я сына осудил,
Почто ты мало мой рассудок просветил?
Почто родительско мне сердце не сказало,
Что не преступника в Қорансе наказало?
Почто из глаз его не мог я прочитать,
Что сына я врагом не должен почитать?
Почто и он, почто в любви своей таился?
Он скромностью своей врагом мне учинился!
Но суд всевышнего для нас непостижим;
За скромность он погиб, а честь осталась с ним.
Пойду и сим письмом изображу то ясно,
Что сын мой честен был и принял казнь напрасно!
Он жизнь не посрамил, мне нечего жалеть;
Нам всем когда-нибудь потребно умереть.
Что ж делать, что не я лишился жизни прежде?
Нередко в той отцы обмануты надежде.
Но что ко мне Жером с поспешностью идет?
Знать, хочет мне сказать, как сын оставил свет!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мирози и Жером.

Жером

Весь город, весь сенат, родня твои и други
Уважили твои к отечеству заслуги,
Қорансу твоему прощение дают;
А за вину ему определяет суд,
Чтоб только он отсель на время удалился,
Потом бы паки в град к родителю явился.

Мирози

Ты жив еще, Қоранс! еще ты видишь свет!
Мне к жизни весть сия прибавит много лет;
От поношения и скорби я избавлен.
О боже! буди ты за милости прославлен!
Ты сына отдал мне и прежнюю славу с ним,
Троих ты поразил, но жизнь даешь троим.

Беги в сей храм, беги, сыщи скорей Занету,
С ней должно видеться для важного совету;
Скажи ей, чтоб сюда скорей пришла она
И что Корансу жизнь уже возвращена.
Теперь пойду просить народное правленье,
Да в браке учинит Занете разрешенье.
О! если бы, Коранс, не так ты скромн был,
Не огорча меня, ее бы получил!

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Мирози и Коранс, освобожденный, с воинами.

К о р а н с

На что мне жизнь дарить, на что давать свободу?
Я щедрость ту за казнь приемлю от народу;
Не требую от вас теперь ни малых благ,
Мне должно умереть; я есть злодей и враг!

М и р о з и

На что тебе, мой сын, в любви укрываться
И, честным будучи, злодеем называться?
То малодушия единого плоды —
В отчаянии себя вводить в напасть, в беды.
Что казни ты искал злодейской самовольно,
К мученью моему уже того довольно.
Простительно тебе, что больше ты любил,
Чем славу, чем ты жизнь родительску щадил;
Но если небеса о мне пекутся сами,
За что меня разить безумными словами?
Коль бога помнишь ты, то помни и отца,
Непослушанием не раздражай творца;
Хоть слабым ты рожден, не буди малодушен,
Но будь и в горести родителю послушен.

К о р а н с

Что дух мой ни таил, что прежде я ни знал,
Всю тайну и тебе, и граду я сказал;
Сказал, что я злодей; но я в злодействе честен,
Безвинно умираю. . .

М и р о з и

Уж я о всем известен!

Напрасно ты свою срамишь почтенну кровь,
Не зло тебя на смерть приводит, но любовь.
Своей неправедной и вымышленной ложью
Меня бесчестишь ты и тратишь милость божью;
Она тебе нужна, в ней благость вся твоя;
Но надобно тебе к ней помощь и моя.
Я нежностям твоим, мой сын, не воспрещаю
И, как отец, тебя во всех винах прощаю.
Престань известное мне таинство таить,
Ты друга верного в отце обязан чтить.

К о р а н с

Я тайну всю сказал. . .

М и р о з и

О! как ты непокорен!

Упрям к признанию, нежалостлив, притворен!
А если пред тобой всю тайну развяжу
И умыслов твоих причину покажу,
Признаешься ль, что ты передо мной виновен?

К о р а н с

Известен ты о всем? Я стал теперь бессловен.

М и р о з и

Твое ль сие письмо и ты ль его писал?

К о р а н с

Кто, кто тебе о всем, родитель мой, сказал?

М и р о з и

Та, кем твоя душа напрасно огорчалась
И чьей любви твоя в отмщенье жизнь кончалась;
Невинность чья письмом была искушена,
Кем ты еще любим. . .

К о р а н с

Занетою!

М и р о з и

Она!

Мне ею ваши все намеренья открылись,
Которы от меня тобой одним таились.

К о р а н с

Так ты, неверная, и то могла сказать,
Чем слабости мои удобно доказать!
В тот час, как ей о мне крушиться должно было,
Ее моей любви мне сердце изменило.
О! как она слаба и коль несчастен я!

М и р о з и

Невинна пред тобой любовница твоя.
Напрасно ты ее неверной считаешь,
Ты злобу большую в груди своей питаешь.
Когда она, тебя лишаясь, рвалась,
О гибели твоей слезами здесь лилась.
Советы ей мои совсем напрасны были
И малодушия ее не истребили;
Не ожидающа небесных благ себе,
Крушилась об одном лишь только о тебе.
Вы оба любите, и малодушны оба;
Но в ней одна любовь, в тебе любовь и злоба.
Она монашеску поддерживает честь,
А ты, Коранс, и слаб, и неумерен есть;
Стыдися сам себя, стыдися предо мною,
Что духом меньше ты пред слабою женою.

К о р а н с

На что мое письмо родителю казать?

М и р о з и

Чтобы невинность мне в любви доказать,
Тебя предупредить в твоем безумном деле
И честь твою спасти, доколе дух твой в теле.

К о р а н с

Она причиною моих злодейств была.

М и р о з и

О ком же здесь она потоки слез лила?
По ком стенания и вздохи испускала,

Когда о чаемом конце твоём узнала?
Зачем перед народ она хотела течь
И за кого она хотела жизнь пресечь?

К о р а н с

Словам родительским не верить я не смею,
Но, ах! в ее любви сомнение имею.

М и р о з и

О сын мой! я живу на свете много лет,
Всё в мире я видал, и мне известен свет,
Умею разобрать с пустой беседой дело;
Что ею ты любим, тому я верю смело, —
Не обманулся я крушением ее.

К о р а н с

Внимай теперь, внимай стенанье и мое!
О ней ты сетуя, о мне, о мне печалься;
Коль сжалился над ней, над бедным сыном
сжался,
Ты сам мне прежню мысль, отец мой, возвратил
И в холодной сей груди любовь воспламенил.
Когда уже тебе Занета всё открыла,
Что я ее любил и что меня любила, —
Я признаюсь тебе и сам в вине моей:
Измену я отмщал моею смертью ей.
Закрывать несчастное с Занетою свиданье
В отчаяньи пошел на казнь и на страданье;
Когда ж и в ней любовь не престаёт гореть,
Так жить хочу для ней или без ней умереть.

М и р о з и

Надежды не теряй. Который дал свободу,
Тому я вашу страсть изображу народу;
Смягчится для тебя, он сжалится над ней.
Отчаянье оставь, надежду возымей.

К о р а н с

Поди, достойнейший на свете сем отец,
Соделай двух сердец мучению конец;
Хотя в Занете есть ко браку непокорство,
Твоя одна слеза смягчит ее упрство.

М и р о з и

На нежного отца, о сын мой! положишься;
Но будь в рассудке тверд, в несчастиях крепись.

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Те же и Ж е р о м (с скоростью входит).

М и р о з и

Идет ли к нам она, увидимся ль мы с нею?

Ж е р о м

От ужаса еще смущаюся и млею!
Не можно вообразить страшнее ничего!
Лишь в стены я вступил монастыря сего,
Увидел бедную монахиню стенащу,
Увидел на гробах родительских лежащу;
Она отчаянна, она в слезах была,
Не слезный ток у ней, но кровь из глаз текла!
Лишенна зрения, она о гробы билась,
То лобызала их, рыдала и молилась;
Молитв и слов ее расслушать я не мог,
Но только часто был призван ею бог.
Я, тронут жалостью, спросил тоски причину;
Она отвечает: «Оставь меня едину,
Причину горести моей всевышний зрит».

К о р а н с

Что я ни слышу, всё как гром меня разит!

М и р о з и

О творче мой!

Ж е р о м

Смущенный встречу такую,
Спешил исполнить я веленное тобою;
Когда искомая была возглашена,
Призналася, увы! что то сама она.
Всю горесть отложа, вдруг крепость возымела,
Пред вас сама предстать поспешно восхотела.
Но се ее ведут! . .

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Занета (покровенна и провождаема двумя воинами).

М и р о з и

Льзя ль жалость снести сию!

З а н е т а

Пришли ли мы туда? Пред вами ль я стою?

М и р о з и

Ты с нами, дочь моя!..

К о р а н с

Что вижу я? Занета!

Какое зрелище!..

З а н е т а

Уже не вижу света!

Но мнится мне, что я Корансов слышу глас,
Скажи мне, здесь ли ты, нашла ль с отцом я вас?

М и р о з и

Познай ты нас, познай по тяжкому стенанью!

К о р а н с

По вздохам, по слезам, по смертному страданью!
Я весь окаменен, моя хладеет грудь.

Занета! прогляни, на смерть мою взглянуть!

З а н е т а

Постойте и ко мне теперь не приближайтесь,
Возрите на меня и бога ужасайтесь!
Не с тем намерилась Занета к вам вступить,
Чтоб нежность нежностью в Коранса возвратить;
Но с тем, чтоб он своей любви сопротивлялся,
Меня бы позабыл, но духом не смущался.
За то, что был мой взор тобой, Коранс! прельщен,
За то в нем ныне свет навеки потушен;
Огонь сердца моего во мрак преобразился,
И грех в душе моей погас, простыл, затмился.

К о р а н с

Когда тебя твой грех к сей крайности привел,
Почто я вижу свет? Я тот же грех имел;
Почто наказаны с тобой не вместе оба?
От видимого мной почто я спасся гроба?
Проси ты господа, коль можешь ты просить,
Чтоб смертью твою мне скорби заменить.
Но мне во прелестях ты зришься совершенна,
Ты в сердце у меня, хотя очей лишена.
Занета и теперь в душе моей живет,
Все чувства радует и в мысли вносит свет;
Забвенью предаю мученья и напасти,
Которы претерпел от злополучной страсти;
Лишь только будь и ты, как прежде, такова.

З а н е т а

Уж поздно слушать мне толь нежные слова!
Все прежни слабости теперь я ненавижу,
Хотя не вижу вас, однако бога вижу;
Я с ним беседую, он в сердце у меня;
Оно очищено от вредного огня.
Полезно кажется мое мне наказание.
Прости, и истребляй развратное желанье!
Я скроюсь навек...

(Хочет уйти.)

К о р а н с

Постой, постой! лишаясь сил...
Почто жестокою, почто я возлюбил?
Родитель мой, вступишь, вступишь хоть ты за сына!
Отрада в жизни сей Занета мне едина;
Склони ее, склони оставить сан и чин.
Я ввусь...

(Падает в объятия к воинам.)

М и р о з и

Что сделалось с тобой, о мой любезный сын!
Ни рассуждения, ни чувства не имеешь.
Занета! ежели о страждущих жалеешь,
Проси ты господа, чтоб, сжалясь надо мной,
Он мне единому ваш грех причел виной:

Страданием своим хочу ваш грех отерти,
За вас и за себя принять готов три смерти.

Занета

Престань, престань и ты, о старче! не греши;
Забудь обоих нас, не погубляй души!
Со временем его тоска, конечно, минет,
Он, господа сыскав, любовь свою покинет.
Мне так, как и тебе, его сердечно жаль,
Но дочерям Божиим несвойственна печаль.
Уж я наказана за то, что с ним любила,
И должно, чтоб теперь я к Богу обратилась.
Пойду и припаду к священным алтарям.
Чтоб всем троим Господь послал прощенье нам!
Покаясь и приняв за слабость люты казни,
Иду теперь во храм, иду я без боязни!
В сей чистой совести готова умереть. . .
Но Бог еще мне раз велел на свет воззреть:
Я вижу бедного Коранса пред собою!
Коранс, спасись! Напасть простерлась над тобою!
Увы! из света путь отверзт обоим нам. . .
Что двигаться моим препятствует устам?
Блеснувший свет в глазах как молния сокрылся. . .
Уж близко смерти час душе моей явился;
Корансовой тоски не в силах пренести,
Спокойно умирать иду. . . прости! . .

М и р о з и
(обняв ее)

Прости!

Занету выводят.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мирози, Коранс, Жером и воины.

М и р о з и

Таким подвержены несчастьям люди в свете!
Страдают две души сей жизни в самом цвете;
Конечно, их отцы прогневали творца.
Опомнися, мой сын, и пожалей отца!

К о р а н с

Увы! родитель мой, куда Занета скрылась?

Ж е р о м

Она сейчас в свою обитель удалилась.

К о р а н с

На что ж мне в свете жить и горести терпеть?
Противен мир, коль в нем возлюбленной не зреть.

М и р о з и

Опомнися, мой сын! . .

К о р а н с

На что сии советы?

Могу ль их чувствовать, когда лишен Занеты?
Отчаян, возмущен, могу ли в свете жить
И так, как верный сын, отечеству служить?
На что тебе моя плачевна жизнь полезна? . .

О д и н в о и н

(вошед)

Уже скончалася Корансова любезна!

К о р а н с

Какой ударил гром! увы! Занеты нет, —
Хладеет кровь моя, в глазах темнеет свет!
Не свет, увы! не свет, Коранс оставлен ею!

(К воину)

Скажи, как смерти злой удар свершился с нею?

М и р о з и

И так довольно ты, о сын мой! возмущен.
Что спрашивать о том, чего уже лишен!

К о р а н с

Хотя последнее дай сердцу утешенье,
Последнее прими от сына ты прошенье:

(воину)

Скажи, о всем скажи! . . О! коль несчастен я!

В е с т н и к

Скончалась подлинно любезная твоя.
Когда вступили мы во храм ее отселе,
Томиться начала душа во слабом теле.
Занетина глава склонилась ко плечам,
Она прерывисто тогда вещала нам:
«Ко гробу праотцев скорей меня ведите,
Я вижу смерть свою! Корансу вы скажите,
Что я у смертного о нем вздохнула рва,
Что мной он был любим; но бог. . .» Сии слова
Последние в ее устах нам слышны были;
Мы тело мертвое во гробе положили,
Но смерть затмить ее пригожства не могла,
Она приятностью, лишена чувств, цвела.
Велели мы погребсть несчастну с должной честью,
И возвратились к вам с такой печальной вестью.

К о р а н с

О ты, достойная небесных мест краса!
Ты в светлые теперь восходишь небеса!
А день в глазах моих еще не исчезает;
Но душу у меня свет мучит, ад терзает.

М и р о з и

О боже! нет его отчаянью конца.
Опомнися, мой сын, не раздражай творца!

К о р а н с

Уж больше нечего к моим бедам прибавить;
Могу ль любовь питать и мира не оставить?
Я должен учинить, чем клялся прежде ей,
Иль в ад, иль в небеса последую за ней!
Двух верных толь сердец в земле не разлучите,
В единой их тела гробнице положите;
Жить больше мне нельзя! родитель мой, прости!

(Заколотся.)

М и р о з и

О боже! лъзя ли зло такое пренести?
Ударь, всевышний царь, ударь еще громами!
В крови Коранс! в крови Занета пред очами!

Коль горько зреть на них! О боже! дух мой вынь!
Иль бедного отца щедротой не покинь!

Ж е р о м

Присутствуй, господи, своей щедротой с нами!

К о р а н с

Угас, уже угас свет скучный пред очами!
Введите в храм меня, чтобы в последний мог
Вздохнуть. . . и умереть возлюбленной у ног.
Нет жалостней моей и нет счастливей части.

М и р о з и

Вот действие любви! Вот плод безмерной страсти!

<1758>

ОСВОБОЖДЕННАЯ МОСКВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь Димитрий }
Князь Феодор } бояре московские.
Боярин Иоанн }
Князь Руксалон }
Князь Пожарский.
Леон, сын Димитрия.
София, сестра князя Пожарского.
Минин, купец нижегородский.
Парфения, наперсница Софии.
Гетман польский Желковский.
Вьянко, сын Желковского.
Хоткеев, вельможа польский.
Вестник российский.
Страженачальник польский.
Девушки российские.
Военачальники российские и
польские.
Воины российские и польские.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет вдали город Москву, окруженную каменной стеною, которой часть разрушена; по местам расставленные палатки. В конце театра виден большой шатер; в предсении одного составляют совет многие бояре.

Князь Феодор, боярин Иоанн, князь Руксалон, князь Димитрий и многие другие князья и вельможи.

Князь Руксалон

Доколе нам с Литвой без пользы воевать,
Доколе нашу кровь мы будем проливать?
Кругом селения лежат опустошенны,
Поля слезами вдов и сирых орошенны,
На храмах видимы потусклые главы,
Изображающи уныние Москвы.
В лугах, мне кажется, в лугах окровавленных
Не столько воинов, как теней избивенных;
Взгляните пристально, вельможи, на поля:
Питают не пшено, пьет нашу кровь земля.
Не можем тела мы единого составить:
Повиновенья нет, всяк хочет войском править;
Не польза общая, нам частная нужна;
Россия зыблется, и рушиться должна.
Когда начальника при воинстве не зрится,
Что должно делать нам? — как стаду разойтись.

Князь Феодор

Как стаду разойтись? Ты можешь, не стыдясь,
Из уст произносить такие речи, князь!

Россию защищай, доколь Россия дышит, —
Вот что нам Филарет в плену из Польши пишет:

(Вынув, читает письмо)

«В темницу заключен, кончая жизнь мою,
В глазах Литвы пишу я грамоту сию;
Склонив к измене вас, приобрету свободу, —
Но я даю совет вельможам и народу
Не рабствовать Литве и кровь за веру лить...»

(Окончав чтение)

Слезами должно нам сие письмо омыть!

Князь Димитрий

(приняв письмо)

Как гласу божию, его словам внимаю
И руку пастырску в восторге лобызаю.

Князь Руксалон

Не можно воевать — здесь ужас, трепет, страх,
Удобен ли потрясть кремнисту гору прах?
Где войско? где союз? где? где наш хлеб насущный?
Народ имеем мы начальству непослушный;
Народ, взирающий со страхом на Литву,
Считает не своим престольный град Москву;
Полякам предана Российская держава;
Кто, кто теперь лишит престола Владислава?

Князь Димитрий

Доколе у меня лиется в жилах кровь,
Не истребится в ней к отечеству любовь;
С оставшими при мне отечества сынами
Пускай мой ляжет прах под здешними стенами!
Доколь последний вздох во брани испущу,
Россией царствовать Литву не допущу:
Хоть наше счастье и слава миновалась,
Всего лишились мы; но храбрость нам осталась!
Ах! можно ль не стыдясь возвесть нам смутный взор
На наш престольный град, на общий наш позор?
Мы, мы отечества, мы трона не заступим
И нашей кровию России не искупим,
Московских жителей не свободим от уз?

Мы вступим в пагубный с поляками союз,
От поругания пол женский не избавим,
И старцев, и детей у них в плену оставим?
О други! вот Москва, вот храмов тех главы,
Где прежде в тишине молились богу вы;
Мы наших сродников, мы дома там имеем,
Ни к сродникам идти, ни в дом вступить не смеем?
Нет! нет! с множеством оставшихся мне сил,
В которых мужества злой рок не погасил,
С друзьями храбрыми, которы любят славу,
Клянуся защищать Российскую державу!

Князь Руксалон

Тебе удобно, князь, с Литвою воевать,
Когда умеешь ты корысти добывать,
Имеешь ратников отважных, вооруженных.
Но сколько жен от них мы зрели убиенных,
Сих жен, несчастных жен, которые — увы!
К нам пищу и серебро носили из Москвы?
Не меньше я других святыню чтить умею,
Но храмы защищать пособий не имею;
На жен я нападать, ни грабить не привык.

Князь Дмитрий

У слабого в руках копье и меч тростник.
Я знаю, что меня, о князь! ты ненавидишь;
Ты в ратной строгости грабеж и подлость видишь.
Ответствовать тебе мой должен был бы меч,
Но я злоречие умею пренебречь.

Князь Феодор

Не ссоры нужны нам, друзья мои! не ссоры,
Лишили нас Москвы боярские раздоры;
Когда согласием своим не поспешим,
Последних мы подпор отечество лишим.
Прогневали творца, мы небо огорчили,
Когда Литве царя Василия вручили,
Вручили нашего отечества главу;
Полякам отдали державу и Москву.
Кто тако посрамил венец и скипетр царский?
Нестройства внутренни, раздор, совет боярский;

Как враны хищные, на их мятежный глас
Поляки двинулись и растерзали нас.
О! коль вы счастливы, родители любезны,
Которы наши дни предупредили слезны
Или не дожили до сих плачевных лет,
Когда Москва в плену, когда России нет!
Приняв почтенное название боярства,
Мы есть крепчайшие подпоры государства;
О благе мы его обязаны радеть,
С ним купно ликовать, с ним купно и болеть.
Где царствует мятеж, там царствует нахальство,
А зло лютейшее в народе безначальство!
Престанем буйствами Россию раздирать —
Нам должно воинству начальника избрать;
На мужество, на честь, на истину воззрите
И воинству главу, о други! изберите.

Б о я р и н И о а н н

Начальника избрать, о небо! нам внуши.
Народы без главы есть тело без души.

К н я з ь Р у к с а л о н

Мы нашим воинством, друзья! без действия правим;
Кого отечества защитником поставим?
Пожарский князь в бою стрелами изъязвлен,
Скончался, может быть, за Волгу удален.
Сей муж, почтенный муж, чему весь град свидетель,
Умел совокуплять с геройством добродетель;
Не славы собственной, не почестей искал,
Но славу общую он грудью защищал;
О! если б сей герой ко граду возвратился,
Конечно бы ему правленья жезл вручился;
Но нет Пожарского, — кого мы изберем?

К н я з ь Д и м и т р и й

За веру мы, за трон бесстрашно все порем!
Пожарского в чертах изображая дивных,
Ты хочешь узавить людей, тебе противных:
Нас хочешь угнести достоинством его,
Как будто мы в войне не значим ничего;
Но наши явны суть отечеству заслуги.

Князь Феодор

Оставим прение, оставим зависть, други!
Такого должны мы начальника избрать,
Который приучен бесстрашно умирать;
Кто купно сам собой и войском может править,
Враждебные слова презренной вещью ставить;
Кто так, как верный сын, отечество любя,
На жертву отдает за всех людей себя;
Малейшие в войне опасности предвидит;
Пылая мужеством, кто гордость ненавидит.
Забыли вы, друзья, чья молния, чей гром
Соделал в сей стене сей видимый пролом.

Бояре тайно советуются.

Князь Дмитрий

Где море, Руксалон, ты видишь возмущенно,
Там око у тебя на капли обращенно.
Не мелочи в войне мы должны примечать;
Россия в крайности — пойдем ее спасать!
За благо общее пойдем с Литвой сражаться!

Князь Руксалон

Под тенью общих благ ты хочешь укрываться
И пользу собственну желаешь соблюсти;
Вещая истину, я враг и недруг лести!

Боярин Иоанн

(вслух)

Вручим себя, вручим начальнику такому.

Князь Феодор

Вручим Дмитрию — кому вручить иному?

Боярин Иоанн

(Дмитрию)

Начальство восприми!

Князь Феодор

(Дмитрию)

Отечество прославь,
И нам повелевай, а нашим войском правь!

Князь Димитрий

Сие почтенное, друзья мои, избранье
Мне будет от клевет служить во оправданье;
На многих изощрен злодейский был кинжал,
Полвойска убыло, Заруцкий убежал.
Когда отечества не защищает воин,
Так сыном он его назваться недостоин.
Да тот оставит нас, усердия в ком нет.

Князь Руксалон

Под властью у тебя меня не узрит свет.

(Ушел.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, кроме Руксалона.

Князь Димитрий

(вельможам)

Для обществ тягостно людей сварливых свойство;
Там смуты, где они; где нет их, там спокойство.
Когда полезна брань, так брань с Литвой начнем;
Мы силы наши в грудь едину соберем
И наше мужество в подсолнечной прославим;
Пойдем, отечество от гибели избавим!
О други! должны мы ко граду приступить;
Но чем разрушенны нам силы подкрепить?
Мы здесь как будто бы в глухой живем пустыне,
И храбрый только дух нам служит пищей ныне;
Единым воинство усердием живет;
Надежда крепость нам; но день иль два пройдет,
Угаснет пламень их, и крепость истощится;
Там огонь возгнесть легко, где искра в пепле тлится:
Последню искру мы, друзья, воспламеним,
Дерзнем против Литвы, пойдем сквозь огонь и дым!
Хоть трудны времена, не трудны нам победы;
С отважным Понтусом поборствуют нам шведы,
Сей друг, россиян друг, к спасению Москвы
В единый с нами шаг пойдет против Литвы.
Заутра ко стенам в последний раз приступим,
Умрем или Москву от польских уз искупим.

ОСВОБОЖДЕННАЯ
МОСКВА,

ТРАГЕДІЯ.

Съ одобренія Московской Цензуры.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія.

1798.

От глаза умереть мы должны без того;
Днесь в помощь призовем мы бога своего,
Совокупим пред ним, о други! души наши,
Да будут, как мое, сердца усердны ваши!

Князь Феодор

Берем в свидетели мы нашего творца,
Что наши, как твое, усердствуют сердца.

Князь Дмитрий

Но прежде, нежели к осаде мы решимся,
Развраты отвратить от воинства потщимся.
Известны, думаю, известны, други, вы,
Что жены тайно к нам приходят из Москвы,
Которые друзей и ближних посещают,
Но часто ратников к измене возмущают;
Когда народ к войне бывает вооружен,
Опасна для него тогда беседа жен.
Пускай соблазнам путь ко стану заградится,
Опасность и грабеж мгновенно прекратится;
Нередко ратников они корыстью льстят,
К полякам преклонить ласкательством хотят.
Не раз я полагал свиданьям сим препону,
И вот что грабежом казалось Руксалону.
От пагуб воинство, от лести остеречь,
Нам должно выход жен из города пресечь.

Боярин Иоанн

Имуществом своим нас жены подкрепляют.

Князь Дмитрий

Но часто мятежи в народе воспаляют.
Да будет тот почтен изменником от нас,
Нарушить кто дерзнет вельможеский приказ!

Князь Феодор

Когда опасностью сие свиданье числишь,
Ко благу общему всё делай, что примыслишь.

Слышен пушечный выстрел в городе.

Что значит выстрел сей?

Князь Димитрий

Грозят нам громы новы!

Но мы против громов поставить грудь готовы.
Сегодня воинство к осаде учредим,
Ему бесстрашия примеры подадим.
За чем Леон?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Леон.

Леон

Предстать перед совет боярский,
От Волги возвратясь, желает князь Пожарский.

Князь Димитрий

Пускай предстанет он!

Князь Феодор

Итак, Пожарский жив?

Счастлив сей день для нас, и подвиг наш счастлив!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, князь Пожарский и Минин.

Князь Димитрий

(*князю Пожарскому*)

Желанию князей и войску возвращенный,
Иди в объятия к друзьям, о князь почтенный!

Князь Пожарский

Вельможи! грозная дошла до нас молва,
Что в узах у Литвы престольный град Москва;
Что ей последний вздох свободы остается,
Что с нею трон врагам российским предается;
Что наши братия, отечества сыны,
Бессильствуют, и войски пищи лишены;
Молва, сия молва россиян пробудила,
Как бурный ветер, она по Волге проходила,
В движенье привела сынов российских кровь,
Воспламенила в них к отечеству любовь.

Познав российских бед превосходящу меру,
Пришли мы защищать Москву, престол и веру.

(Указав на Минина)

Сей муж, почтенный муж, России сын и друг,
Примером сделался отечеству заслуг;
Не князь, не знатный муж, не есть чиновник дворский,
Он Минин! Минин он! — купец нижегородский.
Порода знатная без добрых дел ничто,
Тот в мире знаменит, полезен царству кто!
К отечеству сей муж подвигнут сожаленьем,
Пожертвовал ему и жизнью, и именем:
Он дом, стада, луга во злато обратил
И злато общему спасенью посвятил.
Примеры Минина россиян возбудили,
Свое богатство с ним они совокупили.
Он, ревностью своей людей воспламеня,
Сыскал и посетил в моем селе меня,
Меня, лежащего от ран изнеможенна,
В Москве пред вашими очами пораженна;
Ах! рану тяжкую на сердце я носил,
Что защищать Москву лишился прежних сил!
Мне Минин больше ран, чем польский меч, прибавил,
Когда отечество в опасности представил.
Но голос мне его росой целебной стал,
Когда мне ревность он россиян описал;
И волжских жителей представил в видах новых,
Именье, жизнь, детей пожертвовать готовых.
Над войском Минин мне начальство предложил;
Я искренно всегда отечеству служил,
Начальство принял я. Но все равно бы было,
Мне меч отечество иль посох бы вручило;
Главой над войском став, не славы я ищу,
Но славу возвратить отечеству хочу.
Со мною Минин власть над войском разделяет;
Я ревностью народ, он златом подкрепляет.
Мы многие полки от Волги привели.
Поляки, усмотрев из града нас вдали,
На нас с московских стен вниманье обратили
И выстрелом свое смятенье возвестили.
Но пусть подвигнется литовский ужас весь,
Чего страшиться нам? — вы, я и Минин здесь!

Князь Димитрий
(Минину)

О муж, почтенный муж! ты почестей достоин!
Кто войски подкрепит, тот есть отменный воин;
Именьем ты своим Россию искупил,
Вздremaвших ратников к войне совокупил;
Между главнейшими отечества сынами
Воссядь, почтенный муж, воссядь ты купно с нами.

Дают ему место.

Минин

Что сделал я, князья, для почестей таких?
Что я не удержал сокровищей моих,
Что я других склонил пожертвовать именьем,
То делал двигнутый к России сожаленьем.
Именье от нее и жизнь я получил;
Что принял от нее, обратно ей вручил.
Кто только для себя богатство собирает,
На благо общее беспечно тот взирает;
А если нет стыда сокровище иметь,
Употреблять его нам надобно уметь;
Богатый должен ли себя представить чужда,
Когда отечеству в его именьи нужда?
Я сын России, сын по действию небес,
Так дивно ль, что мой долг я матери принес?
Едины изверги родивших забывают,
Когда они в бедах и в нуждах пребывают.
Когда бы принял я за злато знатный чин,
Чин купля бы была, и с вами торг един;
Но если вашего внимания достоин,
Пусть буду я простой в полках российских воин.

Князь Димитрий

Мы воинов простых все носим имена,
Но тот, кто в страшные России времена
Докажет мужество и храбрость в ратном поле,
Тот славой возгремит и будет прочих боле.
Мы кровь решили лить! Пожарский, ты и я
Соединим полки и будем все друзья!
Когда мы Понтуса сподвижником имеем,
Я льщусь теперь, что мы во подвигах успеем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и князь Руксалон.

Князь Руксалон

Посольство прислано от Польши и Литвы,
Хотите их принять или отвергнуть вы?
Ответ сей подлежит суждениям боярским,
А я служить хочу против Литвы с Пожарским.

Князь Димитрий

Бесстрашно можно их к сей думе допустить;
Но наше мнение им должно возвестить,
Что с ними ни в какой переговор не вступим,
Доколь Москвы от уз литовских не искупим.

Князь Пожарский

Увидя, может быть, полки мои вдали,
Они подсматривать российский стан пришли
И наши склонности испытывать желают.
Явим, что к ним враждой сердца у нас пылают.

Князь Димитрий

Леон, во сретенье посланникам иди;
Но, стражу удалив, их к нам препроводи.

Леон уходит.

Что презираем их, что их мы не страшимся,
Не вооруженными, но тверды им явимся.

Князь Руксалон

В поляков нам вперять не кротость должно —
страх;

Явим, что молнии всегда у нас в руках!
Что с гордостью на их злодейство мы взираем;
Что не беспечны мы, хоть их и презираем.

Князь Пожарский

К изображению отмщенья и досад
Не нужны молнии, один доволен взгляд.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вельможа Хоткеев, сопровождаемый многими поляками;
он имеет оливную ветвь в руке.

Хоткеев

Россияне! мы вам оливну ветвь приносим
И дружества от вас не требуем, но просим.
Ко человечеству врожденная любовь
Велит и нашу нам щадить, и вашу кровь;
С обеих мы сторон ее довольно лили
И небо, кажется, сей кровью раздражили;
Огни военные нам время погасить,
Пришла пора сердца к союзу согласить.
Когда спокойствия отечеству хотите,
Оливну ветвь сию из рук моих примите.
Всей Польши именем ее вручаю вам,
России страждущей подпорам и главам,
А если в договор не вступите со мною,
Кровопротития вы будете виною.

Князь Дмитрий

Когда отступите к границам от Москвы,
Отпустите бояр московских из Литвы,
Когда явится нам российский князь в порфире,
Он станет рассуждать, не мы, о нашем мире.

Хоткеев

Народ, властители, вся русская земля
У нас на царский трон просили короля.
Благословенная сия была причина,
Что дал вам Сигисмунд для ваших выгод сына,
В залог ему бояр московских удержав.
Вступил в российские пределы Владислав,
Вступил, но твердости вы в клятвах не имели,
В России мятежи как бури восшумели.
Войну, волнение и наглости унять,
Царем вам надлежит царевича признать;
Ему приятен мир, а брани неприятны.
Вельможи! чаю, вам мои слова понятны?

Князь Пожарский

В оковы свергнув нас, Россию разорив,
Быть кроток Владислав, быть чает справедлив.

Что должно делать нам, мы сами разумеем;
Зри, сколько воинства и рыцарей имеем!
Умреть иль победить решился всяк из нас,
А что мы думаем, читай из наших глаз.
Доколе в Севере литовский голос внемлем,
Ни Владислава мы, ни мира не приемлем.

Хоткеев

Ответом явственным обязан мне Совет.

Князь Пожарский

Вражда и мщение! вот ясный наш ответ!

Хоткеев

И я вражду в сей час России объявляю,
Я ветвь, оливну ветвь, пред вами преломляю.
Не мир провозглашу, провозглашу войну!
Из сей полы вам казнь и брани истряхну.
К опустошению градов и сел московских
Отец и Вянько-сын, готовы два Желковских.
О небо! не причти нам пагубы виной,
Которая всегда сопряжена с войной.
Но целую вам ночь даю на размышленье —
Продлить жестокое иль кончить ослепленье.
Сопротивляясь и клятвам, и судьбе,
Вы шведов призвали в союзники к себе;
Державу, может быть, вы им, как нам, сулите;
Но вы моим словам в последний раз внемлите:
Заутра грянет гром, коль миру не цвести!

(Ушел.)

Князь Пожарский

Жди наших ты громов, себя не миром льсти.

явление седьмое

Князь Димитрий

Да гордость польская и наглость усмирится,
Нам должно силами в круг тесный съединиться,
Составить грудь одну и душу из полков,
Приимем молнии и бросим на врагов!
Единая глава должна полками править.

Князь Пожарский

Мне войска нашего нельзя с твоим составить:
Мы с тем условием явились под Москвой,
Дабы нам действовать особо пред Литвой;
В сем деле с Мининым нас клятвы обязали.

Князь Руксалон

И должно, чтоб они особо доказали

(Пожарскому)

Их ревность на войне; о князь! твоей рукой
Да будет возвращен отечеству покой.

Князь Пожарский

То промыслу решить во брани остается.

Князь Дмитрий

Так рознь у нас в полках и смута вновь начнется.

Князь Пожарский

(Димитрию)

В освобождение несчастныя Москвы
Я мог бы воевать один против Литвы;
Хоть в мужестве моих соратников уверен,
Но вас лишать венцов геройских не намерен.
Меня бы не могла победа веселить,
Котору с ближними не стал бы я делить.
Тогда полезны мы, тогда бываем славны,
Когда усердием в трудах военных равны;
А ежели в полках родится рознь сия,
Верь, верь мне, что виной тому не буду я.
Дать верности пример обязан круг боярский,
Мы должны уважать заочно образ царский.

Князь Дмитрий

Но где, но где сей царь?

Князь Пожарский

Царь в сердце у меня!

Держава без царя не существует дня.
Поднесь сияющей на сетующем троне,
Российской должны мы подвластны быть короне.

Как бога чтим, не зря его у алтаря,
Невидимого чтить нам должно так царя.
Лишенны мы хотя священна царска лика,
У верных подданных всегда в сердцах владыка.
Там рабства дух, где всяк желает быть царем,
Народам тягостный безвластие ярем.
Когда в московские достигнул я пределы,
Изобразились мне опустошенны селы,
Вдовицей плачущей явилася Москва,
Пустыней сделала селения Литва.
Сестра, которая толь нежно мной любима,
Оставленная мной, в селе моем незрима;
Внимая общий стон, могу забыть сестру,
Но за отечество отмщу или умру.

Л е о н

От польских наглостей скрываться принужденна,
Сестра твоя, мой князь, в Москву препровожденна.
Избавил я княжну гонения, оков,
Рассеял, истребил, прогнал ее врагов;
Софииной во всем покорствующий воле,
Безвредну проводил во град ее оттоле,
Вручил имеющим с ней родственную связь.

Князь Пожарский

Благодарение тебе, любезный князь!

(Вельможам)

Пойдем!

Я В Л Е Н И Е В О С Ъ М О Е

Князь Димитрий и Леон.

Князь Димитрий

На части власть при войске разделенна
К единой цели быть не может устремленна.
Я сделан войск главой! А ты, Леон, в ночи
Старайся все стези в военный стан стрещи;
Вельможи во своем совете утвердили,
Да жены б из Москвы к шатрам не приходили;
Исполни мой приказ, ко страже прилежи;

Уйми, обуздавай насильства, грабежи,
Чем ратников моих позорно упрекают,
К чему их подлинно корысти подстрекают;
А прелесть лиц влечет к развратности других,
Предохраняй полки от дерзостей таких,
Да мы недремлющи Пожарскому явимся.

(Ушел.)

Л е о н

Без ропота тебе послушны все явимся.

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Л е о н

(один)

Послушен я во всем тебе, родитель мой;
Священнейший закон единый взгляд мне твой.
Но ежели в сии места придет София!
Пусть вся возопиет против меня Россия,
Могу ль пресечь ее к свиданью с братом путь?
Увы! она вошла в мою свободно грудь:
Когда передо мной блеснут ее заразы,
Забвенны могут быть мне данные приказы;
На части грудь мою любовь и долг делит,
Но совесть мне отцу послушным быть велит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят из Москвы Вьянко, князь Желковский, с пламенником, и Софья, сопровождаемая многими девицами. Ночь.
Театр представляет часть Девичьего поля.

Софья

Постой, о Вьянко! здесь — мы к нашим войскам
близки,
Уже белеются вдали шатры российски,
И ратные уже нам слышны голоса,
Твердящи каждого биение часа;
Все клятвы я мои и твой совет я помню;
Что польза общая велит, всё то исполню.
Мой брат, кем город сей был прежде защищен,
Сей храбрый брат к стенам московским возвращен;
Родством и дружбою с Пожарским сопряженна,
Надеюсь быть в моих советах уваженна.

Вьянко

Советуй, и покой России возврати.
Но ах! могу ли я спокойно в град прейти?
К тем людям шествуешь и в те места вступаешь,
Которых любишь ты, которых уважаешь;
Но племя где мое и мой народ кляня,
Со всеми купно чтут злодеем и меня;
Где в видах таковых наш род изображают,
Которые сердца страшат и застужают.
Ты будешь от меня, Софья, далеко,
И жар твой потушить моим врагам легко;

Увы! к несчастью, отец мой, князь Желковский,
Немало приключил обид земле Московской;
Любезная княжна! родитель мой — не я;
Должна ль приписана мне быть вина сия?
Ты знаешь, сколько жар моей любви безмерен;
Могу ли во твоей быть твердости уверен?

С о ф и я

О ты, святая на небесах луна!
Тебе моя любовь взаимная видна,
Мне мнится, зрят ее сии леса и горы!
Мой вид о ней тебе, мои вещают взоры;
Мне кажется, земля и небо говорит,
Что грудь моя тобой зажглася и горит.
Ах! Вьянко, клятвы ли священные нарушу?
Тебе я вверила все мысли, сердце, душу.

В ь я н к о

Не знаю, отчего моя трепещет грудь
И мрачным кажется мне твой ко стану путь.
Хочу скрепиться я, скреплюсь и возмущаюсь,
Как будто я с тобой в последний раз прощаюсь;
Без грусти не могу на образ твой взирать,
Без слез я не могу «прости» тебе сказать.

С о ф и я

В любви успехи нам всегда невероятны,
Сомнение цветы преобращает в терны;
Но руководствует взаимна нежность нам:
При смутных небесах мы ходим по цветам,
И скоро, может быть, заря для нас явится,
Печальна наша ночь в день ясный превратится;
Не возмущай души смущеньем никаким:
Любима я тобой, и мною ты любим,
Не страшно нам с тобой, не страшно разлученье,
Россиян страшно мне в их твердости смягченье.

В ь я н к о

Сладчайший голос твой, сладчайшие уста
И связи родственны, твой ум и красота,
Колико б ни были на Польшу россы злобны,
Они смягчить сердца и каменны удобны.

С о ф и я

Увы! не знаешь ты их правил, ни сердец;
Ни нежный друг, ни брат, ни сродник, ни отец
Стенанью ближнего, ни горести не внемлют,
Когда намеренье какое предпринимают.
Они, мне кажется, от камня рождены;
Их души изо льда быть мнятся сложены.
Подобные кремню имеют россы нравы,
Растрогать могут их лишь только громы славы.
Все силы буду я должна употребить,
Совету их представ, отверженной не быть;
Хотя других смягчить бояр и сомневаюсь,
На дружбу братнину в успехе полагаюсь.
Сокройся, успокой ты сердце, князь, мое;
Опасно здесь, мой друг, медление твое.

В ь я н к о

Мне стан ваш кажется как некий облак черен;
Но если бы я был в любви твоей уверен,
Простился бы с тобой, простился без тоски.

С о ф и я

Покроют наперед мой прах сии пески,
Чем пламень мой к тебе погаснет, истребится;
Увы! когда умру, он будет жив, мне мнится;
Не застудится он от хладных росы,
Являться станет здесь в полночные часы;
И ежели меня мой друг и позабудет,
Напоминать ему мою горячность будет,
Тебе и в вечности хочу принадлежать.

В ь я н к о

Престань мне ужасы такие вображать;
Могу ли без тебя взглянуть на хладну землю!

С о ф и я

Прости! не мешкай здесь! людей бегущих внемлю —
Постой на час — беги! — и пламенный туши;
Прости! еще прости, скорей во град спеши!

Вьянко

(потушив пламенник)

Мой пламенник потух, но лунный свет сияет,
И сердце у меня трепещет, замирает.
Ах! как могу с тобой разлуку пренести?
Нет, нет, не пренесу; будь счастлива — прости!

(Ушел.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, кроме князя Желковского.

Парфения

Отважное, княжна, ты предприемлешь дело:
Весь ужас позабыв, из града вышла смело,
Сопровождаема девицами в ночи.
Ах! всё опасно здесь!.. сверкают вокруг мечи!..

София

Сокройтесь вы! а я недвижима пребуду
И данных Вьянке клятв при страхе не забуду.

Парфения

Бегут! пойдём!

Девицы уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

София

Мой долг не утешусь храня:
Любовь поставила и клятва здесь меня!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

София и стража с их Начальником.

Начальник

Здесь виден был огонь и люди видны были,
К нам вопли женские отседа приходили;
Умолкло всё кругом — но светится луна,
О други! видима в долине сей жена.

София

Я дева, не жена, такая ж христианка,
Такая же, как вы, такая ж россиянка;
Имела множество наперсниц здесь моих,
Но ваших блеск мечей прогнал ко граду их.
Коль награжденными за службу быть хотите,
К Пожарскому меня скорей препроводите;
Я тайну важную хочу ему открыть.

Н а ч а л ь н и к

Женам запрещено из града выходить.
А что дарами нас, как хищников, прельщаешь,
Имеем то в руках, что нам ты обещаешь;
Всё в добычь отдают военные права,
Чем грудь украшена и чем твоя глава;
Мы алчем, бедствуем, мы видим гладны степи, —
Отдай убранства нам, отдай золотые цепи;
Отдай, несчастная, и в город возвратись,
О тайнах письменно с Пожарским изъяснись.

(Хочет ограбить.)

София

Иль так россияне россиян защищают,
Последние у жен убранства похищают?
Нет жалости у вас к бегущим девам к вам,
Вы прямо есть враги, а не поляки нам:
Они к нам чувствуют во граде уваженье,
Ко мне почтение, а вы пренебреженье;
Не подлая раба, я княжеская дочь;
Сокрой от них меня, сокрой, ужасна ночь!

Н а ч а л ь н и к

Хотя б ты подлинно княжной была рожденна,
Но если в пользу ты поляков убежденна,
Когда ты хвалишь их, россиян не щадишь, —
Обиду такову нам золотом наградишь.

(Схватив ее за руку)

Иль жизнь, иль твой убор!

София
(на коленях)

Всё, всё теперь возьмите,
Но сжальтесь надо мной!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТО

Те же и Леон.

Леон

(прибегая с мечом)

Злоден отступите.

Кем воля к грабежам, кем дерзость вам дана?

(К Софии)

Кто ты, несчастная?

София

Пожарская княжна.

Воины разбегаются в разные стороны.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

София и Леон.

Леон

София! это ты, ты плачуща, стняща,
У ног разбойников, как их раба, лежаща?
А сердце томное не возвестило мне,
Что близко от меня, что в сей ты стороне.
Нет, сердце мне давно Софию возвестило,
Сюда мои стопы и взоры обратило,
Оно влекло меня для помощи к тебе;
Какой обязан я, княжна, какой судьбе,
Что ты из города пришла в ночи едина?
С кем? С кем свидание тому была причина?
Откройся мне!

София

Узнав, что мой любезный брат
От Волги возвращен под сей престольный град,
Я с ним увидеться немедленно желала;
Но запрещения ходить к шатрам не знала.

Леон

Моим родителем приказ сей страже дан —
Из града не впускать девиц в российский стан;

Мной войску розданы строжайши повеленья
Под градом не чинить разбоев, ни грабленья;
Но приключившие тебе, княжна, боязнь
За дерзновенье их примут вскоре казнь.
Против кого себя они ожесточили!
Как прелести твои сердец их не смягчили?

С о ф и я

Такое ль место здесь, такие ли часы —
Прельщаться девами, счислять мои красоты?
Когда отечество напасти днями числит,
О женских прелестях герой российский мыслит;
Когда со всех сторон реками льется кровь,
Пойдет ли в ум кому, пойдет ли в ум любовь?
О! если дружеством твоим ласкаться смею,
Князь! тайну важную на сердце я имею,
Веди меня, веди ко брату моему,
Спокойство общее несущу в душе к нему;
И, если подлинно любима я тобою,
Пойдем к Пожарскому, пойдем, Леон, со мною.

Л е о н

То видят небеса, как я тебя люблю;
Но как родительский приказ я преступлю?
Какую почитать должна во мне ты душу,
Когда присягу я и клятвы долг нарушу!

С о ф и я

Так я, скитаяся у страшных сих шатров,
Ждать буду грабежей, ругательства, оков;
Пусть всё перенесу, что сердцу неприятно,
Но я уже в Москву нейду теперь обратно;
Мне с братом предлежат важнейшие дела.
К друзьям ли я сюда или к врагам пришла?
О бедных девах здесь нимало не жалеют;
Сколь мало нежности россияне имеют!

Л е о н

Итак, мне надлежит законы преступить
И сыном пред отцом непокоривым быть,
Ни права ратного, ни честности не помнить?

Но я люблю тебя и всё хочу исполнить;
Я вижу, что тебе, жестокая княжна,
Бесчестие мое, не честь моя нужна.
Вверь мне, княжна, вверь мне несому к брату
тайну
И не ввергай меня в мою погибель крайну.

С о ф и я

Сей тайны никогда другим не сообщу;
Оставь меня, сама я средство изыщу
Со братом видеться.

Л е о н

Когда открыться смею,
По сердцу я с тобой родство уже имею;
Как любит брат тебя, я меньше ли люблю?
Почто же ваших тайн я с вами не делю?

С о ф и я

Нескромность я, Леон, душою ненавижу.

Л е о н

Увы! любви твоей, княжна, ко мне не вижу;
Твой голос, смутный вид и каждый твой ответ
Терзает грудь мою, на части сердце рвет.

С о ф и я

Я чувствую к тебе душевное почтение.

Л е о н

Почтение за любовь есть то же, что презрение.
Всех должно чтить людей.

С о ф и я

Но лъзя ли всех любить?
Услуг твоих, мой князь, не можно мне забыть.
Ты два раза меня от пагубы избавил
И благодарной быть вовек себе заставил.

Л е о н

Благодарение едина жертва есть,
Котору воздают за благо долг и честь;

Хотение мое ко чувствам сим не жадно,
Там жарки правила, однако сердце холодно.
О! как бывает страсть несчастна и бедна,
Коль благодарностью питаться лишь должна!
Взаимно можно ль быть и мне великодушным,
Дабы словам твоим соделаться послушным?

С о ф и я

Яви, Леон, яви величество души,
Пожарскому меня представить поспеши.

Л е о н

София, жалости поступок твой не кажет:
Не любишь ты меня.

С о ф и я

Ах! время то докажет,
Докажет, может быть, сомненье истребя,
Люблю ль отечество и чту ли я тебя.

Я В Л Е Н И Е С Е Д Ъ М О Е

Те же, Руксалон и Минин.

Р у к с а л о н

С врученным воинством, с жезлом как будто
царским
Пойдем к сражению, врученным нам Пожарским.
Но кто сей ратный муж? и кто сия жена?

С о ф и я

Увы! несчастная Пожарская княжна.

Л е о н

Она желает быть ко брату провожденна,
Но в ратный стан женам дорога запрещенна.

М и н и н

Без исключения закона в мире нет!
Пускай к Пожарскому сестра его идет;
Мерилом совести законы должно мерить.
Коль не Пожарскому, кому осталось верить?

Руксалон

Россию целую я вверил бы ему,
А вход его сестры на свой ответ приму.
Препроводи ее.

София

Хоть их сердца не тлеют,
Другие более, чем ты, о мне жалеют.

Леон

Другим отцами их приказов не дано;
Начальствовать и быть подвластным не равно.
Что раздражу отца, я в том, княжна, уверен,
Но жертвовать любви судьбой моей намерен.

София

Почувствуй, чем тебе я жертвую, любя:
Ты страстен, а тебе вручаю я себя.
Пойдем!

Удаляются.

Руксалон

Пойдем и мы на подвиги геройски!

(Вслед Леону)

Скажи, Леон, отцу, чтоб он прислал к нам войски,
Которые прислать он в помощь обещал;
Но более Литву, а меньше б жен страшал.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Князь Руксалон и Минин.

Руксалон

Приляжем с воинством мы к сей стране московской,
Где всё опустошил наш враг, гетман Желковский.
О! как сей тигр против Москвы ожесточен;
Он в бурю кажется и в тучи облечен:
Разит, сжигает, бьет, что в поле ни встречает;
В пустыню превратить он всю Россию чает.
Но мы от тяжких уз Москву не свободим,
Доколе Вьянкина отца не истребим;

Наполнен лютостью и хитростью литовской,
На гибель прислан он, на казнь стране Московской.
Ты видишь копий блеск, вдали ты видишь дым,
Там в дебрях с воинством гнездится он своим.
Держась разумного Пожарского совета,
Ударим на него с зарей дневного света.

М и н и н

Пойдем, доколь наш враг под сенью счастья спит,
А войском свежим нас Димитрий подкрепит.
Хотя не воин я, но, мнится, в ратном поле
Нам небо призывать на помощь должно боле.
Я ныне зрел во сне двух бьющихся орлов,
Они сражались превыше облаков;
С каким парением, с каким стремленьем смелым
Российский вдруг орел с орлом сразился белым!
Крылами бил его, когтями он терзал
И кровь из белого ручьями источал;
Трепещет, прячется, полет он обращает. —
Сей сон нам верную победу возвещает;
Против чужих орлов, друзья мои, пойдем,
Злодеев победим иль в брани все помрем.

Воины извлекают мечи.

О д и н и з в о и н о в

Хотя в сражении незнаючи и новы,
Но за отечество мы кровь пролить готовы.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Князь Пожарский
(*выходя из шатра своего*)

Благословенная и тихая заря!
Ты предвещаешь дней пришествие царя;
России тишина тобой да предвестится
И новый царь в сей день в Москве да воцарится!
Довольно мы и так страдаем на земли,
А ныне ад враги в столицу к нам внесли;
И в поругание российский короны
Предписывают нам кровавые законы;
Как будто пленникам, как будто их рабам,
Уничужение предписывают нам.
Свирепость вобразив мучителей литовских,
Я внемлю звук цепей на жителях московских;
Разбой, грабежи в печальных зрю стенах,
Любезная сестра мне зрится во слезах:
Явилась мне она стеньяща, огорченна,
Бледна, отчаянна и в узы заключенна.
Внемли мой, небо, глас! — молю не за себя;
Отечество мое! молю я за тебя.
Взгляни ты на Москву, взгляни, творец вселенной!
И дай отраду ей, слезами окропленной;
Свои перуны нам и молнии вручи:
Ко брани нашу грудь и руки ополчи,
Да россами от бед избавится Россия!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пожарский, Леон и София.

Леон

Князь! шествует к тебе сестра твоя София.

София

Возлюбленный мой брат! дозвожь себя обнять
И к сердцу твоему дозвожь мне грудь прижать.

Князь Пожарский

Любезная сестра! тебя ли я объемяю?
Тебя ли вижу я и твой ли голос внемляю?

София

Из града я пришла сквозь копыя, сквозь мечи;
Ограблена была злодеями в ночи.

Леон

Мне небо помогло от бед ее избавить,
Но должно мне теперь единых вас оставить;
Меня уверила сестра твоя княжна,
Что в град сей день пойдет отсель назад она.
Препровести ее обязан я обратно.

(Ушел.)

Князь Пожарский

Что ты ни делаешь, мне всё то, князь, приятно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Князь Пожарский и София.

Князь Пожарский

Усерден к нам сей князь!

София

Когда б не Руксалон,
Мне видеться с тобой не допустил бы он.
На гибель для сего отважилась я крайну,
Но ах! скрывать ли мне иль вверить важну тайну?

Скажи мне, тот ли ты еще мой нежный брат,
Который уважал совет мой столько крат?

Князь Пожарский

Я тот же брат тебе, но грустный, огорченный
И бедством собственным и ратным отягченный,
Воображающий в пленении тебя.
Вверх другу, брату вверх, ах! вверх ты мне себя
Ты плачешь и молчишь!

София

Россия погибает!

Князь Пожарский

Погибла уж! Но бог Россию защищает!

София

Есть средство тишину России возвратить.

Князь Пожарский

Для средств таких хочу до капли кровь пролить.

София

Россию видишь ты расторженну на части,
Попранную Литвой, у польских сил во власти;
В печальные для нас и бедственные дни
Имеют жалость к нам поляки лишь одни.
Россияне любовь к России истребили;
Не те они, не те, которые прежде были,
Когда, с литовцами вступая в кровавый бой,
Стояли за Москву и за народ с тобой;
А ныне, завистью и злобой распаленны,
Московски жители на части разделенны:
Одни поляков чтут, другие их винят;
На сей мятеж они спокойным духом зрят.
Признаться надлежит, что их почтенны свойства.
Чего они хотят? Россиянам спокойства,
Которого, имев мятежные умы,
Восставить не хотим или не можем мы;
Им наш приятен мир, приятна наша слава;
Дарует Сигисмунд нам сына Владислава,

Который россиян от всех избавит зол,
Когда взойдет в Москве на праздный он престол;
Корона кем ему московская вручится,
Тот знатной почестью от прочих отличится.
Подумай, князь. . .

Князь Пожарский

Постой, не продолжай речей таких;
Я слышать не хочу и ужасаюсь их;
Не свиделся б с тобой, когда б твой умысл ведал.
Ты хочешь, чтобы я престол полякам предал?

София

Внемли, ты мне внемли!

Князь Пожарский

Нет, слов твоих не внемлю!
Я их кинжалами душе моей приемлю;
Кто, кто тебя к таким изменам преклонил?
Кто дух твой, русский дух в литовский пременил?

София

Несчастья общие, несчастья семейства
Такие мысли мне внушили, не злодейства.
Я вверилась тебе, отечество любя,
Спаси меня, спаси Россию и себя;
Любезный брат, твои объемлю я колена!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, князь Димитрий и другие вельможи.

Князь Димитрий

Измена здесь, друзья, предательство, измена!
В порядок ратников приводим мы своих;
Мы гоним жен отсель, а князь приемлет их.

Князь Пожарский

Героям женский взор не может быть ужасен!

Князь Димитрий

Не женский взор, нам ты, начальствуя, опасен.
Достиг до Понтуса о сем поступке слух

И возмутил его сумнительствами дух;
Он мне сказал: «Когда с Литвою вы согласны,
Так подвиги мои за ваш престол напрасны», —
И хочет с воинством поспешно отступить.

Князь Пожарский

Не Понтус, правила нас должны подкрепить;
За что? за что я, князь, твои упреки внемлю?
За то ли, что сестру в моем шатре приемлю?
Давно ли связи нам запрещены родства?
Родных любить велят законы естества.

Князь Дмитрий

При смутных временах, при ратном ополченье
Виновным делает людей и подозренье.
Предстань к суду!

Князь Пожарский

Не тот преступник, кто судим,
Но тот, кто осужден по виновностям своим!
Готов на суд с тобой, готов пред небесами,
Но с чем она пришла, ее спросите сами.

София

Так! душу я мою пред вами отворю
И брату данные советы повторю.
Вельможи! правьте вы меня или вините,
Но прежде на дела внимательно взгляните.
С чем, с чем дерзаете против поляков вы?
Без войска, без людей, без пищи, без главы;
Ах! вы, царя предав, главы теперь лишены.
И что осталось вам? — Поля опустошенны,
Непотушаемы в окрестностях огни,
Пожары, ужас, дым и гробы лишь одни.
Отечество лежит Литвою пораженно;
Отчаянье у всех в очах изображенно;
Отважность прежнюю дух польский погасил.
Как можно воевать против Литвы без сил?
Россия вся теперь сходна дрожащим теням;
Поляки — львам, а вы подобитесь еленям.

Князь Дмитрий

Открылась нам ее душа!

Князь Пожарский

Слова ее

Не есть ни правила, ни мнение мое,
Я стыд мой без тебя почувствовать умею;
Краснею, что сестру толь подлую имею,
Которая на честь отечества не зрит
И гордо о Литве пред нами говорит.

София

Взвожу печальные на град столичный взоры,
Кто бед его виной? — Боярские раздоры.
Мне мнится, лучше вам Россию погубить,
Чем шаг во первенстве друг другу уступить.
И лъзя ль подумать мне, что россы россос любят,
Когда невинных жен и ближних грабят, губят?

Князь Дмитрий

Неволят к грабежам отчаянье и глад;
Но Понтус с войском здесь, я с ними, здесь твой
брат.

Поляков страшными не будем чтить вовеки,
Обуздывать и львов удобны человеки.
Не жены нам совет, дает советы честь.

София

Ах! счастье на войне непостоянно есть,
Слепому случаю вверять себя опасно!
Я с вами говорю, вельможи, беспристрастно:
Вы можете полки ко брани вооружить,
Но тем удобно вам поляков раздражить;
На храбрость можете, на случай положиться,
Но ваш мятежный дух пред ними обнажится.
Когда ж обманет вас в отважности успех,
Лишат поляки вас последних выгод всех.
И вот что верная вещает вам София:
Тогда повергнется в оковы вся Россия;
Соделать из друзей вы можете врагов,
Включитесь из бояр во звание рабов;
Избавьте нас от слез, Москву от разоренья.

Князь Дмитрий

Чего ж ты требуешь от нас?

Мы не с надменными к врагам пойдем речами,
Мы придем с молнией, с кровавыми мечами.
Отечества врагов, и кто подобен им,
Презрению, мщению и казни предадим;
Ни тени наших стен литовцам не уступим,
России каждый шаг мы кровию искупим;
Все грады сокрушим, и лучше все порем,
Чем польский воспрять на выю нам ярем.
Возможно ль тех терпеть, которы царство губят?

София

Итак, отечество нежные жены любят.
Мы жалость чувствуем, взглянув на праздный трон,
Внимая плач детей, внимая старцев стон,
Московских жителей, как теней, видя бледных;
Священный чин в слезах, вельможей сирых, бедных;
Преобразились в ад прекрасные места!
Москва нам кажется бесчадна и пуста.
Вы нудите нас пить толь горькую отраву,
Упорствуя поднести корону Владиславу;
Почти в руках его теперь московский трон,
Но если силою на царство вступит он —
Внесет с победою в Россию меч и пламень,
И не останется в Москве на камне камень.

Князь Димитрий

Напрасно в ужас нас ты чаешь привести;
Нет, нет! никак себя успехами не льсти.
Чьи мысли черны суть, чьи души подлы, низки,
Те должны трепетать, а не сердца российски.

Князь Пожарский

И ты, несчастная, должна вострепетать,
Когда дерзаешь нам Литву предпочитать.
Жалею, если ты в их пользу убежденна,
Что матерью одной со мною ты рожденна.
Ах! жизнь тебе хотя в России и дана,
Но польским упилась дыханием она.
Ты так же нам грозишь, как нам грозил Хоткеев;
Ты голос приняла и наших вид злодеев.
Какой я за тебя, София, стыд терплю!

С о ф и я

Но мало ли мое отечество люблю
И мало ли к нему усердием пылаю?
Спокойство нужно вам — спокойства я желаю;
Хотите вы раздор в России прекратить,
Короне прежний блеск и славу возвратить,
Прервать смятение, народны кончить бедства —
Я предложила вам к тому ближайши средства;
Тебе представила, о мой любезный брат!
Как можно приобрести без крови здешний град,
Как можно лаврами без браней увенчаться
И сладкой тишиной в России наслаждаться.

Князь Димитрий

Не может власть ничья россиян услаждать,
Которую не бог благоизволит дать.
Склонить ты хочешь нас ко хищникам престола;
От вашего всегда сей лести ждал я пола;
Во мраке замыслов я зрю твое чело,
Под кровом таинства творится часто зло.
Мне всё сумнительно в ответах ваших темных.

(Пожарскому)

Сии ль твои дела с толпою войск наемных?

Князь Пожарский

Вот грудь моя! на ней дела мои прочти
И раны прежние, коль хочешь, изочти,
Которая горит к отечеству любовью.
Пройди всю жизнь мою, и думай обвинять;
Я с честью возмужал, мне поздно изменять.

Князь Димитрий

А мне, плывущему к брегам во время грозно,
Корабль отечества блюсти всегда не поздно.

Князь Пожарский

Пойдем против врагов! пойдем, явим сей час,
Кто любит более отечество из нас,
Кто жаждет более России защищеньем,
Кто более горит за ближних отомщеньем.

Те же, Руксалон и Минин.

Руксалон
(вонзая копье)

Никак нельзя служить! . . Вот меч, мое копье,
Я в руки не приму оружие сие;
Здесь власть верховная доколь не утвердится,
Мы должны воздуха, лесов и гор стыдиться.
Имея пламенну к отечеству любовь,
Мы ратуем и льем во бранях нашу кровь,
А нам, воюющим, друзья не помогают
И жизнью нашею в бою пренебрегают,
Как будто б были мы презренные скоты.

Князь Димитрий
Кто жизнью ратников не уважает?

Князь Руксалон

Ты!

Ты, наши ведая движения геройски,
Нам в помощь обещал прислать отборны войски;
Но слова своего постыдно не сдержал;
Мной с Мининым разбит, Желковский убежал,
По трупам убежал, как жатва, посеченным
Бесстрашным воинством, Пожарским нам врученным.
Когда бы ты с людьми на помощь к нам притек,
Желковский плена бы и казни не избег;
Теперь врага сего из рук мы упустили,
Отместили мы Литве, но вполы отомстили,
Сей искры тлеющей наш меч не погасил;
Тушили мы ее до самых крайних сил,
Но в силах сделались совсем изнеможенны;
А Минину мы сей победой одолженны:
Питая праведный против поляков гнев,
Он бросился на них, напал, погнал, как лев.
О! если б ратников мы горстью подкрепились,
Все б войски вражии с Желковским истребились.
Дабы отечества судьбою не играть,
Нам войск одну главу потребно изобрать;
Не служба там — позор, где правят войском страсти!
И войско без царя есть лодка безо власти.

Князь Димитрий

Без власти на земли все связи суть мечты!
Я думал точно так, как думаешь и ты.
При смутных временах нам власть нужна едина;
И ведай, что сия была тому причина,
Что ратников моих к тебе я не прислал,
Которых я прислать на помощь обещал.
Привыкнув к древнему устройству и походам,
Быть разным не хотят послушны воеводам.
Колико их склонить мы к бою ни пеклись,
С Пожарским ратовать казаки отrekliсь.
Две воли, говорят, при войске не совместны;
Притом свиданья их с его сестрой известны,
Отважностей таких никто не оправдал.

Князь Руксалон

Я весть сюда княжину совет Леону дал.

Князь Димитрий

Повиноваться мне, не вам, мой сын обязан,
За преслушание он должен быть наказан;
Весь гнев мой на него, весь гнев я излию!
Но я теперь моих сумнений не таю:
Я думаю, и вы со мною в том согласны,
Свиданья что с княжной Пожарского опасны.
Они, низверженным в пучину страшных бед,
Удобны приключать нам пагубу и вред.

Князь Пожарский

Что я Пожарский князь, коль надобно, забуду;
Но я упреков сих никак терпеть не буду;
Мне легче кажется с мученьем умереть,
Чем жизнь и честь свою поруганною зреть.
Я власть сложу!

Князь Димитрий

Чту власть царей самодержавных.
Порядка тамо нет, где два начальства равных.

Князь Руксалон

Нельзя присваивать начальства, ни слагать,
К чему присудит бог, народ и царь избрать.

М и н и н

Не будучи ни князь, начальник и ни воин,
Могу ли вашего вниманья быть достоин?
При ваших подвигах не свары нам предлог,
Предлог важнейший нам: отечество и бог.
Когда к единому мы виду устремленны,
Так ратные полки не стали разделенны;
Пришли от Волги мы друг друга не губить,
Но царство защищать, поляков истребить,
Друзей, родню, закон изъять из горька плена,
В столице водрузить российские знамена.
Постыдно прение о власти вам иметь:
Служить мы все сошлись, не скипетром владеть;
Отечеству любовь сыновню докажите,
К чему назначен кто, в том звании служите;
Боярская вражда, начальников раздор,
Поляков подкрепив, умножит наш позор.
Не ваши имена, не почести наружны,
Советы ваши нам и храбры души нужны.
Димитрий, воинством своим повелевай,
Но честь Пожарского заслугам воздавай.

(Пожарскому)

Ты в подвигах ему не делай, князь, препятства,
Верховна ваша власть да будет узел братства.

К н я з ь Р у к с а л о н

(Димитрию)

Тебе правленья жезл вельможами вручен,
Пожарский войск вождем сердцами наречен.

К н я з ь Ф е о д о р

Единою душой и действуйте и правьте,
О царстве думайте, а личности оставьте.

К н я з ь П о ж а р с к и й

Спасенья общего, не личных благ ищу,
И льщусь, что славу я России возвращу.
Я вижу пыль в Москве, всходящу облаками,
Поляки движутся из града с их полками.

Князь Руксалон

Не польские полки воздвигли пыль в сей час
То Понтус с воинством бежит, бежит от нас.
Вещал он гордо мне, сретаяся со мною:
«Желаю дружества россиянам с Литвою», —
Но я из слов его не понял ничего.

Князь Дмитрий (Пожарскому)

Вот следствие с сестрой свиданья твоего!
Друзья раздорам нас на жертву оставляют,
Подпоры наших войск и силу умаляют;
Кровь лить и бедствовать остались мы одни.

Князь Пожарский

Пускай, куда хотят, пускай бегут они;
Сей Понтус, нашему ревнуя государству,
Их князю проложить дорогу чаял к царству
И шведским нас жезлом надеялся пасти;
Россию надлежит россиянам спасти.
Мы в наших подвигах когда пребудем дружны,
Довольно сил у нас, нам Понтусы не нужны.

Князь Дмитрий

Никто донесь Литву преодолеть не мог,
Что может подавать тебе надежду?

Князь Пожарский

Бог!

Князь Дмитрий

Я войском жертвовать мечтам пустым не стану,
Носящим без того глубоко в сердце рану;
Не двину сил моих России ко вреду.

Князь Пожарский

Останься! — с воинством один на брань иду.

София

О небо! премени печали наши в радость
И дай россиянам вкушать спокойства сладость!

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Те же и Леон.

Л е о н

(князю Димитрию)

Лазутчик близ шатров литовский сыскан мной,
Не знаю, что его отважности виной.
Во подозрениях по видам став основан,
Я в плен его схватил; он мною взят, окован;
Простого воина хотя имеет вид,
Но, мнится, знатный муж в простой одежде скрыт.

К н я з ь Д и м и т р и й

Вниманья моего ты больше недостоин.
Служи ты как простой отныне в брани воин:
Ты мой приказ отверг.

Л е о н

Дозволил Руксалон. . .

К н я з ь Д и м и т р и й

Я есть родитель твой, начальник я, не он!
Представь лазутчика.

С о ф и я

Какой еще несчастный

Пришел в сей грозный стан, литовцам столь
ужасный?

Я В Л Е Н И Е С Е Д ь М О Е

Те же и Вьянко (в цепях, сопровождаемый Леоном
и воинами).

В ь я н к о

Где я?

К н я з ь Д и м и т р и й

Кто ты, злодей?

Вьянко

Смутился дух мой весь!

София

(преклонясь на Пожарского)

О небо! это он!

Вьянко

Увы! София здесь?

Князь Пожарский

(Софии)

Бледнеешь, стонешь ты!

София

(в исступлении)

Свирепая судьбина!

В оковах вижу я Желковского здесь сына!

Князь Дмитрий

Ты сын Желковского?

Вьянко

Так, сын, я сын его —

И больше не скажу пред вами ничего.

Князь Дмитрий

Ты скажешь. — Воины! лазутчика возьмите,
До времени его в темницу заключите.

София

(приходя в память)

Постойте! он пришел из града для меня,
В разлуке он со мной не мог остаться дня.
Нам быть врагами с ним судьба определила,
Но ах! два сердца в нас любовь соединила.

Леон

Любовь?

Вьянко

Моей любви к Софии не таю:
В ней жизнь, в ней счастье, в ней душу чту мою;
Когда Софиины подруги лицемерны,
Которы при одних весельях были верны,
Когда мне принесли о ней ужасну весть,
Что здесь в опасности княжны Пожарской честь,
Что в таборы ее отважное вступленье
Имело следствием укоры и грабленье,
Что может жизнь она утратить в сей ночи, —
Увы! пошел бы я сквозь огонь и сквозь мечи,
Дабы, спросив о ней, не возвращаться прежде;
И вот зачем предстал я в сей простой одежде.

София

И чтобы в грусти мне отраду принести.

Князь Пожарский

Такие наглости удобно ль пренести!
Теперь твоя душа пред нами обнаженна,
К врагу отечества любовью ты разженна;
Пристрастных слов твоих коль гнусная вина!
Княжной Пожарской слыть ты больше не должна,
Такие изверги достойны лютой казни.

София

На смерть иду с моим любезным без боязни!

Князь Дмитрий

Но мы лазутчика ни правим, ни виним.

Князь Пожарский

Нам стыдно уважать и заниматься им;
Казни его, когда России он опасен,
Иль выпусти его; Совет на всё согласен.

Князь Дмитрий

В оковах у меня пускай суда он ждет;
Ты можешь ли принять сестру на свой ответ?

Князь Пожарский

Приму и докажу сей час мою невинность.

(Софии)

Позорна мне твоя и мерзостна бесчинность;
Спеши и возвратись к союзникам своим!
Оставь навеки нас, скажи, скажи ты им,
Что нам забыть нельзя насильственной их злости;
Нам зримы здесь друзей непогребенны кости,
Окровавленные их тени восстают,
«Отмстите вы за нас, отмстите!» — вопиют.
Отмстим за вас, друзья! коль надобно судьбине;
Мы тысячи громов к полякам бросим ныне.

С о ф и я

Пойду и там себе защитников сыщу,
Полякам всё мое страданье возведу.
Ругательство, хулы, бесчестие, прабленье,
Враждебность меж бояр и Вьянки посрамленье;
Что в узы ввержен он, как будто некий тать,
Что казни вы его намерены предать;
Поляки, как царя, во граде Вьянку чтили,
Нельзя, чтоб за него не мстить или не мстили. . .

(Указав на Москву)

Зри зарево в Москве! внемли, внемли набат!
Пылает, рушится и погибает град;
За Вьянку во крови граждәне наши тонут, —
Такие бедствия еще ли вас не тронут?

Князь Пожарский

Растрогалн. . . и нам за них отмщать пора.
Прости, моя сестра! — Нет, ты мне не сестра.
Словами тщетно нам и взором угрожаешь;
Беги! ты воздух здесь изменой заражаешь.

С о ф и я

Едина кровь с тобой произвела меня.

Князь Пожарский

Отечество мое мне ближняя родня!

(Ушел, и с ним вельможи.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Князь Димитрий, Леон, София, Вьянко.

Князь Димитрий

Ты славу нашего отечества затмила.

Леон

Ты пол свой, и себя, и брата посрамила.

София

О бедная! к чему теперь прибегну я?
Вкруг сердца у меня застыла кровь моя;
Едва дышу — меня объемлют смертны тени. . .

(К Димитрию)

Мой враг! мой враг! твои объемлю я колени.
Оставь меня, оставь с возлюбленным моим
Или пусти во град меня обратно с ним;
Не разлучай ты двух любовников несчастных,
В погибели Москвы, в измене не причастных.
За то ли страждет он, за то ли я терплю,
Что любит он меня, что я его люблю?
Или вы никогда сердечно не любили
И чувства жалости друг к другу истребили?

Леон

Что я любил тебя, или еще люблю,
Увы! родительский за то я гнев терплю.
Но будь сия любовь навеки истребленна,
Иноплеменником когда ты ослепленна.

Князь Димитрий

Желковский к нам пришел в ночи, как некий тать,
И должно умыслы его мне испытать.

София

Что любит он меня, ты только то узнаешь.

Вьянко

Напрасно ты себя, княжна, уничижаешь;
Ты рвешься, мучишься; поди отсель, поди!

С о ф и я

Весь ад в душе моей — и смерть в моей груди!

В ь я н к о

Коль хочешь отвратить взаимны наши бедства,
Не здесь ищи к тому, ищи во граде средства.

С о ф и я

(Димитрию)

Ах! жалости я здесь ни в ком не нахожу,
Литву противу вас, весь мир вооружу;
За Вьянку мстящая, разженная любовью.
Принужу напоить поля российской кровью. . .
Нет, нет, мой князь, не верь, не верь моим
словам,

На выкуп принесу за Вьянку золото вам;
Когда не примете таких сокровищ тленных,
Представим за него вельможей ваших пленных.
Скажи мне, искуплю его хоть сей ценой,
Коль можно искупить его самою мной?

К н я з ь Д и м и т р и й

Угрозы мы твои тщетой, София, ставим,
А наших пленников без выкупа избавим.
Не посрамляй себя — о Вьянке не пекись;
Твой брат изгнал тебя, отсюда удались;
Не выдам пленника, не выдам за корону.

С о ф и я

Вели со мной идти со стражею Леону;
Он слово дал меня отсель препроводить.
Или и данных слов не могут здесь хранить?

К н я з ь Д и м и т р и й

Когда он честь свою в сей слабости находит,
Не сын мой, ратник сей пускай тебя проводит!

(Леону)

Поди — а Вьянку сам в темницу заключу.

В ь я н к о

Страдаю, мучусь, рвусь, лью слезы — и молчу!

С о ф и я

Увы! в последний раз твой сладкий голос внемлю
И, может быть, тебя в последний раз объемлю.
Прости! твой в сердце вид с собою понесу,
Умру я за тебя или тебя спасу.

В ь я н к о

Не будем лютою разлучены судьбою;
Я в узах, но душа моя пойдет с тобою.
Прости! . .

К н я з ь Д и м и т р и й

Не вами я заемлюся, войной;

(Вьянке)

Все войско движется — иди, иди за мной.

С о ф и я

Увы! с возлюбленным коль горек час разлуки!

В ь я н к о

(уходя)

То лютой смерти час!

С о ф и я

И страшной адской муки!

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

София и Леон.

Л е о н

Стыжуся на тебя возвесть, София, взор,
Увы! мне пагуба, ты племени позор;
Не мне, ты нашему народу изменила,
Врага отечества, злодея возлюбила;
Сестрой Пожарского могу ль тебя назвать?

С о ф и я

Сердцами лъзя ли нам, Леон, повелевать?
Я ведаю, что мной ты, князь, прельщен и страстен,

Не полюбить меня ты прежде был не властен,
Взаимно полюбить тебя я не властна;
Винна ли стала тем, что Вянкою страстна?

Л е о н

Нет! презрил я тебя и ныне ненавижу;
Души твоей теперь всю низость ясно вижу
И не могу любить.

С о ф и я

Ах! любишь ты меня,
Ты любишь всё еще, от глаз своих гоня;
Да сей любви, мой князь, почувствуй умиление.
Имей ты для меня ко Вянке сожаленье.

Л е о н

Какая лютая и пагубная речь!
Мне б должно в грудь твою вонзить сей острый
меч

И тем отечество от варварки избавить,
Котора ни во что дерзает клятвы ставить;
Зри ненависть в очах, любовь мою забудь.

С о ф и я

Тут сердце у меня! пронзай, пронзай мне грудь;
На смерть, на бедствие, на казни я готова.
Ах! не поляки вы — от вас не жду инова.

Л е о н

Давно бы я твою неверну грудь пронзил
И дух бы твой извлек, — но я тебя любил!
Сие смущенное уму напоминанье
Всё мщение мое приводит в надеянье.
О! если бы ты мне верна была, княжна,
Ты знатной девою была бы почтена;
Была бы мною ты, как жизнь моя, любима
И братом не была с презрением гонима.

С о ф и я

Но Вянко бы моей душой не обладал.

Л е о н

Таких я от тебя, таких речей и ждал!

С о ф и я

За нежность не вини несчастную Софию;
Люблю Желковского, но что — я чту Россию;
Я именем своим и жизнью ей должна;
Но в славе, в тишине приятна мне она,
Под сенью мирною как будто рай цветуща;
Не крови жаждуща, не в плен людей влекуща,
Не поставляюща любовных чувств в вину.

Л е о н

Ты в узах ли, княжна?

С о ф и я

Но Вянько во плену!

Л е о н

Его свободою не можешь ты и льститься.

С о ф и я

Позволь в последний раз с любезным мне
проститься.

Позволь!

Л е о н

Ищи в Литве послушников таких;
Не прелесть — Тартар весь я зрю в очах твоих.
Сейчас, неверная, сейчас иди ко граду!

С о ф и я

Я горечь здесь нашла, а там найду отраду.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Князь Димитрий и Леон.

Князь Димитрий

Где Вянько, узник твой?

Леон

Под стражей пребывает...
Но в узах об одной Софии унывает,
Введенной мной во град.

Князь Димитрий

Представь его ко мне:
Я с ним беседовать хочу наедине.

Леон

Хоть кроток видом он, приветлив, благодарен,
Учтив, признателен, но льстив он и коварен.
Не верь, о государь! не верь словам его.

Князь Димитрий

Не требую ни в чем совета твоего.

Леон ушел.

Исполни что велю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Князь Димитрий

Что делать днесь, не знаю!

Врученной властью скучать я начинаю;
Мне тягостна юна — о власть! верховна власть!
Ты есть горчайшая для смертных в мире часть.
Начальство над людьми, начальство есть почтенно,
Но ах! с коликими трудами соплетенно!
То блески, что вдали душе и сердцу льстят,
Но кои, озарив, всю душу тяготят;
За каждое от нас произнесенно слово
Сужденье от людей всегда в устах готово;
И нам подвластные нередко судят нас,
Не вникнув в связи дел, не растворяя глаз;
Властители людей осуждены ответом
За малый общий вред пред богом и пред светом;
Природа рушит ли воздушну тишину,
Гремят ли небеса, — всё ставят им в вину.
Россия зрится мне, Россия изъязвлена,
Во узы ввержена, бледна, окровавлена;
Вдыхает вокруг меня, мне слышится, земля:
Телами вскоре здесь покроются поля,
И кровию трава российской обAGRится;
Здесь воды закипят, весь воздух загорится.
О, если бы я мог сей ужас отвратить!
Хотел бы кровь мою один за всех пролить.
Душа Димитрия изменам не причастна,
Но гордость князя мне Пожарского опасна;
От Волги с войском он, как хищный вран, летел,
Почто под властью быть моей не захотел?
Кто пользу общую в виду своем имеет,
Равно тому, другим он служит иль владеет.
Князь хочет быть царем иль хочет нас предать,
Я стану следствий сих со страхом ожидать;
При подозрениях, мне в сердце впечатленных,
Не дам во власть ему людей, мне подчиненных;
Увижу, в пользу ль нам он действовать начнет
Или предаст. . .

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Князь Димитрий и гетман Желковский (тихо приближаются).

Князь Димитрий

Но кто задумавшись идет?
Он шествие ко мне с унылым стоном правит.

Гетман Желковский

Где я найду его? И кто ему представит?

Князь Димитрий

Кого ты ищешь здесь?

Гетман Желковский

Димитрия ищу;
Я пасть к его ногам с почтением хочу.

Князь Димитрий

Димитрий я! — Кто ты?

Гетман Желковский

Я враг страны московской.
Но ах! несчастнейший отец, гетман Желковской;
Мой сын, о государь! во узах у тебя,
На выкуп за него привел я сам себя;
Которая сего несчастного прельстила,
София мне его погибель возвестила;
Не есть лазутчик он, ни варвар, ни злодей,
Он в ночь сию пришел в российский стан для ней.
Я, я московскому злодеем был народу,
Прими во плен меня, но дай ему свободу;
Благотворение угодно небесам,
Имеешь сына ты, имеешь сына сам.
Зри слезы ты мои, внемли душевные муки,
К тебе дрожащие взношу, Димитрий, руки;
Колена, государь, объемлю я твои —
Будь жалостлив, внемли стенания мои;
Мне сын мой на земли утеха есть едина;
Терзай, губи, карай и мучь отца за сына.
Я весь в руках твоих, — меня ты за него
В темницу заключи, но выпусти его.

Князь Димитрий

Я жалость чувствовать к врагам моим умею
И Вянку свободить из плена власть имею;
Ко правосудию почтение внушить,
Допросом Вянкиным хочу я поспешить.
Полки я для сего оставил важна дела,
Решу его, доколь война не воскипела.

Гетман Желковский

Моя, о государь! моя во Вянке кровь:
В ней нет вины другой, в пей вся вина — любовь!
Он не был вам врагом, не возмущал Россию.
Когда ж виновен тем, что любит он Софию,
Так он на Севере преступник не один;
И если то порок, так твой порочен сын:
Он так же, как мой сын, княжной Пожарской страстен.
Что ею он любим, за то ль мой сын несчастен?

Князь Димитрий

Любил Софию он. Когда ж забыт Леон
Пожарскою княжной — ее забудет он;
Благоразумия те люди не имеют,
Которые в любви к несклонным девам тлеют;
Спокоен буду я, в нем склонность истребив,
Но Вянку отпустить нельзя, не допросив;
Когда злодей он нам — на что злодеев множить,
Которые наш край стараются тревожить?
А если только в нем любовника сыщу,
Твоим объятиям я сына возвращу.
Хотя вы чаете России быть ужасны,
Но мы, свободу вам давая, безопасны,
И безопасна здесь, Желковский, жизнь твоя.

Гетман Желковский

Дарующу мне жизнь целую руку я;
Жить в сладкой тишине россияне достойны,
И думаю, что вы останетесь спокойны,
Принужу от Москвы поляков отступить;
В сем умысле меня сын может подкрепить,
Он множество друзей в отечестве имеет,
Которых преклонять во все страны умеет;
Его вельможи чтут и любит Владислав,

Ко миру склонит их, столицу вам отдав.
Меня ты удержи, его пошли к полякам.

Князь Димитрий

Сумнителен мне ты по дружественным знакам,
России множество соделали вы зол:
Вы к нам Отрепьева прислали на престол,
Царя Василия в темницу заключили,
Ливонцев против нас, черкасов ополчили,
Во узы ввергнули российских вы бояр;
Мы видели в Москве еще сей день пожар,
Мы слышали набат. Тревоги зря такие,
Как могут верить вам и я — и вся Россия?

Гетман Желковский

Не может кроток быть под игом польским град,
Там каждый день мятеж, там каждый день набат.
Свободу получив с моим любезным сыном,
Клянемся помышлять о мире мы едином.
Мой конь и меч готов, я к войску возвращусь
И тамо удержать Литву от битвы льщусь;
Мы ныне, может быть, сей град навек оставим.

Князь Димитрий

Тогда мы небеса за ваш побег прославим.
Я трепет ваших душ предусмотрел давно, —
А ты воюй иль нет, Димитрию равно,
Он жаждет тишины, но браней не боится.
Поди, сейчас к тебе мой пленник возвратится;
Но вот и сын твой здесь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Вьянко (препровождаемый Леоном).

Гетман Желковский

(объемля сына)

Возлюбленный мой сын!

Ты в узах! Не подав к предательству причин!
(Оглядывается на Димитрия, говорящего тайно с
Леоном; продолжает тихо ко Вьянке)

Но будь спокоен ты! а я дерзаю льститься,

Что сын мой в сей же день от уз освободится;
Мое притворное покорство доверши
И к нам доверенность Димитрию внуши;
Пришел я за тебя в оковах здесь остаться.
Как мог ты россам в плен, жив будучи, отдаться!
Несносно мне тебя у них в неволе зреть.

Вьянко

Но что же должен был я делать?

Гетман Желковский

Умереть!

Вьянко

Умру, когда от уз не можно свободиться.

Гетман Желковский

Умри! А я лечу с Пожарским в поле биться.

(Обняв сына)

Прости!

(Ушел.)

Леон

(окончав разговор с Димитрием)

Враги сии восстанут против нас.

Князь Димитрий

Не мне приказывай, исполни мой приказ,
Поди.

Леон ушел.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Князь Димитрий и Вьянко.

Князь Димитрий

Скажи ты мне, скажи чистосердечно,
С Пожарскою княжной ты в тайне был, конечно?
Сердечны слабости умею извинять.
Но умыслов ее нельзя тебе не знать;

Какая искренность в ней дерзость возбудила?
Зачем, почто она ко брату приходила?
В ночи прийти сюда отважилась княжна,
Причина быть должна сей смелости важна.

Вьянко

Законов совести я в узах не нарушу,
София, чаю, вам свою открыла душу;
Российская княжна то дерзостью не чла,
Что с сердцем искренним к россиянам пришла,
Где брата, где друзей, где сродников имеет;
Кто совестью не чист, казаться тот не смеет,
А деве таковой, которая душа
Как взор ее светла, как прелесть хороша,
Прилично предлагать отечеству покойство;
Враждующих мирить есть ангельское свойство.

Князь Дмитрий

Что ты ни чувствуешь, что ты ни говоришь,
Ты ею занят весь, везде Софию зришь;
На узы ты взгляни и жребий свой напomini,
Чего я требую, немедленно исполни.

Вьянко

Я знаю, что тебя и сына тем гневлю,
Что я прельщен княжной, что я ее люблю;
Но кто любить ее, ах! кто любить не станет,
София на кого из смертных нежно взглянет?

Князь Дмитрий

Сей склонностью меня не можешь раздражать;
Ты властен страсть гасить, ты властен умножать;
От ваших нежностей не чувствую обиды;
Но тайные ее ты мне поведай виды.
Когда тебя она старалась соблазнить,
Не думала ль к себе всю Польшу преклонить,
Дабы коварств ее привести пружины в действо
И скипетр перенести в Пожарского семейство?
Для брата ли сестре усердно не радеть,
Когда надежда есть престолом овладеть?
Вы так ли думали? Скажи мне откровенно,
И всё я извиню, мной будет всё забвенно.

Вьянко

Когда Пожарскую княжну я полюбил,
С ней душу съединить мой умысл первый был;
Не шли на мысли нам ни царствы, ни короны,
Нам верные сердца златые были троны.
Прости, что в устах сих толь дерзко говорю.
Служа отечеству и польскому царю,
Который покорил под власть свою Россию,
На что бы мне склонять к предательству Софию?
Я Владиславу быть не мог неверен сам.
Но если было бы угодно небесам,
Чтобы, вражду забыв, престол ему вручили,
Вы б скоро царские награды получили,
Короны бы одной недоставало вам;
Почтенья придал бы боярским он правам,
И, как в Эдеме, вы в Москве бы обитали,
Тебя вторым царем в России бы считали,
Ты б райску жизнь вкушал.

Князь Димитрий

Оставь презренну лесть!

Там лести места нет, где сердце чисто есть.
Мы в поле возросли, не знаем сладких брашен;
Не брани страшны нам, язык лукавых страшен;
Я чувствую сии обманчивы цветы,
Которыми прикрыть коварство хочешь ты.
Такие выгоды, которы равны царским,
Во блесках представляй пред князем ты Пожарским;
А только истину поведай предо мной,
Что было твоего прихода к нам виной,
Что в мыслях ты имел? и что княжна имела?
Мне узел развяжи сего сплетенна дела;
Какую брат ее беседу с ней имел?

Вьянко

Не зная о княжне, я знать о ней хотел;
О их беседе я нимало неизвестен,
Увы! несчастлив я — но сердцем прав и честен.

Князь Димитрий

Когда ты искренно со мною говоришь,
Не варвара во мне, но друга, Вьянко, зришь.

Кто истины нагой друзьям своим не скажет,
Тот небо раздражит и бог того накажет.
Отец твой мне слова приманчивы вещал:
Поляков преклонить сегодня обещал,
Без брани из Москвы к Смоленску удалиться;
Тобою в деле том он чает подкрепиться.

Вьянко

Благотворения, почтенный князь, твои
Объемлют душу всю и чувства все мои.
Я стану всей Литве твои щедроты славить
И вскоре здешний град принужу их оставить;
Мы браней более с Россией не хотим,
Коль нас послушают, вам скипетр возвратим.

Князь Димитрий

Но ежели Литва окажется упорна
И будет вашему совету непокорна,
Мы с молнией на вас придем как враги, —
Тогда с Софией ты из града убег!
Когда вы будете в осаде побеждены,
Не будут жены там, ни дети пощаженны;
Двух тающих сердец страданья не хочу,
Их бог соединил, и я не разлучу;
Любить Пожарскую я сыну запрещаю,
Тебя, тебя для ней из плена отпускаю.

Вьянко

(на коленях)

Прощает кто врагов, тот милостив, как бог;
Льет слезы у твоих лежащий Вьянко ног!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вестник.

Вестник

Внимая новый шум и новый стон во граде,
Всё наше воинство простерлося к осаде;
В дыму казалась нам и в пламени Москва;
Две вылазки на нас извергнула Литва,

Великой стоила нам траты оборона,
Увы! мы храброго лишились Руксалона;
Он, гневом распален и мщеньем закипев,
Один против Литвы пошел, как страшный лев;
Он гнал, рубил, разил, как буря был ужасен;
Но, пулей в грудь пронзен, упал с коня безгласен!

Князь Димитрий

Да бог его вражду против меня простит!

Вестник

Пожарский за него со гневом ярим мстит;
Вокруг московских стен как молния летает;
Препятства он себе нигде не обретаёт.
Он лестницы к стенам приставить повелел;
По ним хотел взлетать, как в облако орел.
Те, кои лестницы ко граду утвердили,
В отважности такой его предупредили;
От тяжести ли войск, коварством ли врагов,
Незапно лестница обрушилася в ров;
И закипела брань с другой страны московской.
Мне в поле сретился теперь гетман Желковской,
С немногими людьми спешит он ко стенам.

Князь Димитрий

Желковский мужествен, но безопасен нам.

Вестник

Полки твои, мой князь, ко приступу готовы,
И только ждут тебя.

Князь Димитрий

(указывая на Вьянку)

Сними с него оковы.

Вестник снимает.

Князь Димитрий

(продолжает)

Доколе будет кровь россиян верных течь!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Леон с мечом Желковского.

Леон

Вот меч Желковского!

Князь Дмитрий

Отдай ему сей меч,

Его невинность я пред всеми возвещаю!

Исполни мой приказ, вину твою прощаю,

Я клятву дал к отцу сейчас его пустить.

Лежащему у ног злодею подло мстить.

(Вестнику)

Пойдем!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Леон и Вянко.

Леон

С тебя сложил родитель мой оковы,

Но сыну узы он приуготовил новы:

Ты, сердцем будучи коварен и лукав,

Перед отцом моим казаться можешь прав;

Но правым никогда не будешь предо мною;

Твою свободу чту я новою виною.

Вянко

Стоящий узник твой в свободе, без оков,

Себя я оправдать перед тобой готов.

Леон

Еще ты пленник здесь, еще, еще в неволе,

Но дай ты клятву мне со мной сразиться в поле.

Вот меч твой! Ведай ты, доколе жив Леон,

Княжной тебе владеть не даст спокойно он;

Теперь я клятвою родительскою связан,

Но бой со Вянкой мне во брани не заказан.

Вянко

Могу ли на тебя я руку оружить?

К ногам твоим сей меч приду я положить.

Л е о н

Российских слабых жен презренный соблазнитель,
Знай, я тебе за них непримиримый мститель!
За подлюю к тебе Софиину любовь
Я б должен был теперь твою исчерпать кровь;
Твою пронзил бы грудь за грудь ее неверну
И выгнал бы из ней литовску душу черну;
Но держит мой кинжал родительский приказ.
Жду в поле я тебя, беги моих ты глаз!
Я тамо жизнь мою или твою скончаю.

(Ушел.)

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

В ь я н к о

(один)

С Софией избежать твоих гонений чаю;
Любовь служила мне успехом в сей стране,
И счастье, может быть, поспешествует мне.
Но чувствую у ног трепещущую землю!
Я звуки бранных труб и топот конский внемлю.
Здесь ужас! страхи здесь! отселе убежим.

Я В Л Е Н И Е Д Е С Я Т О Е

В ь я н к о и Вои н литовский.

Вои н

Ты, Вьянко, здесь? увы! простишь с родителем своим;
Он ранен!

В ь я н к о

Небеса! где он?

Я В Л Е Н И Е О Д И Н Н А Д Ц А Т О Е

Те же и воины (несущие раненого Желковского на щитах).

Д р у г о й вои н

О рок наш слезный!

Погибли мы теперь!

Вьянко
(бросаясь к родителю)

Родитель мой любезный!
Ты весь в крови!

Гетман Желковский
(тихо)

Когда мой сын освобожден,
Так я еще живу, еще не побежден.
За наше варварство нас небо наказало;
И что неправы мы, пред светом доказало.
Увы! чрез множество грядущих вижу лет,
Я вижу, вижу я, что Польши в мире нет!
О! как несчастны мы! несчастны и потомки!
Угаснут их дела, которы были громки,
Мне зрится некое с перуном божество! . .
Но будущих судеб сокрыто существо;
Вступила в очи тьма; коль беден род Желковских!
О сын мой! убеги скорей из стен московских;
Советуй ты Литве, советуй Польше ты
Оставить гордые о славе их мечты;
Безумной вольности тщетой не ослепляться,
Мятежною против России не являться.
Мятеж есть язва царств, а вольность в царстве яд!
Препроводи меня, препроводи во град.
Пожарский учинил сию в груди мне рану,
Не мсти ему.

Вьянко
Я мстить ему слезами стану!
Ушли.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Князь Пожарский
(вбегая на театр с мечом окровавленным; с ним
Минин и бояре)

Смерть Руксалонова полякам отмщена,
Запечатлела их падение оша;
Наш будет благ конец, когда наш благ начаток,

Димитрий польских войск развеял в прах остаток.
(Увидев препровождаемого в пролом Желковского)

Как агнцы робкие, они от нас бегут,
Но пусть скрываются, их стены не спасут;
Коль и́нако нельзя нам в град войти со громом,
Так мы войдем в Москву отверстым сим проломом.
Сей должен день судьбу отечества решить,
Иль славой увенчать, иль славы нас лишить.

М и н и н

Но что! ты ранен, князь! ты наших войск надежда,
Насквозь прострелена стрелой твоя одежда.

К н я з ь П о ж а р с к и й

Когда я воинство ко брани ополчал,
Себя от польских стрел, от ран не исключал;
Стрела меня почтить сей славой не хотела,
Она приблизилась — и с шумом пролетела.

М и н и н

Ты смерти подвергал отчаянной себя.

К н я з ь П о ж а р с к и й

Пренебрегаю смерть, отечество любя!

М и н и н

Я робкими тебя искал в полках очами,
Увидел наконец, увидел пред мечами:
Ты кровь сарматскую реками проливал,
Служил как ратник сам, другим повелевал;
Отважность стоила кончины Руксалону!

К н я з ь П о ж а р с к и й

Всем должно жертвовать для веры и закону!

М и н и н

Но должно жизнь свою начальнику блюсти,
Дабы он войско мог в несчастьи спасти.

К н я з ь П о ж а р с к и й

Примером воинство начальник ободряет,
Родится сто других, когда он жизнь теряет.

На жертву дни мои России я принес,
Продлить иль кончить век, зависит от небес.
Отсюда мы начнем притворную осаду,
Но тайно припадем от Яузы ко граду;
Немногий отдых мы полкам своим дадим
И, силы подкрепив, к сраженью полетим.
Ты, солнце, от Москвы еще лучей не скрыло;
О! если б в ней царя в сей день ты озарило!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет ту же часть Москвы, но укрепляемую от поляков по той стороне реки низким острогом, который ставится посредине сцены. Несколько вооруженных поляков.

Военачальник польский

Теперь забыли нас и счастье, и бог!
Защитой служит нам единый сей острог;
Россияне Москву как тучи оступили,
Но стены градские мы твердо укрепили;
Нам должно ход в пролом россиянам пресечь.
От сей страны в полях сверкает вражий меч,
Пожарский в ратный бой полки свои поставил,
Он в мыслях силы все на здешню часть направил;
И ваши войски мы к отпору соберем!

Другой начальник

Не пустим их в Москву или у стен умрем!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и польский вельможа Хоткеев.

Хоткеев

Крепитесь, сколько лъзя, друзья мои, крепитесь!
В последний раз против россиян ополчитесь,

Найдите способы и меры между тем
Власть нашу продержать хотя единым днем;
Вдали явился нам российский враг всегдашний,
Украинский гетман с полками Сагайдачный;
Он с новой силою на россов притечет
И так, как ветер прах, их войски возмает!
Известен умысл нам, известен ков боярский:
К пролому приступить намерен князь Пожарский;
Но верная теперь для нас защита есть:
Московских дев сюда велели мы привести
И в первом их ряду пред войсками поставить,
Ожованными их россиянам представить.
Пусть ежели на нас идти они хотят,
В них стрелы первые и молнии летят.
Пусть жалость жены в них, пусть ужас производят;
Иль с ними все помрем! Но се девиц приводят!

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Те же и София (сопровождаемая несколькими девицами московскими; все они в оковах, волосы имеют распущенные, шествуют в отчаянии; за ними следуют воины польские с копьями и обнаженными саблями).

Военачальник польский
Удобно ли на них без жалости воззреть?
И должно ль в цвете лет сим девам умереть?

С о ф и я
(озираясь)

Куда нас привели?.. Ах! тщетно жизнью льститься!
Нам смерть везде грозит и час настал проститься.

Девицы друг друга обнимают и во слезах прощаются.

В е л ь м о ж а
(воинам)

Их узы надлежит к острогу утвердить,
Дабы обратный путь им в дома преградить.
Поляки жен поставляют у самого острога и за ними располагаются.

С о ф и я
Парфения! увы! гонимая судьбою,
Стань вместе тут со мной, пусть я умру с тобою!

Делили мы с тобой приятны времена,
С тобою вместе нас и смерть сразить должна.
За нашу к вам любовь, за наше почитанье
Какое лютое, поляки, воздаянье!
Когда Россия вся пренебрегала вас,
Вы видели в Москве одних преклонных нас;
В возмездие любви, в награду сей приязни
Вы нам готовите презренье, ужас, казни.

Хоткеев

Когда россияне готовят казни нам,
В отчаяньи мы смерть определили вам.
Умрите!

Парфения

Из каких вы нас губите правил?

Хоткеев

Из правил мщения!

София

И Вянько нас оставил!
Кто может наших слез потоки отереть?

Парфения

Не в узах — я в венце Софию льстила зреть!
Мечтались на тебе мне брачные покровы,
Не черные сии одежды и оковы;
Мне зрелись пред тобой разбросанны цветы,
Всё, всё исчезло вдруг! — забвенна Вянькой ты!

Хоткеев

Отец Желковского от раны умирает,
А сын его в Москве соковища собирает;
Чего мы не могли доныне воображать,
Из града хочет он с богатством убежать;
Родителя скорбь его остановила,
И, может быть, корысть за стены удалила.

София

Пушай из града он с богатством убежит,
Ему быть счастливу на свете надлежит.

Люблю его! люблю! и небу поручаю;
Да будет Вьянко жив, а я мой век скончаю.
Ах! горько без него и жизнь кончать, и жить...
Но жизнию его должна я дорожить.
Исчезните мои наружны украшенья,
Которы льстили мне во время утешенья.

(Она срывает свои уборы)

В дыму и в пламени мне кажется весь град!
Разверзся предо мной, разверзся мрачный ад!..
Какие огненны мне зримы тамо реки!
О! как страдают здесь несчастны человеки,
Которые свою отчизну предают
И клятвы не хранят, которую дают.
О, место горестей, уныния и скуки!
Ах, Вьянко! ты ко мне в слезах подъемлешь руки,
Из сердца у тебя струями кровь течет;
Какая сила в ад меня к нему влечет!
Нейду, нейду туда! — но тщетно противляюсь,
Душа к нему летит! я с ним соединяюсь.

(Опомнясь, к девицам)

Ах! чувствую в уме смятение моем;
Слабею — трепещу — не вижу света днем!

(Упадает в объятия Парфении.)

Хоткеев

Прельщенны льстивыми поступками, словами,
Что россы нам сулят, мы делаем то с вами.

Парфения

Увы! сколь наша часть ужасна и бедна!
Княжна, безгласна ты, бесчувственна, хладна!
Благополучна ты, когда твой век прервется;
Но сердце живо в ней, еще в ней сердце бьется:
София бедная! опомнись и живи
Для дружбы искренней, когда не для любви.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Вянок (вбегая).

Вьянко
(полякам)

Бегите вы отсель, несчастные, бегите!
Спасать и честь и жизнь полякам помогите:
Пожарский с воинством теперь уже в Кремле,
Нет места, больше нет в российской нам земле;
С Москвою прерваны уставлены союзы,
Везде готовят нам оковы, плен и узы.
Димитрий, мстящею кидая пром рукою,
Льет по улицам литовску кровь рекой.
Спасайте нашу жизнь, несчастные, спасайте!
А бедным девам сим свободу вскоре дайте.

Хоткеев и вельможи
(подняв мечи)

Мы смерти их предать за нашу кровь хотим!

Девыцы
(упав на колени)

О боже!

Вьянко
(подняв меч)

Варвары! я здесь защитник им,
Не слабых жен мертвить — покорствуя судьбине,
Вы должны небеса склонять к щедроте ныне.
Бегите!

Слышен глас трубный. Поляки убегают.

Вьянко
(к Софии)

В узах ты, нам зла не приключив!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме польских воинов.

С о ф и я
(приходя в себя)

Чей голос внемлю я? — ах! Вянько, Вянько жив!
Не тень ли здесь его?

В ь я н к о
(снимая с нее цепи)

Я жив! — а ты в неволе,
Которая сиять должна бы на престоле;
Позорный зрела ты несчастных дней конец!
В моих объятиях скончался мой отец,
Но воздал я ему последню должность сына;
Медленья моего во граде он причина.
С наперсницами здесь ты б в узах не была,
Моя бы вас рука от варваров спасла.
Россияне уже Москвою обладают;
Меня мои кони за градом ожидают;
Поляки с трепетом из здешних стен бегут,
Пойдем, и мы пойдем, венцы нас в Польше ждут!

С о ф и я

Не только для венцов — с тобой рабыней пленной,
О Вянько! я пойду, пойду на край вселенной.
Но, дружбы не явив, отсель не уходи:
Сними оковы с них и пленниц свободы.

В ь я н к о
(снимая оковы с девиц)

Россияне меня родителя лишили
И жребий бедственный всей Польши довершили;
Они мои враги, ты кровь злодеев сих,
Но я, тебя любя, люблю с тобою их.

П а р ф е н и я

Когда наш град спасен, мы россов не страшимся;
Бегите вы отсель! мы в дома возвратимся.

Ушли.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

София и Вьянко.

Вьянко

Какой сверкает блеск вдали очам моим!
Я слышу вопль и шум — София, поспешим!

(Разбрасывает острог и выходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Леон.

Леон

(имея меч в руках)

Постой, злодей! постой! ты должен мне ответом,
Во граде, в войске, здесь, пред целым должен
светом!

Вьянко

Готов я дать ответ!

София

(на коленях, Леону)

Для праведных небес,
Оставь его! оставь, зри, зри потоки слез!

Леон

На прелести твои я больше не взираю!

(Нападая на Вьянку, убивает.)

Умри, злодей! . . умри!

Вьянко

(упадая)

София! — умираю!

София

(бросаясь к нему)

О друг моей души! тебя уж в свете нет!
Противен без тебя и страшен мне весь свет!

Моя любовь тебя, моя любовь убила;
Но пусть узнают все, как я тебя любила!

(Леону, указывая на Вьянку)

Убийца! зри, как кровь из ран его течет;
Ах! капля каждая меня к нему влечет.
Ему и душу ввек, и сердце обручаю:
Когда скончался он, и я живот кончаю.

(Схватив меч Вьянкин, заколается.)

Л е о н

Какой являет мне София грозный вид!
Я ужас чувствую, раскаяние, стыд.

Я В Л Е Н И Е В О С Ъ М О Е

Те же и Пожарский (сопровожаемый боярами. Воины и народ видны на стене).

К н я з ь П о ж а р с к и й

Российская теперь корона утверждена!
Поляки изгнаны, Москва освобождена.

(Взглянув на Софию и на Вьянку)

Но ах, сестра моя!

Л е о н

Убил княжну не я —
За Вьянку кончила свой век сестра твоя!
Я был побегу их из стен московских зритель,
И мною поражен Софин похититель;
Не могли без него утешиться ничем,
Свою пронзила грудь княжна его мечем.

К н я з ь П о ж а р с к и й

(с презрением)

Жила и жизнь она окончила для Вьянка!
Да тако всякая погибнет россиянка,
Которая забыть отечество могла!
Она любви твоей достойна не была;
Да может кровию вина ее омыться,
Которой должен род Пожарского стыдиться!

Л е о н

Княжна душой моей век будет обладать;
Позволь мне прах ее в слезах земле предать.

К н я з ь П о ж а р с к и й

Предай земле их прах!

Сносят с театра Софию и Вянку. Леон ушел.

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е И П О С Л Е Д Н Е Е

Князь Пожарский с боярами и князь Димитрий с Мининым и с воинами. (На стене виден многочисленный народ.)

К н я з ь Д и м и т р и й
(князю Пожарскому)

О ты, почтенный воин!
Не только лавров ты, короны ты достоин.

(*Подав ему руку*)

Прими сей дружбы знак.

К н я з ь П о ж а р с к и й
(*приняв его руку*)

Сей храброю рукой
Спаслось отечество и дан Москве покой.
Во время приступа, во граде, в ратном поле
Ты мужества явил, о князь! пред всеми боле.
Теперь раздоры все и брани потуша,
Да будет сердце в нас едино и душа.
Сестры лишился я; при сем ущербе чаю,
Что кровных и друзей с Россией получаю.
Когда от уз Москва и плена спасена,
Так мне сестра моя с ней вместе отдана!

К н я з ь Д и м и т р и й
От бед отечества мы прежде не избавим,
Доколе мы царя в России не восставим!

М и н и н

Вельможи и сигклит народу возвестил,
Что избран на престол Романов Михаил!

Н а р о д

Да здравствует наш царь!

К н я з ь Д и м и т р и й

Да здравствует вовеки,
Доколь вкушают жизнь в России человеки!

К н я з ь П о ж а р с к и й

Да ветви от него на троне процветут,
Которых Севера светилами да чтут!

Слышен на стенах глас труб и бой литавр;
завес тихо опускается.

<1798>

ПРИМЕЧАНИЯ

Основным источником текста для настоящего издания «Избранных произведений» М. М. Хераскова послужило собрание его сочинений, озаглавленное: «Творения Михаила Хераскова, вновь исправленные и дополненные», в двенадцати частях. Это издание выходило под непосредственным наблюдением автора и было напечатано в Москве в 1796—1803 гг. Оно включило в свой состав далеко не все произведения писателя. Заканчивая седьмой том, где были собраны лирические стихи, Херасков писал: «Многие из моих кратких сочинений в сию часть не внесены для того, что они в разных изданиях напечатаны и не могли быть отысканы; другие для того, что они писаны были в моей молодости, когда я учился писать стихи, и повторения не заслуживают. Ежели отыщутся ненайденные мои творения, то могут они быть приложены к последней, 12-й части, но со строгим от меня рассмотрением». Однако в этом томе появился только «Нума Помпилий» без каких-либо обещанных добавлений. В сущности говоря, Херасков перепечатал только часть торжественных од и два сборника — «Новые оды» (1762) и «Философические оды или песни» (1769), не пожелав включить даже свои басни, вышедшие отдельной книгой в 1764 г.

За пределами «Творений» остались также комическая опера Хераскова «Добрые солдаты», вышедшая двумя изданиями — в 1779 и 1782 гг., и пролог «Счастливая Россия» (1787). Совсем не нашла места в издании журнальная проза писателя — его многочисленные статьи в «Полезном увеселении» и «Свободных часах», переводы из «Энциклопедии» и ряд других работ.

Неполнота «Творений» вызывается еще и тем обстоятельством, что, закончив их издание в 1803 г., Херасков около пяти лет, до последнего своего дня, не выпускал из рук пера. За эти годы он успел опубликовать поэму «Царь, или Спасенный Новгород» (1800), написанную уже после выхода томов с поэмами в составе «Творений», волшебную повесть в стихах «Бахариана» (1803) и «Поэт» — стихотворный трактат о поэтическом искусстве. Закончил он и трагедию «Заренда и Ростислав», вышедшую из печати в 1809 г., когда автора уже не было в живых.

Вскоре после смерти Хераскова книготорговец Пономарев принял второе издание сочинений писателя, растянувшееся на пять лет (1807—1812) и выполненное крайне небрежно, с большими

неточностями, о чем с возмущением писал в свое время М. Н. Лонгинов («Московские ведомости», 1858, № 3, литературный отдел, стр. 11—12). Пономарев повторил первое издание, ничем не увеличив его состав, хотя имел полную возможность это сделать; он преследовал чисто коммерческие цели. В 1820 г. А. С. Ширяевым были изданы в двух частях «Эпические творения М. М. Хераскова», в состав которых вошли поэмы «Россиада», «Чесмесский бой», «Владимир» и «Плоды наук».

В дальнейшем, на протяжении XIX в., сочинения Хераскова не переиздавались. Исключение представляла только «Россиада». Эта поэма вошла в текст обширного сборника «Русская поэзия» под редакцией С. А. Венгерова (вып. 3. СПб., 1895), а также была издана в «Русской классной библиотеке» под редакцией А. Н. Чудинова (СПб., 1895). Никакие иные произведения Хераскова более не перепечатывались.

В советское время ряд стихотворений Хераскова был напечатан в сборниках «Поэты XVIII века», вышедших в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1936 и 1958 гг.

Настоящее издание является попыткой наиболее полно, после «Творений» Хераскова, представить творчество этого автора. Отбор текстов, выражаясь словами Хераскова, произведен «со строгим рассмотрением», чтобы не утяжелить книгу. Исходя из этих соображений, в сборник не включены поэмы «Владимир», «Пилигримы», «Вселенная» и др.; из «Бахаряны» взято только «Вступление». Зато помещены две трагедии Хераскова, со времени «Творений» не переизданные. Напечатан также ряд стихотворений, публиковавшихся Херасковым в журналах, но не вошедших в собрания его сочинений.

Материал расположен по жанрам — этого принципа придерживался сам автор. Однако книга открывается не поэмами, как, может быть, сделал бы это Херасков, а стихотворениями, как принято в изданиях «Библиотеки поэта».

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам; сохранены лишь немногие особенности правописания, имеющие произносительное значение.

Даты первых публикаций заключены в угловые скобки.

К примечаниям приложен словарь мифологических имен и названий, а также словарь устаревших и малоупотребительных слов.

Сокращения, принятые в примечаниях

«Нравоучительные басни» — «Нравоучительные басни». М., 1764.

«Российский феатр» — «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений», чч. 1—43. СПб., 1786—1794.

«Собеседник» — «Собеседник любителей российского слова». 1783—1784.

«Творения» — Творения Михаила Хераскова, вновь исправленные и дополненные, чч. 1—12. М., 1796—1803.

«Философические оды» — «Философические оды или песни». М., 1769.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

Ода на день высочайшего рождения се императорского величества, 1763 года. Впервые — отдельным изданием (М., 1763). Написана во время пребывания Екатерины II в Москве, где в 1763 г. происходила коронация Екатерины и праздновался день ее рождения (21 апреля). За несколько месяцев царствования, начавшегося 28 июня 1762 г., Екатерина успела показать себя противницей непопулярной Семилетней войны с Пруссией, и Херасков главной темой оды избирает мир, которым будет наслаждаться Россия под властью новой императрицы. *Цербст* — главный город Ангальт-Цербстского княжества в Германии, откуда родом была Екатерина II. *Кровавы лавры, не цветите При масляных оливах здесь* — т. е. пусть мирное течение жизни не будет нарушено войной. *Се храм Минервин отворяют Монаршице щедроты нам*. Речь идет о недавно открытых в то время учебных заведениях — Московском университете и Смольном институте.

Ода российскому воинству. В феврале 1769. Впервые — отдельным изданием (М., 1769). Эта ода не имеет персонального посвящения, что было не частым явлением в торжественной поэзии XVIII в., и обращена к «российскому воинству». Поэт напоминает о событиях русской военной истории и порицает турок, вступивших в 1768 г. в войну с Россией. *Восточное море* — Черное море. *Срацинский род*. Сарацинами называли турок. *О хищники градов святых*. Турция принадлежит Константинополь (древняя Византия), в XVIII веке она владела также Иерусалимом. *Геенский яд* — чума, вспышка которой произошла в Стамбуле в 1768 г. *Минин* — Кузьма Минин Захарьев-Сухорук (ум. 1616), один из руководителей русского народного ополчения, освободившего в 1612 г. Россию от польских интервентов. *Хотин, Бендеры, Азов* — турецкие крепости, взятые штурмом русскими войсками в войну 1736—1739 гг., но затем снова возвращенные Турции. *Фридрих* — прусский король Фридрих-Вильгельм II (1712—1786). *Александр* — царь Македонский (ум. в 323 до н. э.), известный своими завоеваниями. *Кюстрин* — Кюстрин, крепость в Пруссии, захваченная русскими войсками в 1758 г. *Варта, Одер* — реки в Польше и Германии. *Странам полночным страшный лев* — т. е. Швеция, в гербе которой находится изображение льва. Полночные страны — северные. *Агарейн род* — турки. Согласно библейской легенде, у рабыни Агари от патриарха Авраама родился сын Измаил, ставший родоначальником арабов, турок и других мусульманских народов. *Четырех наших царств отграда*. В длинном титуле русских императоров упоминалось: «Самодержец всероссийский, московский, киевский, владимирский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский». *А паче просит вас туда Народов плач, мольба, беда, Соединенных вам законом* — т. е. помощи русских войск ожидают соединенные с ними

исповеданием православной веры греки и славяне, находящиеся под властью турок. *Стоят у гроба во слезах* и т. д. Турки владели Палестиной, где, по религиозным преданиям, в Вифлееме родился и в Иерусалиме похоронен Иисус Христос.

Ода ее императорскому величеству на день высокаторжественного ее восшествия на все-российский престол, июня 28 1791 года. Впервые — отдельным изданием (М., 1791). Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 175. В заглавии было указано, что эту оду «именем Московского университета всеподданнейше подносит Михайла Херасков». Ода посвящена тридцатилетию царствования Екатерины II. Упоминается в ней и о злободневных событиях, главным из которых была русско-турецкая война 1788—1791 годов. *Эвксин* — понт Эвксинский (греч.), Черное море. *Луну попрали* — победил Турцию, герб которой украшен полумесяцем. *Очаков* — турецкая крепость, взятая русскими войсками в 1788 г. *Сей град поправшему герою* — т. е. Г. А. Потемкину, командовавшему русскими войсками в войне с Турцией. *Как внутрь нахмуренной пещеры Зияет пламенем дракон, Зияли так в стенах Бендеры* — т. е. оборона Бендер казалась неприступной, подобно тому как страшным кажется дракон, разинувший огненную пасть внутри темной пещеры. *Измаил* — турецкая крепость, была взята геройским штурмом русскими войсками под предводительством А. В. Суворова 11 декабря 1790 г. *Тех подвиги ознаменовались Крестом победы на груди* — т. е. подвиги были ознаменованы крестом военного ордена Георгия Победоносца. *Орел* — эмблема государственного герба России.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ОДЫ

Из 28 анакреонтических од, вошедших в «Творения», в настоящем сборнике печатается 10.

К своей лире. Впервые — «Новые оды», стр. 1. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 229. *Готовься ныне, лира, В простом своем уборе*. Анакреонтические оды Херасков написал без рифм, белым стихом, что он и назвал «простым убором». *Конечно ненавидит* — здесь в смысле: «ненавидит до конца». *А ты, которой ныне Стихи я посвящаю!* — Елизавета Васильевна Хераскова, жена поэта. *Овидий Назон* (I в. до н. э.) — римский поэт. *Анакреонт* (V в. до н. э.) — греческий поэт, в своих стихах воспевавший радости любви, дружбы, вино и веселье.

Истинное благополучие. Впервые — «Новые оды» стр. 23.

Искренние желания в дружбе. Впервые — «Новые оды», стр. 27. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 258. Последние три стиха в «Новых одах» читаются: «Порочных удаляйся, Негодными

ругайся, А их не опасайся». Стихи обращены к Алексею Андреевичу Ржевскому, и в подзаголовке были проставлены его инициалы. Ржевский (1737—1804) — близкий знакомый Хераскова, депутат Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, в 1771—1773 г. — вице-директор Академии наук, в 1775 г. — президент Медицинской коллегии, с 1783 г. — сенатор. Ржевский писал стихи и печатал их в журналах Сумарокова («Трудолюбивая пчела») и Хераскова («Полезное увеселение» и «Свободные часы»). *Фауны* — фавны (греч. миф.).

О важности стихотворства. Впервые — «Новые оды», стр. 32. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 264. *Девять сестр парнасских* — музыки.

Сила любви. Впервые — «Новые оды», стр. 36.

«Тебе приятны боле...». Впервые — «Новые оды», стр. 42. *Удивление* — здесь: риторические вопросы.

О разуме. Впервые — «Новые оды», стр. 47. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 281. Последняя строка — «И к богу возвышаться» — в «Новых одах» отсутствует. *Когда глубоки иски Людей приводят к счастью* — т. е. когда счастья добиваются тайным искательством, хитростью, пронырством. *Отменяться* — здесь: отличаться.

«Иные строят лиру...». Впервые — «Новые оды», стр. 53.

О злате («Кто первый был на свете...»). Впервые — «Новые оды», стр. 67.

Заключение. Впервые — «Новые оды», стр. 72. *Ни свирелью, ни трубою Действовать уже не стану*. «Свирель» обозначает здесь идиллии, эклоги, песни, анакреонтические стихотворения, а «труба» — торжественную оду.

ОДЫ НАВУЧУЧИТЕЛЬНЫЕ

Из 32 нравоучительных од, вошедших в «Творения», в настоящем сборнике печатается 11.

Благополучие. Впервые — «Философические оды», стр. 1.

Богатство. Впервые — «Философические оды», стр. 8.

Злато («Кто хочет, собирай богатства...»). Впервые — «Философические оды», стр. 10.

К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>. Впервые — «Философические оды», стр. 12. А. А. Ржевский — см. стр. 379. *Но лики велегласны Со всех сторон гремят* — т. е. гремят торжественные громкие хоры. Это выражает обстановку столичной, может быть, придворной жизни, которой Херасков противопоставлял тишину деревенского уединения.

Желания. Впервые — «Новые оды», стр. 39.

Лесть. Впервые — «Философические оды», стр. 39. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 357. *Под красными цветами* — т. е. под красивыми, прекрасными.

Знатная порода. Впервые — «Философические оды», стр. 43. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 361. *Рюрик* — полулегендарный первый русский князь, о котором говорится в летописях (IX в.). *Ярослав (978—1054)* — великий князь Киевский.

Разум. Впервые — «Философические оды», стр. 48. Печ. по «Творениям».

Красота. Впервые — «Философические оды», стр. 50.

Ничтожность. Впервые — «Философические оды», стр. 65.

К музам. Впервые — «Философические оды», стр. 70. Печ. по «Творениям», ч. 7, стр. 392. *Вергилий (70—19 до н. э.)* — римский поэт.

Э П И С Т О Л Ы

Все стихотворения этого раздела в «Творения» не вошли.

Письмо. Впервые — «Полезное увеселение», 1760, декабрь, № 21, стр. 194. Это стихотворное обращение Хераскова к поэтам развивает мысли, положенные в основу «Двух эпистол» А. П. Сумарокова, с которыми он был полностью согласен. Характерно настойчивое требование Хераскова «чистить» ум, «прочистить» мысль, т. е. добиваться полной ясности слога, освобождения от всех лишних, пусть и выразительных, деталей и подробностей. В качестве образца для подражания молодым поэтам он указывает на творчество Сумарокова и Ломоносова.

К сатирической музе. Впервые — «Полезное увеселение», 1760, февраль, № 8, стр. 89. *Депро* — Буало-Депрео (1636—1711), французский поэт, теоретик классицизма, автор острых сатир. *Плавт (254—184 до н. э.)* — римский драматург, автор сатирических комедий. *Диоген (ок. 404—323 до н. э.)* — греческий философ школы киников, высшей нравственной задачей считавший по-

давление человеческих страстей и сведение к минимуму всех потребностей. В связи с этим Диоген выражал полное пренебрежение к культуре. *Тимон* (V в. до н. э.) — афинянин, тип человеконенавистника. Сожалея о падении людских нравов, он удалился от общества и жил в одиночестве. *Тамерлан-Тимур* (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель.

О клеветнике. Впервые — «Полезное увеселение», 1760, март, № 10, стр. 107. В стихотворении полно и подробно развивается тема порицания клеветников, весьма характерная для журнала «Полезное увеселение», о чем см. во вступительной статье.

К Евтерпе. Впервые — «Свободные часы», 1763, стр. 593.

СОНЕТЫ

Стихотворения этого раздела в «Творения» не вошли.

Сонет и эпитафия («Я век свой по свету за пищу скитался...»). Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 166. Это одно из первых трех стихотворений Хераскова, появившихся в журнале и вообще в периодической печати.

«Коль буду в жизни я наказан нищетою...». Впервые — «Полезное увеселение», 1760, июль, № 2, стр. 17.

СТАНСЫ

«Только явятся...». Впервые — «Полезное увеселение», 1761, июнь, № 22, стр. 186.

«Всяк на свете сем хлопочет...». Впервые — «Полезное увеселение», 1762, февраль, стр. 94. Как ходили под Дербент. Русские войска во время Каспийского похода Петра I в 1722 г. овладели городом Дербент (ныне Махач-Кала), о чем были сложены песни.

БАСНИ

Стихотворения этого раздела в «Творения» не вошли.

Сорока в чужих перьях. Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1756, июнь, стр. 565. Переложение басни Эзопа «Галка в чужих перьях» или Федра «Гордая Галка и Павлин».

Вдова в суде. Впервые — «Полезное увеселение», 1760, июль, № 2, стр. 15. *Без фонаря она, ей то в вину причли*. В темное время прохожие на улицах обязаны были иметь при себе фонари, ибо освещение отсутствовало.

Два покойника. Впервые — «Полезное увеселение», 1760, октябрь, № 17, стр. 167. *Момс* — момс.

Дровосек. Впервые — «Свободные часы», 1763, февраль, стр. 89.

Источник и Ручей. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 5.

Две Щепки. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 6.

Две Собаки. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 7.

Человек и Хомяк. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 13.

Фонтанна и Речка. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 19.

Верблюд и Слон. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 24.

Котел, Собака, две Кошки. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 25.

Комар. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 40. Родственная по содержанию басня А. А. Ржевского «Сверчок и Клеветник» была напечатана в журнале «Полезное увеселение», 1761, декабрь, № 24, стр. 232.

Порох и Водка. Впервые — «Нравоучительные басни», стр. 57. *Родитель твой исчез*. Имеется в виду Бертольд Шварц, считающийся изобретателем пороха (XIV в.).

ЭПИГРАММЫ

Все входящие в этот раздел эпиграммы в «Творения» не вошли.

«Кто более себя в опасности ввергает?..». Впервые — «Полезное увеселение», 1760, июнь, № 22, стр. 230.

На кривотолков. Впервые — «Полезное увеселение», 1761, июнь, № 22, стр. 192.

«Картежник говорит: „Я в карты век играю...“». Впервые — «Свободные часы», 1763, апрель, стр. 251.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Все стихотворения этого раздела в «Творения» не вошли.

Ода («Где слышишь страшный шум Борей...»). Впервые — «Полезное увеселение», 1760, март, № 10, стр. 111. *Возмущен* — здесь: приведен в смятение.

Злато («Злато прельщает...»). Впервые — «Полезное увеселение», 1760, апрель, № 16, стр. 161.

«Не пышною славой...». Впервые — «Полезное увеселение», 1761, август, № 8, стр. 72, в качестве второго стихотворения цикла «Прибаски».

Песенка. Впервые — «Свободные часы», 1763, апрель, стр. 252.

Ответ на песенку. Впервые — «Свободные часы», 1763, апрель, стр. 252.

Пастушка. Впервые — «Свободные часы», 1763, февраль, стр. 92.

Комета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками. Впервые — «Собеседник», 1783, ч. 1, стр. 54. *Медина* — священный город мусульман. *Махомет* — Магомет (571—632), основатель магометанской религии. *Хотин* — см. стр. 377.

Апрель. Впервые — «Собеседник», 1783, ч. 1, стр. 58.

Птичка. Впервые — «Аониды», 1796, ч. 1, стр. 83.

Ответ на вопрос. Впервые — «Аониды», 1796, ч. 1, стр. 82.

Прошедшее. Впервые — «Вестник Европы», 1806, ч. 26, март, № 6, стр. 104.

ПОЭМЫ

Чесмесский бой

Впервые — отдельным изданием (СПб., 1771). Печ. по «Творениям», ч. 3, стр. 93. Есть переводы на французский (СПб., 1772) и немецкий (СПб., 1773) языки. Готовя издание своих «Творений» уже в царствование Павла I, как известно, ненавидевшего свою мать и ее фаворитов, Херасков попытался ослабить в тексте лест-

ные оценки братьев Орловых, хотя целиком устранить их не мог, не уничтожив самой поэмы. Так он снял, например, существовавший в отдельном издании конец V песни:

И всем обязаны Екатерине мы;
 Она всеобщее блаженство нам устроит —
 Войну искоренит, народы успокоит.
 А ты, которому я песни посвятил,
 Орлов, которого глубоко в сердце чтил!
 и т. д.

В русско-турецкую войну 1768—1774 гг. правительство Екатерины II, желая подкрепить действия своих сухопутных войск, выступило и на военно-морском театре. В Эгейское море, находящееся между Малой Азией и Грецией и изобилующее многочисленными островами (Архипелаг), был направлен русский военный флот под командованием Алексея Григорьевича Орлова (1737—1808), брата фаворита императрицы Григория Орлова. Перед ним была поставлена задача — сковать и разгромить военно-морские силы Турции и блокировать с моря подступы к Константинополю, чтобы затруднить снабжение турецкой столицы. В июне—июле 1770 г. командующий сухопутными армиями П. А. Румянцев (1725—1796) развернул успешные наступательные операции и одержал одну за другой три победы над турками при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, нанеся им огромные потери. Одновременно русский флот в Архипелаге 26 июня 1770 г. уничтожил в Чесменской бухте сильнейшую турецкую эскадру. Этой славной битве и посвящена поэма Хераскова.

Песнь I. *Пою морскую брань* — т. е. военно-морское сражение, войну. *Что может всё воспеть, кто пел Екатерину*. Херасков имеет в виду оды, которые он посвящал Екатерине II. *Но страждет Греция, там крови реки льются*. Греция находилась под турецким владычеством. *Ликург* — легендарный древнегреческий законодатель. *Евфратских жителей оружия молчат*. Население бассейна р. Евфрат, т. е. территории нынешнего Ирака и Сирийского района Объединенной Арабской республики, в XVIII в. состояло под властью турецкого султана. *Ахейский славный град* — Афины, столица Греции. *Для варварской души в злодействах нет посредства*. В своих злодеяниях варвары турки не могут остановиться на середине, их жестокость не знает границ. *Обресков прав своих и вольности лишен*. Русский посол в Турции Алексей Михайлович Обресков (1720—1787) в ноябре 1768 г. был арестован и заключен в Семибашенный замок, что послужило одним из поводов к войне. *Россия двинулась и злобу удержала*. В 1768 г. Россия вступила в войну с Турцией. *Лилеи бы сплелись с кровавою луною*. В этой войне Франция поддерживала Турцию. Лилеи — три лилии, изображавшиеся в гербе французских королей. *Марсовы поля* — поля сражений. *Но враг, расшвиревев, на пагубу течет* — т. е. движется, стремится к войне. *Моря* — южная часть Греции,

в древности — Пелопоннес. Название произошло в XIII в. от слова «море» и было дано славянами, переселившимися в Грецию. *Из флота малого другой рождает флот.* В отдельном издании Херасков снабдил эту строку примечанием: «Российский флот имел с собою легкие суда, которые в Средиземном море выпустили на воду». *На Сейне тщетные преграды им творят, Полночные орлы уже к Луне парят.* Сейна — Сена, река, на которой стоит Париж, обозначает Францию, оказывавшую в войне 1768—1774 гг. поддержку Турции — безуспешную вследствие побед русского оружия. Полночные орлы — северные, т. е. русские войска. Луна — Турция. *Махометов знак* — полумесяц, эмблема Турции. *Полуденна страна* — южная, также обозначение Турции. *Выходят новые Тезеи, Сципионы.* Тезей — мифический герой древней Греции. Сципион (ум. ок. 183 до н. э.) — полководец древнего Рима. С ними сравнивает поэт русских военачальников. В отдельном издании вместо этих имен стояли имена французских рыцарей XVI—XVII вв. Баярда и Крильона, чья храбрость была общеизвестна. В «Творениях» Херасков заменил их на героев древности, не желая, видимо, называть в качестве образцов представителей той страны, которая уничтожила монархию. *И лавры отдает лакедемонцам новым.* В древней Греции обитатели области Лакония, где главным городом была Спарта, славились мужеством и воинской доблестью. Иначе говоря, поэт называет русских матросов и солдат «новыми спартанцами». *Спиридов* Григорий Андреевич (1713—1790) — адмирал, первый флагман русской эскадры, действовавшей в Архипелаге.

Песнь II. *Живот свой полагали* — отдавали жизнь. *Феодор, красотой и младостью цветущий* — Орлов Федор Григорьевич (1741—1796), брат командующего, плавал на корабле «Святой Евстафий Плакида». *Фемису огорчил ты, храм ее оставя.* Перед походом Федор Орлов числился на службе в Сенате, высшем судебно-юридическом учреждении России. *Козловский* — кн. Федор Алексеевич (убит 24 июня 1770 в сражении при Чесме), офицер русского флота, поэт и переводчик. *На легком корабле Орлов «Трех иерархов».* Командующий Алексей Орлов держал свой флаг на линейном корабле «Три иерарха». *Грегг Самуил Карлович* (1736—1788) — шотландский моряк, перешедший в русскую службу, впоследствии адмирал. *Долгорукой, Круз* (Крюйс) — русские морские офицеры. *Мильтиад* — древнегреческий полководец, победивший персов в битве при Маратоне (V в. до н. э.). *Вздремавши греки внемлют, текут против срацин.* Появление русского флота в водах Архипелага активизировало борьбу греков с турками за национальную независимость. *Аргонаты* (аргонавты) — герои одного из греческих мифов, плававшие во главе с Язоном на корабле «Арго». *Смутные морейские развраты.* Десант под командой поручика Баркова, высаженный в Морее, получил некоторую поддержку со стороны греков, которые, однако, занялись разбоями и грабежами и оказались неспособными к выполнению боевых задач.

Песнь III. *Слетаются они с Луной в струях Хиисских.* Русский флот встретился с турецким у острова Хиос. *Что паки вышел Ксеркс на древние Афины.* Поход персидского царя Ксеркса против греков (V в. до н. э.) окончился его поражением. *Минерва сей корабль эгидом покрывает* — т. е. берет под свое покровительство, под защиту. *Таков был Александр, когда он через стену Один перескочил к индейцам в Малиену.* Штурмуя во главе своего войска в 326 г. до н. э. индийский город Малиену, Александр Македонский первым преодолел крепостную стену.

Песнь IV. *С крылатою главой посланник от богов — Гермес* (греч. миф.) *Представь на воздухе, в огне и в понте Круза.* А. И. Крюйс, командир «Св. Евстафия», и офицер С. И. Плещеев в момент взрыва корабля были выброшены в море и затем подобраны русской шлюпкой. *Тогда, вообразив событность толь чудесну* — т. е. чудесное происшествие. *Что перстня у себя не обретает он.* А. Г. Орлов потерял перстень с портретом Екатерины II, узнав о чем, она немедленно прислала ему новый. *Теченье косо в мир блистательного Феба.* Медленно восходит солнце, наступает рассвет.

Песнь V. *Разрушить гордые ограды Илиона* и т. д. Херасков коротко напоминает события, изложенные в «Илиаде», сравнивая разрушение Трои с разгромом турецкого флота. *Трою истребить хотящая вконец.* Богиня Гера, обиженная тем, что троянский юноша Парис, судивший спор трех богинь об их красоте, отдал предпочтение не ей, а Афродите, — помогала ахейцам (грекам) в осаде Трои. *И храбрый Гектор пал.* Гектор, старший сын троянского царя Приама, был убит Ахиллесом под стенами города. *И стены рушились, взведенны Аполлоном.* Когда Аполлон по повелению богов нес службу у царя Трои Лаомедонта, он выстроил вокруг города неприступную стену. *Брандер* — зажигательное судно. *Дугдал, Ильин* — морские офицеры, командовавшие двумя из четырех брандеров, участвовавших в Чесменском бою. *Клокачев* — командир линейного корабля «Европа», он первым открыл огонь по турецким кораблям в Чесменской бухте с ближней дистанции. *Противу христиан подвиглось мщенье вновь.* После поражения под Чесмой в Смирне произошел антигреческий погром. *Таких в России зрим мы Сципионов новых.* Римский полководец Сципион, воюя с карфагенянами, избегал излишнего кровопролития и щадил побежденных. *Наш флот вооружить кто первый дал совет.* Речь идет об А. Г. Орлове. *С Румянцевым гремят геройски имена.* Петр Александрович Румянцев в 1770 г. командовал сухопутной армией, сражавшейся против турок. *Рассыпанны Бендеры.* Турецкая крепость Бендеры была взята в 1770 г. русскими войсками под командованием гр. П. И. Панина (1721—1789). *София* — христианский собор в Стамбуле, превращенный турками в мечеть. *Мекка* — священный город магометан. *Ложная гробница* — могила Магомета. *Накс* — Наксос, остров в Эгейском море. *Во греческих*

церквах без дани и без платы. Молящиеся в христианских церквах платили турецкому султану особую подать. *Бессмертно питье отправит Хио к нам.* В Россию станут поступать вина с острова Хиос. *Офит* — название камня.

Россиада

Впервые — отдельным изданием (М., 1779). С исправлениями — М., 1787. Печ. по «Творениям», ч. 1, стр. 1. Над «Россиадой» Херасков трудился более семи лет, начав ее в Москве в 1771 г. и закончив в Петербурге (Письмо Е. В. Херасковой Д. И. Хвостову. — «Русская старина», 1890, июнь, стр. 673—674).

Историческое предисловие. *Великий князь Владимир* — великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125). *Царь Иоанн Васильевич первый*. Так Херасков называет великого князя московского Ивана III Васильевича (1440—1505). *Иоанн Васильевич второй* — Иван IV Васильевич, прозванный Грозным. *Анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 году*. Анекдот — здесь короткий рассказ об историческом случае. Директором казанской гимназии, подчинявшейся Московскому университету, с 1764 г. был Ю. И. Каниц (ум. 1781 г.). Ему принадлежит первый по времени разбор «Россиады», напечатанный сначала на немецком языке в «Рижском журнале», затем в переводе на русский опубликованный в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1779, август). В связи с этим И. И. Дмитриев писал: «Когда Херасков издал «Россиаду», общество Новикова, состоявшее большею частью из друзей — почитателей первенствующего тогда поэта, вознамерилося написать разбор его поэмы, разумеется, выставить ее лучшую сторону. И что же? Избранные им сочинители неоднократно собирались в дом Новикова. Писали, чертили, переправляли и наконец при всем своем усердии сознались в своем бессилии и представили этот труд совершить немцу, директору казанской гимназии» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. — Сочинения под ред. А. Флоридова, т. 2. СПб., 1893, стр. 59). Современная Хераскову критика не решалась взяться за оценку его произведений. Так, после выхода в 1787 г. «Эпических творений» Хераскова Ф. И. Туманский писал: «Творения господина Хераскова признаны от всех знающих драгоценными произведениями... Рассуждение о его сочинениях было бы здесь не у места, и я считаю себя гораздо слабым, чтобы дерзнуть на суждение изящного. Итак, изъясляю токмо публике содержание оных...» («Зеркало света», 1787, № 82, стр. 495).

Взгляд на эпические поэмы. В этом втором, как бы историко-литературном предисловии к «Россиаде», появившемся в третьем издании поэмы, Херасков устанавливает отношение «Россиады» к наиболее известным образцам жанра и ближайшим для

себя признает «Генриаду» Вольтера. Однако Херасков недостаточно подчеркнул то значение, которое имела для его работы героическая поэма Ломоносова «Петр Великий» (1760—1761). Несмотря на то, что она была незакончена — написаны только первые две песни, — произведение Ломоносова открыло путь русской героической поэме и оказало свое полезное влияние на Хераскова (см. А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII — первой половины XIX века. М., 1955, стр. 154 и сл.). *Вергилий* — см. стр. 380. *Генрих III* (1551—1588) — герцог Анжуйский, затем король Франции, — последний из династии Валуа. *Генрих IV* (1553—1610) — французский король, занявший престол после Генриха III, герой поэмы Вольтера «Генриада». *Тассов «Иерусалим»* — поэма Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим». *Армида, Ренод* — главные действующие лица в поэме. «*Лузиада*» *Камознсова* — поэма Луи де Камознса «Лузиады» (1525—1580), прославлявшая португальского мореплавателя Васко да Гама и его географические открытия. «*Фарзалия*» *Лукунова*. Марк Анней Лукан (38—65) — римский эпический поэт, автор незаконченной поэмы в десяти книгах «Фарзалия», темой которой является борьба за власть между Юлием Цезарем и Помпеем в I в. до н. э. Лукан очень подробно и хронологически верно излагает различные перипетии этой борьбы, и его поэма имеет значение исторического источника. *Газеты* — здесь: определение хроникального характера поэмы Лукана, как бы передающей подневную запись фактов. *Томас* — Антуан Тома (1732—1785), французский писатель, автор похвальных слов и поэм, в числе которых есть отрывки из «Петриады», написанной в честь Петра I.

Песнь I. *Пою от варваров Россию свободенну*. Согласно поэтическому кодексу классицизма, первые строки поэмы формулировали ее тему и назывались «предложением». Обязательным было также обращение поэта к музе с просьбой о вдохновении и помощи в трудах, что делает Херасков во втором абзаце, призывая к себе «стихотворенья дух». *Еще восточную России древней часть Заволжских наглых орд обременяла власть*. Казанское царство татар, о борьбе с которым идет речь в поэме, занимало в XVI в. среднее течение Волги от пределов нынешней Горьковской области до границ Астраханской. Оно расположилось на территории государства болгар (болгар), народа тюркского происхождения, обитавшего на Волге и Каме, о чем достоверные известия начинаются с X в. Татары, пришедшие в эти края в XIII в., подчинили себе государство болгар, и оно стало частью Кипчакской орды. В самом конце XIV в. один из ханов Золотой орды, Магмет, изгнанный отсюда своими противниками в борьбе за власть, обосновался в бывшей Булгарии, построил город Казань и положил основание Казанскому царству. Последующие правители Казанского царства вели более или менее самостоятельную политику по отношению к Золотой орде и являлись весьма беспокойным внешним соседом России. Ликвидация царства татар стала в XVI в. одной из насущных задач Русского государства, и

после нескольких неудачных попыток Иван IV в 1552 г. успешно решил ее, взяв приступом Казань и захватив в плен царя Едигера и виднейших казанских вельмож. *Батый* (ум. 1255) — татарский хан, сын Чингис-хана. В 1237—1240 гг., находясь во главе татарских войск, после кровопролитных боев завладел многими княжествами и основал в низовьях Волги татарское государство Золотую орду со столицей Сарай. Херасков ошибочно приписывает Батыю сооружение Казани. *Сумбека* — Сююнбека, дочь ногайского мурзы Юсуфа, жена казанского царя Еналея (в 1530-е годы), а после его смерти — ставшая женой царя Сафгирея, мать Утемиш-гирея, провозглашенного в 1549 г., по смерти отца, казанским царем, в возрасте около двух лет. Во время осады Казани Сююнбека с сыном перешла к русским, и оборону города возглавлял царь Едигер. *Этна* — огнедышащий вулкан в Сицилии. *Противу злых вельмож мятежники восстали*. В годы юности Ивана IV за влияние на него и за власть в стране боролись боярские группировки. После сильнейшего пожара в Москве, в июне 1547 г. боярам Захарьину, Нагому, Ф. Скопину-Шуйскому и др. удалось обвинить в поджогах приближенных к царю бояр Глинских и организовать против них народное возмущение. Юрия Глинского убили, его брат Михаил пытался бежать в Литву, был пойман, некоторое время содержался под арестом, а затем получил прощение. *Олег, Георгий* — русские князья, убитые Батыем. *Феоногост* (ум. 1353) — митрополит Киевский, потерпевший истязания в Орде в 1342 г. *Твой предок Александр* — князь Александр Тверской (1301—1339) был убит в Орде татарами, причем немалую долю ответственности за его смерть несет московский князь Иван Калита, стремившийся подчинить Москве Тверское княжество. *К себе Адашева привезть*. Адашев Алексей Федорович (ум. 1560) — приближенный Ивана IV, человек незнатного происхождения, получивший в 1547 г. придворную должность окольного. Ряд лет Адашев пользовался большим и благотворным влиянием на Ивана IV, и это влияние он делил с московским священником Сильвестром. Адашев вел активную дипломатическую деятельность. *Как ангел, явльшийся Израилю в ночи*. По библейским легендам, еврейскому вождю Моисею перед исходом из Египта явился ангел в пылающем огне, вслед за тем бог возвестил, что, видя страдания еврейского народа, он выведет его в землю обетованную. *Руно* — здесь: христианский символ, обозначающий «божью благодать». *Угодник Сергей ту обитель основал*. Речь идет о Троице-Сергиевой лавре в б. Троице-Сергиевом посаде (ныне гор. Загорск Московской области). *И богу там алтарь триличному поставил*. Согласно догматам православной церкви, бог имеет три лица — отца, сына и святого духа. *Святослав Игоревич* (947—972) — великий князь Киевский, известен как опытный военачальник и храбрый воин, отличившийся крайне неприхотливым образом жизни. *Владимир Святославич* (ум. 1015) — великий князь Киевский, в чье правление Русь приняла христианство (988). *Ярослав Владимирович*, по прозванию Мудрый (978—1054) — с 1019 г. великий князь Киевский, достигший больших успехов в упрочении

нии международного авторитета Киевской Руси, в ее культуре, просвещении и пр. *Донской* — князь Дмитрий Иванович по прозвищу Донской (1350—1389), «великий князь всея Руси», одержавший в 1380 г. на Куликовом поле блестящую победу над войсками татарского хана Мамая. *Невский* — князь Александр Ярославич, по прозвищу Невский (1220—1263), победитель шведов (1240) и немецких рыцарей (1242), пытавшихся овладеть Новгородом и Псковом. *Лик... Иоанна, царской первого короною венчанна*. Великий князь Московский Иван III принял титул «государя всея Руси». *Троянску отрасль в нем и Августову зрю*. Согласно легендарной генеалогии, московские князья вели свой род через Рюрика от первого римского императора Августа Гая Юлия Цезаря Октавиана (63 до н. э. — 14 н. э.). *Ольга* — русская княгиня, принявшая христианство. В летописи говорится о том, что, мстя за убийство мужа, князя Игоря Рюриковича, в 946 г. она сожгла древлянский город *Искорест* («Искоростень, Коростень, ныне г. Овруч, Житомирской обл.). *Струи прешедый чермных вод*. По библейскому сказанию, евреи, спасаясь от египетского рабства, перешли через расступившиеся перед ними воды Чермного, т. е. Красного моря (между Африкой и полуостровом Аравия).

Песнь X. Где прежде кровь лилась, там малый Тибр течет. Казань после присоединения к России расцвела наподобие славного Рима (речка Казанка стала как бы «малым Тибром») — города, расположенного на реке Тибр. *Гирей* — друг свергнутого казанского царя Алея, сторонника России. *Сафгирей* — муж Сююмбеки (Сумбеки), казанский царь (ум. 1549). *Алей* — казанский царь, ставленник России, подозреваемый татарами в измене и бежавший в лагерь русских войск. *Закон* — здесь: вера. *Катон* (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель, борющийся против порчи нравов римского общества. *Едигер* — астраханский царевич. Прибыв в Казань перед походом русских войск, он возглавил оборону города и позже был захвачен в плен. *Асталон* — татарский богатырь, претендент на руку царицы Сумбеки. *Священна есть для вас моя услуга* — т. е. помощь вам — мой священный долг. *Шемякин строевым повелевал челом* — т. е. командовал передовым отрядом, авангардом. *Троекуров нес и молнии, и гром* — т. е. начальствовал над артиллерией. *Розмысл* — инженер (слав.). Так назывались в России XVI—XVII вв. специалисты по фортификации и по изготовлению артиллерийских орудий. Слово «инженер» было введено при Петре I в начале XVIII в. Херасков, как пишет он в подстрочном примечании, «остался в нерешимости», не является ли «розмысл» собственным именем. В настоящее время известно, что во взятии Казани участвовал розмысл Иван Выродков, отличный знаток строительства и разрушения крепостей. Он руководил подкопом и взрывом казанской стены и всем вообще инженерным обеспечением казанской осады. *Недальное градое соседственных стоянье Далеким сделало всеместно препинанье*. Населенные пункты, окружающие Казань, повсеместно препятствовали движению русских войск. *Казанка* —

приток Волги, на котором стоит Казань. *Булак* — так назывался проток, соединяющий озеро Нижний Кабан с рекой Казанкой и впадавший в нее близ крепости (кремля). *Кабан* — общее название трех соединенных между собою озер в Казани (Нижний, Средний и Верхний Кабан). *Арское поле* — местность, расположенная на северо-восточной окраине Казани. *Усопший дед* — царь Иван III. *У крымских черных вод* — у Черного моря. *Кольцы* — здель кольчуга, защитная одежда воина.

Песнь XII. *Подобен с ветрами плывущу Одиссею*. Повелитель ветров Эол, у которого побывал Одиссей, подарил ему мех, который в пути развязали неосторожные спутники героя. Вырвавшиеся на волю могучие ветры подняли на море бурю. *Вступивше солнце в знак Весов*. Весы — седьмое из двенадцати созвездий зодиака, куда солнце вступает 11 сентября (начало осени). *Часть животворяща древа* — т. е. креста, на котором, по религиозному преданию, был распят Иисус Христос. *Так басни брань богов изображают нам, Когда Олимп отмщал их злость земным сынам*. Земные сыны (греч. миф.) — титаны, дети Урана и богини Земли — Геи. С ними вступили в борьбу олимпийские боги и после победы низвергли их в Тартар, в вековечную тьму. *В стройном чине* — строгом порядке. *Ветхий закон* — Ветхий завет, часть Библии, в которой содержится описанный Моисеем и пророками «божий завет» и излагается легендарная история еврейского народа. *Ерихон* — Иерихон, укрепленный город в древней Палестине, который подвергся нападению евреев при их вступлении в землю обетованную после исхода из Египта. Стены Иерихона пали от звуков священных труб, обычные средства осады оказались против них бессильными. *Он скрылся в истукан*. В VI песне «Россиады» Херасков описывает якобы стоявшую в Казани на царском дворе огромную статую, изображавшую Казань, внутрь которой был проведен тайный ход. Татарские волхвы пророчествовали, что, пока этот истукан остается невредимым, Казани обеспечено благополучие. *Поразил во брани Амалика*. По библейской легенде, во время сражения евреев с амаликитянами еврейский вождь Моисей (пророк) непрерывно молился, поднимая руки к небу, и бог даровал ему победу над Амаликом. *Тезицкий ров* — глубокий овраг, отделявший с северо-востока гору, на которой стояла Казанская крепость (позже — Казанский кремль), от остального города. Название происходит от испорченного арабского слова, обозначающего «купец». *Ахиллес гремящ у врат Скиисских*. Герой поэмы Гомера «Илиада» Ахилл преследовал побежденных им троянцев до Скейских ворот в стене Трои, и ворвался бы в город, если бы его не остановил бог Аполлон. *Сбойливые ворота* — были расположены в восточной стене Казани со стороны Тезицкого оврага. *Сабинки древние* — по легенде, первые римляне добыли себе жен, насильно захватив женщин из племени сабинов, однако, когда сабиняне явились требовать их у римлян, то застали женщин совершенно примирившимися со своим новым положением. *Клокочущий в полях воздушных шар* — шаровая молния.

Бахариана, или Неизвестный. Вступление

Впервые — отдельным изданием (М., 1803). Характеристику поэмы см. во вступительной статье. *Пел войну мышей с лягушками*. В XVIII в. Гомеру приписывалась пародия на героическую поэму «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия»), что неверно, так как сама поэма относится к более позднему времени (конец VI — начало V в. до н. э.). *После «Генриады» славимой «Орлеанку» сочинил Вольтер*. Героическая поэма французского писателя Вольтера «Генриада» была напечатана в 1723 г., а сатирическая поэма-пародия «Орлеанская девственница» — в 1755 г. *Платон (427—347 до н. э.)* — древнегреческий философ-идеалист. *Анахарзис* — скиф, в V в. до н. э. посетивший Грецию, герой романа французского писателя Бартеlemi «Путешествие Анахарзиса по Греции», в котором воссоздана широкая картина семейной и общественной жизни древних греков. *Локк Джон (1623—1704)* — английский философ-сенсуалист. *Тиссот (1728—1797)* — французский врач. *Священная книга* — Библия. *Гарпагон* — герой комедии Мольера (1622—1673) «Скупой» (1668). «*О врачу, врачу! целися сам!*» — евангельское изречение, означающее: «прежде чем осуждать недостатки других людей, исправь свои собственные». *Катон* — см. стр. 390. *Сенека (ум. 65)* — римский философ-стоик, политический деятель и драматург. *Платонова республика* — идеальное государство по представлениям Платона (см. выше), которым правят философы и где существует четкое разделение обязанностей между сословиями, т. е. кастовый строй. *Недопетый Илья Муромец* — поэма Н. М. Карамзина (1795), оставленная автором после опубликования первой песни. *Пела я троян с Вергилием; Превращения с Овидием*. Имеются в виду поэма Вергилия «Энеида» и «Метаморфозы» Овидия Назона (I в. до н. э.). *Тасс* — см. стр. 388. *Ариост* — Лодовико Ариосто (1474—1533), итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд», оказавшей значительное влияние на творчество Хераскова.

ТРАГЕДИИ

Венецианская монахиня

Впервые — отдельным изданием (М., 1758). Печ. по «Творениям», ч. 4, стр. 1.

Действие I. Явление 2. *Когда я для любви всевышнему предаю* — т. е. изменю монашескому обету, предаю бога. *Да пренебрегшия смешать свой с ними прах, Он ветрами носим был в поле и в волнах*, т. е. чтобы прах той, которая не захотела быть похороненной вместе с родителями, был развеян ветрами. *Хоть с нашими речми различен сей свидетель* — т. е. хоть «сей свидетель», бог, имеет другие взгляды, отличающиеся от тех, которые

мы высказываем в этой беседе. *Колико беден* — как несчастен. *Упорным чувствам души своей казаться* — т. е. сопротивляться своим чувствам. *Всходящим святости отселе на степени* — т. е. монахиням, поднимающимся по ступеням святости над грешным миром. Явление 3. *Ты есть источница мучения и плача*. Слово «источница», обращенное к женщине, вместо «источник», представляет собой своеобразный неологизм Хераскова.

Действие II. Явление 1. *Вот кая* — вот такая. Явление 2. *Из виду правила достоинства гублю*. По видимости я преступаю правила достоинства. *Невольник твой — злодей! однако честен сын* — т. е. хотя обстоятельства свидетельствуют против приведенного к тебе арестанта, твой сын остается честным. *Хотя ж злодея ты меня быть ныне мнишь*. Хотя ныне ты меня считаешь злодеем. *Дщери божии* — монахини.

Действие III. Явление 2. *Сан ангельский* — монашеский. *О ведомость ужасна* — ужасное известие. Явление 5. *Который дал свободу, тому я вашу страсть изображу народу*. Я изображаю вашу страсть народу, который освободил тебя.

Освобожденная Москва

Впервые — отдельным изданием (М., 1798). Печ. по «Творениям», ч. 5, стр. 166. Представлена в Москве на Петровском театре 18 января 1798 г. В этом спектакле роли исполняли: князя Димитрия — Шушерин, князя Руксалона — Сахаров, князя Пожарского — Плавильщиков, Леона — Украсов, Минина — Померанцев, Вянько — Жебелев, Софии — Сахарова, Парфения — Украсова и т. д. Трагедия была возобновлена в годы войны с Наполеоном I и ставилась в Петербурге 29 декабря 1806 г. (П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 173).

Действие I. Явление 1. *Литва*. Литовские земли входили в состав Польского королевства и название «Литва» нередко служило для русских писателей синонимом Польши. *Филарет* — московский митрополит, в миру Федор Никитич Романов, отец будущего царя Михаила Федоровича. *Владислав* — польский король (1595—1648), впоследствии польский король, в 1610 г. был приглашен группой московских бояр-изменников, собравшихся в Тушине, занять русский престол. Борьба русского народа за национальную независимость привела к освобождению Москвы от занявших ее поляков, ликвидации правительства Владислава и изгнанию интервентов. *Когда Литве царя Василия вручили*. Царь Василий Шуйский был в июле 1610 г. свергнут с престола, пострижен в монахи и затем отвезен в Польшу. *Пожарский Дмитрий Михайлович (1578?—1642?)* — выдающийся русский полководец и политический деятель, возглавивший вместе с Мининым борьбу против польско-шведской интервенции. При создании на-

родного ополчения в Нижнем Новгороде был избран военным руководителем. В результате успешно предпринятых им боевых действий Москва 22—24 августа 1612 г. была освобождена от польских интервентов. *Полвойска убыло, Заруцкий убежал*. Заруцкий начальствовал над казаками, которые составляли примерно половину русских войск, стоявших под Москвой. Узнав о приближении отрядов Пожарского, Заруцкий с казаками ушел в Коломну и не участвовал в освобождении Москвы. Явление 2. *С отважным Понтусом поборствуют нам шведы*. Якоб Понтус Делагарди (1583—1652) — шведский генерал, участник иностранной интервенции в Россию в XVII в. Посланный в Москву Карлом IX якобы для помощи Василию Шуйскому, он заключил перемирие с поляками, а в 1611 г. выступил против русских и захватил Новгород, откуда был изгнан в 1617 г. Явление 4. *Минин — Кузьма Минич Захарьев-Сухорук* (ум. 1616) — нижегородский посадский человек, торговец мясом, земский староста, один из главных организаторов и руководителей борьбы за национальную независимость Русского государства в начале XVII в. Явление 6. *Что дал вам Сигисмунд для ваших выгод сына*. Сигисмунд Ваза (1566—1632) — польский и шведский (до 1589) король, отец Владислава, возглавлявший в 1604—1618 гг. интервенцию против Русского государства.

Действие III. Явление 4. *Ни веры не лишат, ни древних царство прав*. София говорит, что поляки, утвердившись в России, избавят страну от бед, не лишив Русское царство православной веры и древних прав. *Пройди всю жизнь мою, и думай обвинять*. Рассмотрю всю мою жизнь, и подумаю, прежде чем выдвигать незаслуженные обвинения. Явление 5. *Нельзя присваивать начальства, ни слагать, К чему присудит бог, народ и царь избрать*. Нельзя ни присваивать власти, ни отнимать ее у тех, кому она присуждена богом и царем. Явление 6. *Во подозрениях по видам став основан, Я в плен его схватил* — я схватил его в плен, потому что вид его показался мне подозрительным.

Действие IV. Явление 3. *Вы к нам Отрепьева прислали на престол*. Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) с помощью поляков овладел русским престолом и царствовал в 1605-1606 гг. Явление 5. *Какая искренность в ней дерзость возбудила* — т. е. каковы истинные причины ее дерзости?

Действие V. Явление 1. *Острог — частокол, земляной вал для укрепления города*. Явление 2. *Сагайдашный — Сагайдачный* Петр Кононович (ум. 1622), реакционный украинский политический деятель, гетман Запорожской сечи, защитник польского господства на Украине.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

- Аврора* (римск.) — богиня утренней зари.
- Агамемнон* (греч.) — аргосский царь, предводитель греков в Троянской войне.
- Амфион* (греч.) — сын Зевса. музыкант. Под звуки его инструмента, когда он играл при постройке города Фивы, камни сами складывались в стены.
- Андромеда* (греч.) — дочь царя Кефея и Кассиопей, которую Персей спас от морского чудовища и затем женился на ней.
- Аполлон* (греч.) — бог солнца и света, покровитель искусств.
- Астрея* (греч.) — богиня справедливости.
- Атриды* (греч.) — дети царя Атрея Агамемнон и Менелай, герои поэмы Гомера «Илиада».
- Ахилл* (греч.) — герой Троянской войны.
- Беллона* (римск.) — богиня войны.
- Борей* (греч.) — божество северного ветра.
- Венера* (римск.) — богиня любви и красоты.
- Гектор* (греч.) — троянский герой, сын царя Приама, мужественный защитник города, убитый Ахиллом.
- Геликон* (греч.) — гора, служившая обиталищем Аполлона и муз.
- Геракл, Геркулес* (греч.) — древнегреческий богатырь.
- Гермес* (греч.) — вестник олимпийских богов, глашатай Зевса.
- Горгона* (греч.) — чудовище. Смотрящие на нее обращались в камень.
- Грации* (греч.) — Аглая, Талия, Евфросина, богини прелести и красоты, дочери Зевса и Геры, спутницы Афродиты.
- Дафна* (греч.) — нимфа, пожелавшая изменить свой образ, чтобы спастись от преследования бога Аполлона, и превращенная в лавровое дерево.
- Диана* (римск.) — богиня охоты.

- Дидона* (римск.) — царица Карфагена, у которой нашел временный приют Эней, спасшийся после разрушения Трои. Дидона влюбилась в него и после отъезда героя лишила себя жизни.
- Дриады* (греч.) — нимфы леса.
- Евр* (греч.) — Эвр, божество восточного ветра.
- Евмениды* (греч.) — богини мщения.
- Евтерпа* (греч.) — муза лирической поэзии.
- Елена* (греч.) — жена царя Спарты Менелая, которую похитил троянец Парис, что послужило поводом к войне греков против Трои.
- Зевс* (греч.) — верховное божество, царь богов и людей, громовержец.
- Зефиры* (греч.) — божества теплого западного ветра.
- Иракл* — см. Геракл.
- Ипполит* (греч.) — сын Тесея и амазонки. Он отверг любовь своей мачехи Феды, за что был оклеветан ею и убит.
- Кастальский ток* — источник вдохновения на Парнасе, назван по имени нимфы Кастали, превращенной Аполлоном в источник.
- Киприда* (греч.) — Афродита, богиня любви и красоты.
- Кипридин сын* (греч.) — Эрот, бог любви.
- Лавиния* (римск.) — дочь царя Латина, невеста Турна, затем жена Энея (см.).
- Марс* (римск.) — бог войны.
- Медя* (греч.) — волшебница, помогавшая Язону добыть в Колхиде золотое руно и ставшая его женою.
- Минерва* (римск.) — богиня мудрости.
- Наяды* (греч.) — нимфы вод.
- Нектар* (греч.) — напиток богов, сохранявший вечную юность.
- Нептун* (римск.) — бог морей.
- Нерей* (греч.) — вещий старец, обитающий в глубине моря, отец Амфитриты, жены бога морей Посейдона.
- Нимфы* (греч.) — низшие божества, олицетворявшие силы природы. Различались нимфы лесов (дриады), гор (ореады), рек (наяды), морей (нерейды) и др.
- Одиссей* (греч.) — царь острова Итаки, герой Троянской войны, хитростью помогший грекам овладеть Троей, при возвращении на родину испытал множество приключений, описанных в поэме Гомера «Одиссея».
- Олимп* (греч.) — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием богов.
- Орест* — сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать в отомщение за предательское убийство отца, друг Пилада (их дружба стала образцом верной дружбы).

Парки (греч.) — три богини судьбы, прядущие нить жизни каждого человека.

Парис (греч.) — сын царя Трои Приама, похититель Елены.

Парнас — гора в Греции, где обитали Аполлон и музы.

Пилад (греч.) — племянник Агамемнона, друг Ореста, участник его мести.

Пиритой (Пейрифой) (греч.) — царь племени лапифов. Похитил у Тесея стадо быков. Тесей догнал его, оба приготовились к поединку; однако, посмотрев друг на друга, они обоюдно восхитились величием фигуры противника, бросили оружие и заключили между собой дружеский союз.

Пифия (греч.) — прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

Плутон (римск.) — бог подземного царства.

Помона (римск.) — богиня плодов.

Протей (греч.) — морское божество, старец, способный принимать различные облики. В «Одиссее» говорится о том, что Менелай, желая узнать, как грекам вернуться на родину, захватил спящего Протея и, несмотря на то, что он принимал образы льва, дракона, текущей воды и др., — заставил его дать требуемый совет.

Сирены (греч.) — девы, своим сладостным пением заманивавшие мореплавателей в пучину.

Тартар (греч.) — ад.

Тезей (Тесей) (греч.) — сын бога морей Посейдона, герой греческих мифов.

Тифон (греч.) — чудовище, побежденное Зевсом.

Тритоны (греч.) — низшие морские божества, представлявшие в виде полурыб-полулюдей.

Турн (римск.) — царь рутулов, соперник Энея в любви к Лавинии, убитый им.

Улисс — см. Одиссей.

Фавны (греч.) — божества, обитавшие в лесах и полях,покровители пастухов.

Феб (римск.) — Аполлон, бог света и солнца.

Фемиса (греч.) — Фемида, богиня правосудия.

Фетида (греч.) — морская богиня.

Флора (римск.) — богиня цветов.

Фортуна (римск.) — богиня счастья.

Фурии (римск.) — богини мщения.

Цербер (греч.) — трехглавый пес, охраняющий вход в царство мертвых.

Церера (римск.) — богиня жатвы.

Цирцея (греч.) — волшебница в «Одиссее».

Цитерская богиня (греч.) — Венера.

Эгид (эгида) — щит Зевса и Афины.

Эней (греч., римск.) — сын царя Трои Приама. Во главе троянцев, уцелевших после падения города, он отправился во Фракию,

на Крит, в Сицилию, временно жил в Карфагене, где в него влюбилась царица Дидона (см.). В Лации (Италия) Эней поселился, женившись на дочери царя Латина Лавинии (см.).

Эрот (греч.) — бог любви.

Юнона (римск.) — Гера, жена Зевса (Юпитера), царица богов.

Юпитер (римск.) — см. Зевс.

Язон (греч.) — сын царя Иолка, отправленный в Колхиду за золотым руном (шерстью волшебного барана) на корабле «Арго» и успешно совершивший этот подвиг.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Агничем — овечьем.

Алтын — серебряная монета в три копейки, или шесть денег.

Безбранный — мирный.

Безденный — не знающий дря (ад).

Бисер — жемчуг.

Вдругорь — в другой раз.

Велегласно — в полный голос, громко.

Верви — веревки.

Вертоград — плодовый сад.

Внутренна — внутренность.

Внятный — расположенный к вниманию, внимательный.

Вполы — в половину.

В последни — в последний раз.

Всток — восток.

Втул — колчан.

Выя — шея.

Геенна — место вечных мучений, ад.

Горний — вышний, верхний, небесный.

Дискордия — несогласие, раздор.

Днесь — ныне, в настоящий день, в настоящее время.

Дщерь — дочь.

Елень — олень.

Женут — гонят, преследуют.

Живот — жизнь.

Завыть — заплакать.

Заразы — прелести, соблазны.

Зеница — зрачок глаза.

Зрак — вид, лицо.

Измеривый — измеривший.
Иерарх — священноначальник (патриарх, митрополит, архиерей).

Казанье — проповедь.

Клас — колос.

Котурны — высокая театральная обувь древнегреческих актеров.

Криле — крылья (форма двойственного числа).

Крины — лилии.

Ласкаться — надеяться.

Лествица — лестница.

Лик — собрание поющих и пляшущих; песнь, сопровождаемая пляскою.

Литургия — церковная служба, во время которой совершается обряд причащения.

Льзя — можно.

Льсти — лести (от «лесть»).

Лытают — шатаются, шляются, праздно проводят время.

Любитель — возлюбленный.

Муסיкийский — музыкальный.

Мрежа — мережа, сеть для ловли зверей, невод.

Нагайский — татарский.

Напомнивый — вспомнивший.

На упор — упорно.

Одр — ложе, постель.

Олива, оливна ветвь — здесь: символ мира.

Откровенно — открыто.

Оттоманы — турки.

Паче — более.

Пеня — упрек, укор, выражение неудовольствия.

Перси — грудь.

Перун — громовая стрела, молния.

Петиметр — щеголь, модник.

Подклет (подклеть) — нижнее помещение избы, деревянного жилого дома, иногда нежилое.

Позорище — зрелище.

Полуночь — Север, зимняя сторона.

Понт — море (греч.).

Праг — порог.

Путло — ременная привязка на ногах охотничьих хищных птиц.

Рамена — плечи, руки.

Раскат — помост под валом крепости для постановки пушки.

Рачить — заботиться.

Рест — карточный термин.

Риза — одежда.

Сарматский — польский.

Сертит — мотается, хлопочет.

Сигклит — синклит, верховное гражданское правительство; высшее собрание.

Собор — собрание.

Содетель — творец, строитель, помощник; бог.

Спрягаться — соединяться.

Срацины — сарацины, турки.

Сретенье — встреча.

Стезя — путь.

Стогна — улица, площадь.

Сугубить — делать вдвое, удвоить.

Тазать — наказывать, бить.

Тати — воры; *татьба* — кража, воровство.

Твердь — небо.

Тимпан — музыкальный ударный инструмент.

Торжище — торговая площадь, место совершения публичных казней.

Увязенны — увенчаны, украшены цветочным венком.

Хляби — бездны.

Хоругвь — знамя.

Храмина — дворец, дом.

Часть — участь, доля, судьба.

Чекан — ручное холодное оружие, топор на длинной рукояти с молотком вместо обуха.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. М. М. Херасков. Гравюра Майра с рисунка Галленберга. Государственный литературный музей.
2. *Стр. 13*. Автограф неизданного стихотворения М. М. Хераскова «Мадригал» <1775>. Архив АН СССР.
3. *Между стр. 144 и 145*. М. М. Херасков. Гравюра Н. Соколова с рисунка П. фон-Кинеля. Воспроизведено из 1-го тома «Эпических творений» М. М. Хераскова (СПб., 1820).
4. *Между стр. 192 и 193*. Титульный лист «Роснады» в первом издании 1779 г.
5. *Между стр. 304 и 305*. Обложка трагедии «Освобожденная Москва» (М. 1798).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- Апрель («Дыханьем нежным побежденны...») 136
- Бахариана, или Неизвестный (Вступление) 239
- «Беллону вижу я в полках» (Ода российскому воинству. В феврале 1769) 64
- Благополучие («Напрасно частыми пирами...») 90
- Богатство («Внемлите, нищи и убоги!...») 91
- «В невежестве душа доньне погруженна» (К Евтерпе) 107
- «В ночи близ кучи дров лежит гнилая Щепка...» (Две Щепки) 120
- «В свирели мы с тобою...» (К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>) 92
- «В середине цветника Фонтанна кверху била...» (Фонтанна и Речка) 122
- Вдова в суде («Убит муж на войне; Жена вдова осталась...») 116
- «Великое число светил...» (Комета, явившаяся в 1769 году при начале войны с турками) 134
- Венецианская монахиня 247
- «Внемлите, нищи и убоги!...» (Богатство) 91
- Верблюд и Слон («Верблюд гордился! Чем? Горбатою спиною?...») 122
- «Возьмите лиру, чисты музы!...» (К музам) 98
- Вступление (Бахариана, или Неизвестный) 239
- «Всяк на свете сем хлопочет...» 114
- «Где прошедшее девалось? ...» (Прошедшее) 138
- «Где сердце у меня...» (Ответ на вопрос) 138
- «Где слышишь страшный шум Борей...» (Ода) 129
- «Готовься ныне, лира...» (К своей лире) 74
- Два покойника («Филандр поутру встал, Филандров Момсик с ним...») 118
- Две Собаки («Не знаю, у кого служили две Собаки...») 120
- Две Щепки («В ночи близ кучи дров лежит гнилая Щепка...») 120
- Дровосек («Не много на свое искусство уповай...») 118
- «Дыханьем нежным побежденны...» (Апрель) 136

Желания («Желаем, мы всего желаем. . .») 93

Заключение («О моя любезна муза. . .») 88

Злато («Злато прельщает. . .») 130

Злато («Кто хочет, собирай богатства. . .») 91

Знатная порода («Не славь высокую породу. . .») 95

«Иные строят лиру. . .» 86

Искренние желания в дружбе («Оставя стены града. . .») 76

«Искусно красть. . .» (Котел, Собака, две Кошки) 123

Истинное благополучие («Приятну жизнь проводит. . .») 76

Источник и Ручей («Источник некогда с вершины гор стремился. . .») 119

К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому> («В свирели мы с тобою. . .») 92

К Евтерпе («В невежестве душа донине погруженна. . .») 107

К музам («Возьмите лиру, чисты музы! . . .») 98

К сатирической музе («Оставь и не лишай меня, о муза! лиры. . .») 103

К своей лире («Готовься ныне, лира. . .») 74

«Картежник говорит: „Я в карты век играю. . .“» 128

«Когда б я птичкой был. . .» (Птичка) 138

«Когда мы разумом сверкаем. . .» (Разум) 96

«Когда ни начинаю. . .» (О важности стихотворства) 79

«Когда я воображу парнасских муз собор. . .» (Письмо) 101

«Коль буду в жизни я наказан нищетою. . .» 110

Комар («Летающий Комар во уши всем журчал. . .») 124

Комета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками («Великое число светил. . .») 134

Котел, Собака, две Кошки («Искусно красть. . .») 123

Красота («Пригожество лиц минется. . .») 96

«Кто более себя в опасности ввергает. . .» 127

«Кто всех привык ругать, тот в мыслях полагает. . .» (На кривотолков) 127

«Кто первый был на свете. . .» (О злате) 86

«Кто хочет, собирай богатства. . .» (Злато) 91

Лесть («Не будь игрой презренной лести. . .») 94

«Летающий Комар во уши всем журчал. . .» (Комар) 124

На кривотолков («Кто всех привык ругать, тот в мыслях полагает. . .») 127

«На что полезен разум. . .» (О разуме) 84

«Напрасно частыми пирами. . .» (Благополучие) 90

«Наславшись в норе, Хомяк окончил сон. . .» (Человек и Хомяк) 121

«Не будь игрой презренной лести. . .» (Лесть) 94

«Не знаю, у кого служили две Собаки. . .» (Две Собаки) 120

«Не много на свое искусство уповай. . .» (Дровосек) 118

«Не пышною славой. . .» 131

«Не славь высокую породу. . .» (Знатная порода) 95

Ничтожность («Я некогда в зеленом поле. . .») 97

- О важности стихотворства («Когда ни начинаю...») 79
 О злате («Кто первый был на свете...») 86
 О клеветнике («Страшна для общества клеветникова речь...») 105
 «О моя любезна муза...» (Заключение) 88
 О разуме («На что полезен разум...») 84
 «О! черный Стиков сын, погибель смертных рода...» (Порох и Водка) 125
 Ода («Где слышишь страшный шум Борея...») 129
 Ода ее... величеству на день восшествия ее на всероссийский престол, июня 28 1791 года («Тридцатое настало лето...») 69
 Ода на день... рождения ее... величества, 1763 года («Прекрасно солнце в дни весенны...») 59
 Ода российскому воинству. В феврале 1769 («Беллону вижу я в полках...») 64
 Освобожденная Москва 297
 «Оставь и не лишай меня, о муза! лиры...» (К сатирической музе) 103
 «Оставляя стены града...» (Искренние желания в дружбе) 76
 Ответ на вопрос («Где сердце у меня...») 138
 Ответ на песенку («Прекрасное любить...») 132
- Пастушка («Покидает солнце воды...») 133
 Песенка («Что я прельщен тобой...») 132
 Письмо («Когда я вображу парнасских муз собор...») 101
 «Покидает солнце воды...» (Пастушка) 133
 Порох и Водка («О! черный Стиков сын, погибель смертных рода...») 125
 «Пою морскую брань, потомки! ради вас...» (Чесмесский бой) 143
 «Пою от варваров Россию свободенну...» (Россиада) 181
 «Прекрасное любить...» (Ответ на песенку) 132
 «Прекрасно солнце в дни весенны...» (Ода на день... рождения ее... величества, 1763 года) 59
 «Пригожство лиц минется...» (Красота) 96
 «Приятну жизнь проводит...» (Истинное благополучие) 76
 Прошедшее («Где прошедшее девалось?») 138
 Птичка («Когда б я птичкой был...») 138
- Разум («Когда мы разумом сверкаем...») 96
 Россиада («Пою от варваров Россию свободенну...») 181
- Сила любви («Сын цитерския богини...») 82
 Сонет и эпитафия («Я век свой по свету за пищею скитался...») 110
 Сорока в чужих перьях («Сорока в перья птиц прекрасных убра- лась...») 116
 «Страшна для общества клеветникова речь...» (О клеветнике) 105
 «Сын цитерския богини...» (Сила любви) 82
- «Тебе приятны боле...» 83
 «Только явятся...» 112
 «Тридцатое настало лето...» (Ода ее... величеству на день... вос- шествия ее на всероссийский престол, июня 28 1791 года) 69
 «Убит муж на войне; Жена вдова осталась...» (Вдова в суде) 116

- «Филандр поутру встал, Филандров Момсик с ним...» (Два по-
койника) 118
- Фонтанна и Речка («В середине цветника Фонтанна кверху
била...») 122
- Человек и Хомяк («Наславшись в норе, Хомяк окончил сон...») 121
- Чесмесский бой («Пою морскую брань, потомки! ради вас...») 143
- «Что я прельщен тобою...» 132
- «Я век свой по свету за пищу скитался...» (Сонет и эпитафия) 110
- «Я некогда в зеленом поле...» (Ничтожность) 97

СОДЕРЖАНИЕ¹

Творчество Хераскова. <i>Вступительная статья А. В. Запавова</i>	5
--	---

Стихотворения

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

Ода на день высочайшего рождения ее императорского величества, 1763 года	59 377
Ода российскому воинству. В феврале 1769	64 377
Ода ее императорскому величеству на день высокаторжественного ее восшествия на всероссийский престол, июня 28 1791 года	69 378

АНАКРЕОТИЧЕСКИЕ ОДЫ

К своей лире	74 378
Истинное благополучие	76 378
Искренние желания в дружбе	76 378
О важности стихотворства	79 379
Сила любви	82 379
«Тебе приятны боле...»	83 379
О разуме	84 379
«Иные строят лиру...»	86 379
О злате	86 379
Заключение	88 379

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

ОДЫ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

Благополучие	90	379
Богатство	91	379
Злато («Кто хочет, собирай богатства...»)	91	379
К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>	92	380
Желания	93	380
Лесть	94	380
Знатная порода	95	380
Разум	96	380
Красота	96	380
Ничтожность	97	380
К музам	98	380

ЭПИСТОЛЫ

Письмо	101	380
К сатирической музе	103	380
О клеветнике	105	381
К Евтерпе	107	381

СОНЕТЫ

Сонет и эпитафия	110	381
«Коль буду в жизни я наказан нищетою...»	110	381

СТАНСЫ

«Только явятся...»	112	381
«Всяк на свете сем хлопочет...»	114	381

БАСНИ

Сорока в чужих перьях	116	381
Вдова в суде	116	381
Два покойника	118	382
Дровосек	118	382
Источник и Ручей	119	382
Две Щелки	120	382
Две Собаки	120	382
Человек и Хомяк	121	382
Фонтанна и Речка	122	382
Верблюд и Слон	122	382
Котел, Собака, две Кошки	123	382
Комар	124	382
Порох и Водка	125	382

ЭПИГРАММЫ

«Кто более себя в опасности ввергает?..»	127	382
На кривотолков	127	382
«Картежник говорит: „Я в карты век играю“...»	128	382

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ода («Где слышишь страшный шум Борей...»)	129 383
Злато («Злато прельщает...»)	130 383
«Не пышною славой...»	131 383
Песенка («Что я прельщен тобой...»)	132 383
Ответ на песенку («Прекрасное любить...»)	132 383
Пастушка	133 383
Комета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками	134 383
Апрель	136 383
Птичка	138 383
Ответ на вопрос	138 383
Прошедшее	138 383

Поэмы

Чесмесский бой	
Песнь первая	143 384
Песнь вторая	147 385
Песнь третья	153 386
Песнь четвертая	161 386
Песнь пятая	169 386
Россиада. <i>Поэма эпическая.</i>	
Историческое предисловие	177 387
Взгляд на эпические поэмы	179 387
Песнь первая	181 388
Песнь десятая	195 390
Песнь вторая/надесять	215 391
Бахариана, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерп-	
нутая из русских сказок. Вступление	239 392

Трагедии

Венецианская монахиня	247 392
Освобожденная Москва	297 393

Примечания	375
----------------------	-----

Словарь мифологических имен и названий	395
Словарь устаревших и малоупотребительных слов	399
К иллюстрациям	402
Алфавитный указатель произведений	403

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
М. О. Ауэзов, В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
М. Ф. Рыльский, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Херасков Михаил Матвеевич

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 28/XII 1960 г. Подписано
в печать 17/IV 1961 г. Бумага 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 13¹/₈ (21,52). Уч.-изд. л. 21.04.
Тираж 20 000 (1-й завод 6000). Зак. № 2236.
Цена 81 коп.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

